

Еркин Тукумов

**Открывая Америку:
взгляд из Казахстана**

**История развития сверхдержавы:
Pro & Contra**

Бостон – Астана, 2017

УДК 327(574)
ББК 66.4(5Каз)
Т 81

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Автор: Е.В. Тукумов

Книга публикуется в авторской редакции

Тукумов Е.В.

Т81 Открывая Америку: взгляд из Казахстана: монография. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2017. – 372 с.

ISBN 978-9965-844-73-7

Истории развития Соединенных Штатов посвящены множество блестящих трудов ученых всего мира. В то же время, в Казахстане школа американистики все еще находится на начальном этапе становления. Автор – специалист по международным отношениям, дипломат, стипендиат программы «Болашак», получивший степень магистра государственного управления в США и проживший в этой стране два года, предлагает свое, казахстанское видение того, как США за несколько столетий превратились к XXI веку из колонии Британской империи в самое могущественное государство мира. В данном труде анализируются факторы, способствовавшие развитию супердержавы, в частности, большое внимание уделяется автором подходам культурного детерминизма и институционального развития Соединенных Штатов. В фокусе внимания также проблемы, с которыми американское общество сталкивается сегодня, в частности, нелегальной иммиграции, социального неравенства, безработицы и преступности.

Отдельный блок посвящён внешней политике США, механизмам принятия внешнеполитических решений, а также двусторонним отношениям Вашингтона и Астаны. Также автор проводит заочный разговор с американским профессором Джозефом Наем относительно того, заканчивается ли век Америки.

Данный труд предназначен для широкого круга читателей, желающих узнать о США больше, и, прежде всего, ориентирован на студентов и школьников, которые хотят посвятить себя науке и практике международных отношений.

УДК 327(574)
ББК 66.4(5Каз)

ISBN 978-9965-844-73-7

© КИСИ при Президенте РК, 2017
© Тукумов Е.В., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от Султана Акимбекова.....	5
Введение.....	10
ГЛАВА 1. США: от «Мальтузианской ловушки» к современному государству	15
1.1 Тысячи лет до Христофора Колумба, или кто на самом деле открыл Америку?	15
1.2 «Бостонское чаепитие», или с чего начиналась Америка	29
1.3 Великое переселение народов или «Мальтузианская ловушка» ...	36
1.4 Соединенные Штаты: 3-я по населению и 4-я по территории страна мира.....	58
ГЛАВА 2. Алхимия успеха	67
2.1 Географическая детерминанта развития США	76
2.2 Наука и образование как драйверы экономического роста США	86
2.3 Институты, институты?!.....	101
2.4 Культурный детерминизм экономического развития США	118
2.5 Концепция «Леса и обезьян» Рикардо Хаусмана.....	132
2.6 Американская мечта, или что заставляет людей эмигрировать в США?	149
ГЛАВА 3. Что сегодня волнует американцев больше всего?	163
3.1 Безработица: у страха глаза велики?	168

3.2 Нелегальная иммиграция	182
3.3 Растущий уровень бедности и экономического неравенства – как ключ к победе Дональда Трампа.....	197
3.4 Black lives matter, или работает ли еще американский «плавильный котел»?	207
3.5 Терроризм и исламофобия	221
3.6 Здравоохранение США: назревшие реформы	228
3.7 Криминальная Америка.....	237
ГЛАВА 4. Заканчивается ли век Америки?	256
4.1 Кто проводит внешнюю политику США?	257
4.2 Лоббизм во внешней политике США.....	269
4.3 Какая внешняя политика отвечает национальным интересам Америки?	276
4.4 Союзники США: опора глобального лидерства или «безбилетники»?	289
4.5 Завершается ли век Америки? – заочный разговор с Джозефом Наем.....	321
4.6 Интересы Вашингтона в Казахстане.....	337
Литература	349

Предисловие от Султана Акимбекова

Книга Еркина Тукумова, без сомнения, это событие для Казахстана. Она имеет большое значение для развития интеллектуальной среды. И дело не только в том, что у нас вообще выходит не так много книг, написанных казахстанскими авторами, тем более, по актуальной международной тематике. Вернее сказать, что их очень мало. Поэтому каждая такая книга критически важна для интеллектуального пространства страны и его развития. Тем более, когда речь идет о качественной работе с использованием большого количества литературы и, насколько это возможно, полным раскрытием выбранной автором темы.

Важно также и то, что книга Еркина Тукумова отражает точку зрения казахстанского автора на наиболее важные процессы, идущие в современном глобальном мире. С этой целью автор рассматривает наиболее актуальные тенденции, характерные для современного мира, используя для этого самые значимые книги, написанные в наше время.

К сожалению, у нас в Казахстане часто высказывается мнение, что большой мир нам совсем не нужен, что мы должны сосредоточиться на наших проблемах, что наши аналитические структуры должны заниматься только казахстанской проблематикой. По сути, это такой изоляционистский подход, который носит глубоко провинциальный характер. Есть наш маленький мирок и этого для интеллектуального пространства страны якобы вполне достаточно.

Но такой подход не может соответствовать не только амбициям любой современной страны, но и конкретным зада-

чам ее развития, потому что любая страна в первую очередь должна быть конкурентоспособной, и не только в области экономики и промышленного производства. Конкурентоспособность подразумевает и позиционирование страны в качестве государства, способного участвовать в обсуждении главных проблем в мире и, что немаловажно, иметь по этим проблемам свою точку зрения. Понятно, что нельзя быть только потребителем информации и тех или иных конкретных знаний. Нужно уметь их интерпретировать и формулировать свою позицию.

Еще стоит упомянуть и чисто восточную традицию – ничего не писать о тех или иных странах, и тем более – о соседях. Здесь часто действует принцип, который обычно применяют в других случаях, когда говорить можно или хорошо, или никак. Возможно, именно поэтому у нас очень мало книг о стратегически важных для Казахстана странах, в то время как это также является частью позиционирования любой страны. Это важно также и для развития собственного интеллектуального пространства. В стране должна идти работа над тем, что происходит вокруг нас, что затрагивает наши интересы, и производить соответствующую продукцию необходимо не только для внутреннего пользования, но и для широкой общественности. Безусловно, всегда лучше, когда общественность получает информацию и, что может быть еще важнее, ее интерпретацию, не только и столько от иностранных специалистов, но и от собственных авторов.

В этом смысле книга Еркина Тукумова появляется очень вовремя, потому что ситуация в мире уже очень давно не была такой неопределенной – нет прежней ясности отно-

сительно того, как развивается этот мир и как он должен развиваться. В мире сейчас больше вопросов, чем ответов на них. И в этой ситуации многое зависит от того, как будут развиваться события в США, ключевой стране современного мира. Все мы смогли в этом убедиться, когда президентом стал Дональд Трамп. По словам автора, «...появление Трампа на мировой арене было сродни «черному ящику» на популярной игре «Что? Где? Когда?»».

С новым президентом количество вопросов к США и их роли в современных процессах резко возросло. У каждого они свои. Китай беспокоится относительно торговой политики Вашингтона. Россию волнует вопрос санкций и в целом плохих отношений с Америкой. Европа переживает относительно перспектив их общего с США коллективного Запада. Экономисты во всем мире строят предположения, что будет с глобальной экономикой, в то время как политики и политологи беспокоятся о глобальном мире. В самих США очень много вопросов, касающихся внутренней проблематики.

Из-за всей этой неопределенности интерес к США, к занимаемому ими месту в мире все время растет, потому что всем надо понимать, что делать, чего опасаться, как будут развиваться события в дальнейшем и как они скажутся на интересах их собственных стран.

Книга Еркина Тукумова помогает ответить на некоторые вопросы, а некоторые оставляет открытыми – для будущих работ и будущих авторов. Интересно, что в книге есть элементы включенного наблюдения из опыта самого автора, это – не только один из известных методов проведения ис-

следований, но и попытка понять внутреннюю специфику изучаемой страны. Сухой статистики и научных исследований часто бывает недостаточно.

В то же время, включенное наблюдение – это не взгляд путешественника. Это – способ познания мира специалистом, который видит не только мелкие детали, но и всю картину целиком. В XIX веке, в эпоху энциклопедистов, это был очень распространенный метод изучения страны. Можно вспомнить и Алексиса де Токвиля с его книгой «Демократия в Америке», или другого француза, Астольфа де Кюстина, написавшего по итогам своего путешествия в Россию книгу «Россия в 1839 году». Такие работы пишутся от частного к общему и обратно.

Стоит подчеркнуть, что книга Еркина Тукумова появилась вовремя еще и потому, что для Казахстана, с его проверенной временем многовекторной политикой, а также связанными с ней вызовами, критически важно иметь представление обо всех конкурирующих сторонах, участвующих в той «Новой Большой игре», которая разворачивается вокруг Центральной Евразии. США являются одной из сторон этой конкуренции. Мы должны знать о США больше, точно так же, как и о России и Китае.

Еркин Тукумов расширяет наше понимание Америки, точно так же, как другие авторы расширяют наше понимание России, Китая и других важных для нас стран. А это повышает нашу способность к маневрированию в сложных условиях геополитической конкуренции.

В книге автора использована обширная библиография, что придает весомость работе и лишней раз подчеркивает,

насколько важен для качественной научной работы доступ к библиотекам мирового уровня. В этом смысле написать такую книгу в Казахстане было бы сложно, поскольку наши библиотеки, к большому сожалению, не предоставляют такой возможности.

В любом случае, нам нужно больше таких книг, как работа Еркина Тукумова. Интеллектуальное пространство должно расширяться, это вопрос не просто развития, но и выживания государства. Казахстан за годы независимости успешно вышел из прежнего периферийного состояния в области политики, в котором наш регион находился в годы «холодной войны». Однако в интеллектуальном плане мы все еще далеки от мировых стандартов, у нас мало авторов и мало книг, хотя много докторов и кандидатов наук. Остается пожелать Еркину Тукумову не останавливаться на достигнутом. Каждый практикующий с уникальным собственным опытом политолог важен для страны и интеллектуального сообщества, если, конечно, он пишет книги.

*Посвящается моим родителям
Тукумову Валитхану и
Тукумовой Канджан*

ВВЕДЕНИЕ

Написать книгу о Соединенных Штатах меня подвигли несколько разных обстоятельств.

Первое обстоятельство связано с тем, что до сих пор, спустя четверть века нашего независимого плавания, в Казахстане критически мало наших отечественных оценок ситуации в мире, особенно в ключевых странах, таких, как Центральная Азия, Россия, Китай и США. Мы продолжаем смотреть на мир «чужими глазами», пусть качественными, несоизмеримо лучшими аналитическими, научными исследованиями, основанными на многолетнем страноведческом опыте. Но критический взгляд позволяет видеть межстрочный, а часто – и определенный, явный контекст других национальных, геополитических интересов, не всегда и не во всем совпадающих с интересами Казахстана. И это – вопрос не просто становления собственной школы страновых исследований, это – вопрос национальной безопасности и будущего развития нашей страны, как бы пафосно это ни звучало. Об этом говорят, наверное, все серьезные исследователи международных отношений, страноведы. Специалистов по любой важной для Казахстана стране, например, по Узбекистану или Кыргызстану, у нас можно пересчитать по пальцам одной руки, а часто их и вовсе нет. Учитывая сильное информационное воздействие нашего великого северного соседа – России, кажется, что у нас должно быть

много экспертов по этой ключевой для национальной безопасности Казахстана стране. Но, как это ни парадоксально, экспертов по России, детально знающих внутреннюю ситуацию в масштабах всей федерации и ее регионов, тонко разбирающихся во внешнеполитических механизмах принятия решений Кремлем, проводящих постоянный мониторинг России, очень мало, точнее, недостаточно, что не может не отражаться на понимании этой важной для нас страны.

На наш взгляд, основной упор в государственном и частном аналитических секторах нашей страны в целом делается на так называемой реагирующей аналитике, когда оперативно появляются экспертные мнения по актуальным событиям, происходящим в ключевых для нас странах и регионах мира, прежде всего, в России, США, Китае, Европейском союзе и на Ближнем Востоке. Но без фундаментальных знаний о субъекте анализа реагирующая аналитика не может быть качественной. Без глубоких и обширных знаний о стране или регионе, на основе которых эксперт может аккумулировать свое видение текущей и долгосрочной ситуации, все будет сведено к поверхностной обработке фактов и чужих мнений, а в итоге – выдано за собственные оригинальные идеи. Если же взять в качестве примера ту же Россию, то там Соединенными Штатами на постоянной основе и долгие годы занимаются десятки крупных мозговых государственных и частных центров, таких, как институт США и Канады, ИМЭМО, институты при МГИМО. В этих мозговых центрах сформированы огромные базы данных по всем аспектам развития США. В итоге и Кремль, и МИД РФ снабжаются качественными аналитическими материалами на регулярной основе. А вот качество их использования – это уже другой вопрос.

В США при каждом крупном университете функционируют исследовательские центры, изучающие разные регионы мира. К примеру, Дэвис центр при Гарвардском университете, специализирующийся на постсоветском пространстве. И таких центров по всей стране – сотни. Кроме того, каждый уважающий себя госорган США имеет свои исследовательские структуры, бюджеты которых иногда больше, чем бюджеты некоторых стран мира. К примеру, РЭНД корпорейшн с бюджетом в миллиарды долларов и постоянными заказами от Пентагона и Госдепа.

Казахстан – не Россия, и тем более – не США с точки зрения политической и экономической мощи, и, конечно, у страны нет необходимого потенциала для производства аналитики и экспертных материалов высокого качества. Но потребность остается, и поэтому нет никаких аргументов против фундаментального изучения международных отношений, становления собственной школы страноведения в независимом Казахстане.

Небольшие подвижки в этом направлении уже есть. Десятки казахстанцев, отучившиеся в Китае, Великобритании, Германии и США, в том числе и по программе «Болашак», постепенно становятся настоящими экспертами-страноведами. Потенциал огромный и он должен принести свои плоды. Надеюсь и на мою скромную лепту в этом вопросе.

Мой интерес к США возник еще в университетские годы в Варшавском университете, в школе международных отношений, где я учился на дипломата. Поэтому вопрос относительно выбора места обучения по программе «Болашак» у меня был давно предрешен.

Мне давно хотелось понять эту уникальную страну, изучить ее культуру, менталитет американцев. Период моего

становления как профессионального международного со-
впал с расцветом Соединенных Штатов в качестве един-
ственной сверхдержавы и самого экономически мощного
государства мира. Фактор США играл и продолжает играть
ключевую роль практически во всех международных вопро-
сах.

Сегодня, в эпоху интернета, объем информации о США
просто несравним с эпохой «холодной войны». Но также
очевидно, что огромный количественный поток информа-
ции не перерастает в качество. Более того, в последние годы,
в том числе и под влиянием непростых отношений Москвы
и Вашингтона, у казахстанцев все чаще наблюдаются до-
статочно стереотипные, пропагандистские представления,
клише о США, все больше появляется полярных мнений:
либо все хорошо, либо все плохо. Подобная ситуация ме-
шает увидеть целостную, объективную картину о США, по-
нять жизнь американцев, увидеть их достижения и пробле-
мы без пропагандистской шелухи.

Именно поэтому одним из самых весомых факторов в
выборе США в качестве страны обучения по программе
«Болашак» стала уникальная возможность увидеть, почув-
ствовать, изучить страну изнутри. Самые лучшие учебники,
книги не могут заменить атмосферу пребывания в стране.
Да, современные технологии позволяют дистанционно ви-
деть многое из того, что происходит в, наверное, самой об-
суждаемой и по-разному воспринимаемой стране мира, но
прочувствовать, чем она дышит, чем живет, я уверен, мож-
но, лишь прожив здесь определенное время.

Вторым фактором моего интереса к написанию книги
стал профессор Рикардо Хаусман, а, точнее, его курс: «По-
чему страны бедные, волатильные и неравные?», пользу-

ющийся огромной популярностью во всем Гарварде. Этот предмет, который я с удовольствием и энтузиазмом прошел в осеннем семестре, и стал той отправной точкой, способствовавшей принятию решения посвятить время и энергию написанию этой книги. Только двигаясь в обратном направлении – а именно: почему именно США стали успешным и самым богатым государством в мире? Какие основные факторы повлияли на американский путь развития, в чем секрет их успеха?

Сегодня выяснением причин, почему одни страны стали богатыми, а другие, несмотря на все их старания, прозябают в нищете, занимается огромное количество исследователей по всему миру. Эта тема трендовая. Разумных объяснений, интересных теорий имеется достаточно много, но единого ответа, какого-то общего рецепта успеха – нет. Возможно, единого рецепта и не существует, ведь все страны – уникальны, пути их развития или неразвития порой сильно отличаются друг от друга.

Тем не менее, как у развитых, так и у неразвитых стран находится очень много общего, и это дает ученым повод говорить о неких универсальных закономерностях развития. Для стран с транзитными экономиками и обществами, к которым относится и Казахстан, подобные экспертные поиски – не дань научной моде, а настоятельная необходимость адаптировать богатый мировой опыт развития на национальном уровне, избежать ловушек и минимизировать ошибки «экономических модернизаций». При этом необходимо обращать внимание на те «детали», которые иногда кажутся несущественными, но на деле оказываются ключевыми.

ГЛАВА 1

США: от «Мальтузианской ловушки» к современному государству

1.1 Тысячи лет до Христофора Колумба, или кто на самом деле открыл Америку?

Вполне очевидно – чтобы понять настоящее и будущее Соединенных Штатов Америки, надо заглянуть в прошлое этой страны.

Человеческая история на Новой земле «кипела» всюду задолго до появления первых «колонизаторов-пришельцев» из Испании, Британии, Голландии и прочих стран Европы. Поэтому вполне логично и справедливо начать знакомство с историей США с вопроса о коренных жителях этой страны или, в простом обиходе, «индейцев».

Почему их стали называть индейцами и как так случилось, что число коренных жителей, живших на этой земле многие тысячелетия до прихода европейских колонизаторов, по разным данным, с XVI до XX века с 15 миллионов «сократилось» до нескольких сотен тысяч? Кто были эти люди, откуда они появились, как жили, почему чуть не исчезли с лица Земли?

Известно, что начало истории современных Соединенных Штатов имеет точную дату отсчета, хотя многими и оспариваемую. Начало колонизации территории современных США неформально может отсчитываться с 1498 года, когда первый британский исследователь Джон Кабот впервые высадился на территории Северо-Восточного побережья (ныне территория Новой Англии, включающая штаты Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд и Вермонт). История же независимости США как государства начинается с 1776 года, с момента отделения от Британской империи.

Между тем, точная дата появления коренных народов, населявших территорию современных США, до сих пор вызывает большие научные споры.

Не думаю, что сегодняшние мальчишки в Казахстане знают, что такое игра в индейцев и кто такой Чингачкук! По крайней мере, вряд ли игры в индейцев имеют такую же популярность, как в мои детские годы 80-х годов. В те уже далекие времена индейская тематика была окутана особой тайной и приключениями. Начитавшись романов главного специалиста по индейцам, американского писателя Фенимора Купера – «Последний из могикан», «Зверобой или Первая тропа войны», а также насмотревшись фильмов – «Сыновья Большой Медведицы» и «Чингачкук – Большой Змей» с участием легендарного Гойко Митича, все пацаны мечтали стать вождями племени краснокожих, метко стрелять из лука и отважно скакать на лошадях! Романтики было хоть отбавляй.

Нам, конечно, не было особого дела, что на самом деле местных аборигенов индейцами называют неправильно, а

сама индейская романтика очень густо перемешана с кровью и трагедией коренных народов Америки! С легкой руки европейских пришельцев, а, точнее, официального первооткрывателя Америки, Христофора Колумба, думающего, что он в Индии и видит местных жителей, случилось так, что целый конгломерат народов, культур, проживавших на территории современных США и в других странах двух Америк, стали ошибочно называть индейцами. Другим крайне некорректным названием, которое получили коренные жители, стало именование «краснокожие» – видимо, при первых встречах с колонизаторами они были ритуально окрашены красками в красный цвет.

Должно было пройти много страшных лет, чтобы «индейцев» наконец-то стали политкорректно называть коренными американцами (Native Americans) или даже Первой нацией (First Nation), подчеркивая тем самым их особый статус настоящих первопроходцев Америки, живших на этих землях многие столетия и тысячелетия.

Когда точно появились коренные народы Америки, доподлинно неизвестно, но в последнее время научные изыскания сильно продвинулись. До недавнего времени считалось, что первые предки современных индейцев появились на территории США около 13 тысяч лет тому назад. Другие ДНК, полученные американскими исследователями при исследовании останков, доказывают их гораздо более раннее появление – 15 тысяч 500 лет назад.

В период моего пребывания в США в журнале «National Geographic» я натолкнулся на еще более свежие данные научных исследований. В них говорится, что, согласно недав-

но озвученной теории, далекие предки коренных народов США перекочевали из Азии еще раньше, воспользовавшись территорией современного Берингова пролива, который в то время из-за существенно более низкого уровня моря был сушей, соединяющей два континента – Азию и Америку. Так, около 32 тысяч лет тому назад доисторические кочевники, вероятнее всего, охотники за длинношерстными мамонтами, бизонами и оленями, оказались на территории сегодняшней Аляски и жили на ней около 15 тысяч лет – до тех пор, пока не началось таяние ледников, покрывавших большую часть территории современных США [1]. (К примеру, в районе современного Бостона толщина льда составляла около 2-х км – такую информацию я обнаружил, будучи в музее естественной истории Гарвардского университета).

Конец ледникового периода, между 15 000 и 10 000 годами до н. э., открыл путь на юг, что привело к дальнейшей миграции людей с Аляски на территорию современных США и далее – на земли Центральной и Южной Америки. Пришельцы из Азии селились на многие тысячи километров вдоль Тихоокеанского побережья и далее вглубь территорий, занимая все земли, пригодные для жизни.

ДНК-тесты подтверждают родство современных коренных народов Америки с пришельцами из Беринговой земли, которые, в свою очередь, согласно анализу их ДНК, на 2/3 являются выходцами из Восточной Азии, и на 1/3 – из Евразии [2]. Так что вероятность родства далеких предков казахов и коренных народов Америки все-таки существует, как бы смешно это не могло показаться многим.

Это – основная версия, поддерживаемая большинством

исследователей. Правда, в истории первых жителей Америки все еще много белых пятен. К примеру, происходила ли миграция людей из Азии волнами, или она была постоянной, и вообще, только ли из Азии шла миграция? Или такой ключевой вопрос – почему «индейские» племена на территории современных США были цивилизационно и технологически более отсталыми, чем их собратья в Мексике и южнее, примерами чего могут послужить продвинутые цивилизации майя и ацтеков? Почему все коренные народы Америки в какой-то исторический период застыли в своем технологическом и культурном развитии и в результате не смогли противостоять колонизации европейскими народами?

Наряду с основной версией, существуют и другие интересные и неординарные идеи, имеющие свое право на жизнь.

К примеру, известный американский журналист, историк Кенез Дэвис приводит еще несколько интересных теорий о первых людях Новой Земли.

«...Одна из них утверждает о Тихоокеанском проникновении в районе 12 500 лет назад людей с территории Северной Азии на лодках, приплывших к Западному побережью Америки. В пользу этой теории говорят артефакты в виде деревянных инструментов, костей животных и следов человека, найденные в Перу и Чили.

Вторая версия, называемая Северо-Атлантическим маршрутом, и подтверждаемая многочисленными артефактами, найденными в Пенсильвании, Вирджинии и Южной Каролине, говорит о том, что между 10 000 и 16 000 годами первые американцы появились из Европы! Находка в

штате Вашингтон так называемого Кенневикского человека (Kennewick man), человека белой расы, датируемая периодом между 8000–9300 годами, вообще поставила вопрос ребром: а были ли первые американцы азиатами?

Ну и, наконец, самая полемическая версия об Австралийском маршруте. По мнению сторонников этой теории, первые американцы появились из Южной Азии. Найденный в Бразилии скелет человека вроде подтверждает данную версию, но многие исследователи говорят, что более вероятно, что люди из Южной Азии, пройдя долгий путь по всему побережью Азии, все-таки перешли через Берингов пролив, тем самым еще раз подтверждая основную версию о появлении первых американцев» [3].

Ясно одно – фундаментальные исследования о первых поселенцах современной Америки, начавшиеся только относительно недавно, начали выявлять многочисленные белые пятна истории. Уверен, что основные открытия все еще впереди, и мы еще многое узнаем о том, кто все-таки первым заселил континент, и каковы были маршруты миграции и численность населения перед приходом европейских колонизаторов времен Колумба и Америго Веспуччи.

Еще одним из вопросов истории, ждущих своего ответа, остается исследование племенного, языкового и культурного разнообразия коренных народов США. Называть целый конгломерат народов, проживавших на огромной территории с совершенно разными климатическими условиями, от лесов Северо-Востока до пустынь современных штатов Аризона и Невада, одним словом – индейцы, то же самое, что называть народы, живущие сейчас на территории Ев-

ропы, европейцами – названием, которое говорит о некоей единой географической и цивилизационной принадлежности, но умалчивает о культурном, языковом и этническом разнообразии ее населения. Термин «индейцы», используемый нами по привычке, в реальности является собирательным и неправильным названием десятков и сотен разных народов, племен, кочевых и оседлых, с разным хозяйственным укладом: рыбаков, охотников. Речь идет о племенах, которые были друг другу союзниками и врагами, племенах, которые понимали и не понимали языки друг друга, воинственных и миролюбивых племенах, которые поклонялись разным богам и даже стояли на относительно разных ступеньках лестницы цивилизационного развития.

Но, конечно, объединяло их больше, чем разъединяло. Одним из таких объединяющих факторов была их способность жить в гармонии с природой: коренные жители никогда не уничтожали животных ради развлечения, лишь исключительно ради пищи. В ответ природа давала им еду, одежду и кров.

Известно, что самыми крупными племенами или объединениями племен индейцев Северной Америки, насчитывающими десятки тысяч человек, были апачи, каманчи, чероки, ирокезы, могоканы и гуроны.

Кстати, насчёт численности индейцев до прихода белого человека, а именно до Колумба, «... в последнее время подходы исследователей были радикально пересмотрены. Если раньше количество индейцев оценивалось от 8 до 16 миллионов на двух Америках, не только на территории США, то сейчас говорится уже о 100 миллионах!» [4]. Согласно данным, приведенным в лекции, которую я услышал в нацио-

нальном музее американских индейцев в Смитсоновском институте в Вашингтоне, численность индейцев с 1500 года до 1900 сократилась с 15 миллионов до нескольких сот тысяч. Точное число жертв установить невозможно, поскольку количество населения до прихода Колумба неизвестно. Наверное, это так и останется тайной. Кстати, музеи Смитсоновского института в Вашингтоне абсолютно бесплатны, что отличает их от музеев Нью-Йорка и Бостона, и, самое главное, очень удобны для посещения, так как расположились практически на одной улице – Индэпэндэнс авеню.

По данным за 2014 год, сегодня на территории США проживают более 5 миллионов коренных жителей, в том числе представителей таких крупных индейских племен, как чероки, апачи, навахо и др. Знакомясь с событиями времен колонизации США, просто поражаешься их мужеству и героизму в отчаянной, но абсолютно неравной борьбе с европейскими колонизаторами. В борьбе за свою независимость у индейцев, очевидно, были свои герои, свои «Кенесары-ханы», Исатаи Таймановы и Алиханы Букейхановы. Но мир этих героев, к сожалению, уже вряд ли узнает.

Очевидно, что в течение тысячелетий, с учетом природно-климатических условий, различные индейские племена селились на лучших и наиболее пригодных для жизни землях: преимущественно на Восточном побережье США, в районе Великих Озер, вблизи рек и лесов. Естественно, что с приходом европейских колонизаторов все коренные народы Америки: какие-то – силой, какие-то – хитростью, с использованием несправедливых сделок, были вытеснены

на более худшие, а то вовсе и непригодные для проживания местности. Это стало основой для ожесточенных и неравных схваток, приведших к гибели миллионов индейцев.

Антииндейская политика проводилась и поддерживалась на государственном уровне. К примеру, имеется исторический факт, когда «... седьмой президент США Эндрю Джексон (именно его изображение красуется на 20-долларовой банкноте), вступив в должность президента, утвердил закон, принятый Конгрессом, о насильственном переселении индейских племён с родных земель на юго-востоке страны на дикие, с суровым климатом, непригодные для жизни западные территории, в частности, в штат Оклахома» [5]. Переселение сопровождалось гибелью от холода, голода и болезней многих тысяч индейцев.

Трагическая история индейцев в период колонизации Америки очень напоминает, на мой взгляд, трагедию казахского народа периода колонизации Российской империей, а затем и Советским Союзом. Очень много сходного, особенно в изгнании коренных народов с лучших земель в пользу колонизаторов и создании искусственных условий для вымирания местных жителей.

Но ряд исследователей придерживается другого мнения, согласно которому, основной причиной почти полного исчезновения индейцев стали вовсе не военные действия, а отсутствие иммунитета к болезням, завезенным из Европы, таким, как оспа, тиф, корь, грипп и т. д. Отчасти такая версия может выглядеть правдоподобной, учитывая изолированное проживание индейских племен на протяжении многих тысячелетий, без контактов с другими цивилизациями.

А одна эпидемия гриппа, как мы знаем из истории всего человечества, может унести десятки миллионов жизней в течение короткого времени, как это случилось в 1918–1919 годах, когда весь мир охватила эпидемия т. н. «испанского» гриппа, в результате которой погибло, по разным подсчетам, около 100 миллионов человек.

В любом случае, на сегодня это две основные версии и, на мой взгляд, обе они являются взаимодополняющими, но никак не взаимоисключающими.

На трагедию индейцев США повлияли еще две дополнительные причины, менее известные, но не менее трагичные. Первая из них – это безумное истребление бизонов европейскими колонизаторами. «...Индейцы традиционно охотились на бизонов только для удовлетворения своих жизненных потребностей: для пропитания, а также изготовления одежды, жилищ, орудий и утвари, и выживание многих племен зависело от бизонов. Однако в начале 1800-х годов началась коммерческая охота на бизонов ради их шкур со стороны европейских поселенцев. К началу XX века в результате намеренного хищнического истребления численность бизонов снизилась с нескольких десятков миллионов до нескольких сотен. Историк Эндрю Айзенберг писал о снижении численности бизонов с 30 миллионов в 1800 году до менее тысячи к концу века» [6]. Истребление бизонов повлияло на численность населения тех индейских племен, для которых бизоны были основным источником пропитания, самым серьезным образом.

Еще одна, возможно, неприятная для самих индейцев, но правдивая причина – вражда между разными индейскими

племенами, которую европейские колонизаторы активно использовали, применяя старый прием политики: разделяй и властвуй. «...Уже в 1609 одни из первых французских поселенцев во главе с Самуэлем дэ Чэмплэйном (Samuel de Champlain) помогли двум местным индейским племенам – хуронам и алгонквенам победить могущественное индейское племя ирокезов. Ирокезы, к слову, были на то время самой мощной и организованной конфедерацией 5 племен в районе Нью-Йорка, и не англичане, а ирокезы были фактически самым главным врагом для только осваивающихся на новой земле французов» [7].

Подобных примеров истребления местного населения через разжигание межплеменной вражды, которую активно использовали европейские колонизаторы, было достаточно. Кстати, использование индейцев среди европейских колонизаторов имело и положительные стороны, по крайней мере, для Канады. Канадские историки уверены, что «если бы не активная военная помощь британским войскам со стороны индейских племен под предводительством Ирокезов, которые фактически властвовали на территории Канады почти 250 лет до приходов первых европейцев, то Канада могла бы быть сегодня частью США» [8]. Это, впрочем, не помешало европейским колонизаторам впоследствии нарушить обещания и гарантии, данные в 1763 году британским королем Георгом, и начать, как и в США, антииндейскую политику дискриминации и уничтожения.

В целом, история трагедии индейцев США неоднозначна, но основная вина европейских колонизаторов в практически полном их истреблении сомнения не вызывает. Долгое

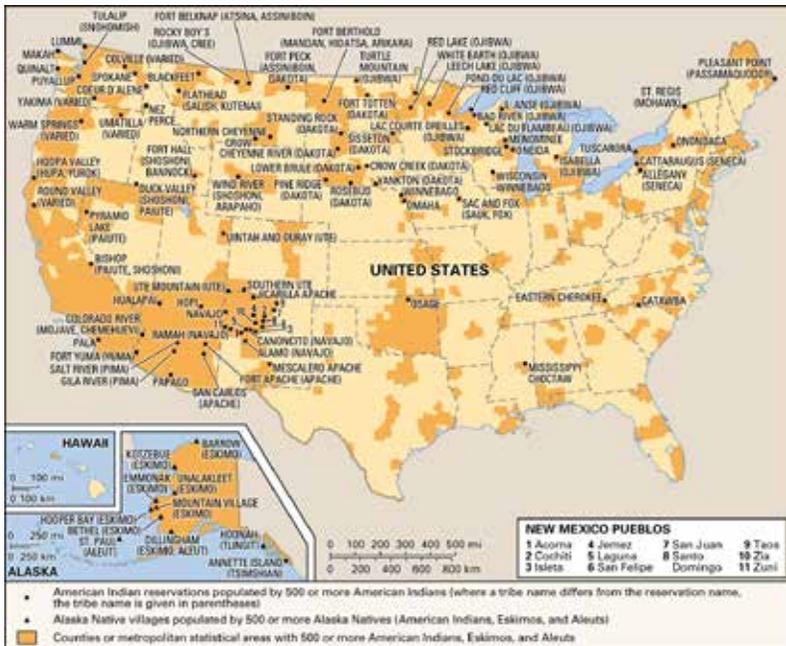
время признавать ни вину, ни факт трагедии и геноцида индейцев США никто не хотел. Как раз наоборот, у европейских завоевателей и их потомков была высокомерная гордость за победу над индейскими племенами. Что говорить, если «...первый памятник женщине в истории США был посвящен Ханне Дастин (Hannah Dustin), которая получила известность своей жестокостью к индейцам, снимая с них скальпы и продавая их за хорошие деньги» [9]. Поговорку: «Хороший индеец – мертвый индеец» на протяжении долгого времени разделяло большинство граждан США.

Прошло уже достаточно много времени с тех пор, как ситуация в отношении коренного населения США изменилась в лучшую сторону. Есть признание вины и необходимости восстановления прав и свобод индейцев США. Гражданам страны с самого детства, со школьной скамьи, прививается мысль о вине белого человека в трагедии коренных американцев. Но у меня сложилось впечатление, что у американцев до сих пор не сформировалось какой-то единой позиции в отношении прошлых взаимоотношений с коренной нацией. У кого-то есть чувство вины, раскаяния, у кого-то сохранилось презрительное отношение. У большинства же – смутные и довольно индифферентные чувства.

Как дань, как сохранение памяти о прошлом коренного населения, названия многих штатов, городов, озер, рек и т. д. носят имена «индейских» племен, например, Коннектикут («река сосен»), Айдахо («свет на горе»), Иллинойс («река людей»), Кентукки («земля завтрашнего дня»), Массачусетс (Massadchu-es-et – «маленькое место на большом холме»), Миссисипи (maesi sipu – «рыбная река») и т. д. [10].

Правительство, не придумав ничего более лучшего, вот уже много лет пытается решить вопрос коренного населения США путем компенсации прошлой исторической трагедии различными благами, предоставляемыми индейским племенам. Индейцы имеют право торговать алкоголем и табачной продукцией без акцизов, а также открывать на территории резерваций казино, получать ренту за земли; им делаются налоговые послабления и т. д. Каждое племя (или, как оно официально называется – «народ») может создавать свое правительство и принимать собственные законы. Племена также имеют право собирать налоги и выдавать разрешения на все виды деятельности. Во многих резервациях действуют индейские суды и есть своя полиция.

Карта резерваций индейцев в США

В последнее время американским индейцам все чаще удастся добиваться многомиллионных выплат от правительства США. В суде они доказывают, что в прошлом федеральные власти были несправедливы к ним и действовали в ущерб их интересам. «...Своеобразный рекорд в 2014 году поставило племя навахо (штаты Аризона, Юта и Нью-Мексико), которому будет выплачено 554 миллиона долларов за ненадлежащее использование индейских земель. Правительство не выплачивало индейцам полную стоимость извлеченных из принадлежащих им недр полезных ископаемых, включая уголь, уран, нефть и газ» [11].

Факты говорят о том, что попытками «откупиться» за прошлые грехи правительство США оказывает коренным народам медвежью услугу. Полноценной интеграции индейцев в американский социум пока не происходит, а поток денег в индейские резервации, в которых по-прежнему живет значительное количество населения, приносит больше проблем, чем пользы. «Легкие деньги» на самом деле ведут к еще большей изоляции коренных народов США, психическим травмам, возникающим вследствие разрушения традиционной культуры, способствуют процветанию алкоголизма, наркомании, преступности и росту числа суицидов в резервациях. Молодые люди покидают резервации и пытаются раствориться в американском социуме, где им приходится сталкиваться с расизмом, решать вопросы трудоустройства (ведь не каждый работодатель согласится взять на работу индейца), здравоохранения и жилья. Старики-индейцы опасаются, что при такой миграции в города пути их предков, история и культура могут быть утрачены навсегда.

1.2 «Бостонское чаепитие», или с чего начиналась Америка

Бостонцы по праву гордятся своим городом, называя его колыбелью Соединенных Штатов Америки. Конечно, если спросить жителей других штатов, к примеру, жителей Джэймстауна (Jamestown) штата Вирджиния, который официально считается первым постоянным поселением, основанным в 1607 году британцами, то, я думаю, ответы могут сильно отличаться. Оно и понятно, ибо каждому истинному патриоту своего города присуще нормальное желание немного приукрашать его историю.

За два чрезвычайно насыщенных года в Бостоне, с редкими вылазками в другие города страны, у меня, конечно же, сложилось бостоно-центричное, а посему – субъективное восприятие США. Мы всей семьей полюбили этот красивый, энергичный и дружелюбный город. Город, который, как магнит, притягивает людей со всего мира.

Многочисленные исторические факты красноречиво говорят в пользу Бостона как одного из начал истории Соединенных Штатов, одного из самых богатых и развитых городов, часто называемого негласной академической и культурной столицей США. Вообще, Бостон – город, уникальный по многим параметрам.

Во-первых, столицу штата Массачусетс и самый большой город региона Новой Англии называют еще Новым Лондоном – из-за схожести архитектуры, культуры, даже диалекта в американском английском. Если вы сравните с Бостоном другие города США, то вы убедитесь, что этот город – боль-

ше европейский, чем американский. Город стал основоположником многих американских традиций и направлений. Первый университет (Гарвард), первая общественная библиотека, первый общественный парк, первое метро, да и много еще чего первого появилось в США в этом «не совсем американском» городе. Каждый уголок Бостона буквально пропитан историей, в том числе и историей борьбы за независимость.

Надо сказать, что Массачусетс стал второй среди 13 колоний, образованных к концу XVII века на части территории сегодняшних США, вдоль восточного побережья. «...13 колоний можно расположить по мере их создания первыми поселенцами, преимущественно англичанами, датчанами, немцами. Вирджиния стала первым штатом с датой основания в 1607 году, далее – Массачусетс (1620), Нью Йорк – первоначально Новый Амстердам (1626), Мэрилэнд (1633), Род Айленд (1636), Коннектикут (1636), Дэлавер – первоначально Новая Швеция (1638), Нью Хэмпшир (1638), Северная Каролина (1653), Южная Каролина (1663), Нью Джерси (1664), Пенсильвания (1682) и Джорджия (1732) – штат, который стал важной специальной стратегической буферной зоной между Южной Каролиной, постоянно грозящей возможными нападениями испанской Флоридой и французской Луизианой» [12].

Здесь важно сделать одну, но очень важную ремарку относительно американских колоний Лондона. У Британии имелись два основных типа колоний – «завоеванные» и «переселенческие». К первым относились Индия и африканские колонии, с цветным населением, ко вторым – сегодня

нышние Соединённые Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия – бывшие преимущественно белыми. И хотя формально «переселенческие» колонии управлялись Лондоном, фактически они пользовались большой политической и хозяйственной автономией.

Британские колонии всегда считались более передовыми и рационально устроенными, чем колонии других империй, тем более это касалось американских владений. У империи был свой подход к управлению заморскими колониями: внедрение британской системы госуправления и законов, долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество, а не исключительная эксплуатация местного населения. История свидетельствует, что «все 13 колоний имели собственные законодательные органы, которые издавали законы, устанавливали налоги, проводили внутреннюю политику и даже принимали собственную конституцию, которая в разных штатах называлась по-разному. Например, в Коннектикуте это был документ под названием «Фундаментальные порядки» (the Fundamental Orders), Пенсильвании – «Структура правительства» (the Frame of Government), Массачусетсе – «Основа свобод» (the Body of Liberties)» [13].

Все поменялось, когда после ряда войн, в частности, с Францией, Британия оказалась в тяжелом финансовом положении и попыталась пополнить худеющую казну через наложение новых налогов на свои заморские колонии, в том числе, и американские. Эта идея встретила серьезные протесты со стороны американских поселенцев во всех колониях и впервые в истории колонии действовали в унисон, бойкотируя британские товары, в частности, любимый все-

ми казахами чай. Именно в Бостоне 16 декабря 1773 года произошло символическое событие, так называемое «Бостонское чаепитие» – в этот день в городском порту в знак протеста против британской политики повышения налогов «...массачусетские колонисты, переодевшись индейцами, проникли на торговые корабли с грузом чая в гавани Бостона и выбросили 342 ящика чая за борт. Колонисты стали отказываться от британского чая и многие штаты, в том числе и Массачусетс, перешли на контрабандный товар» [14]. Британцы, увидев, что дело принимает неуправляемый характер и грозит сепаратизмом, спохватились, британский парламент, пытаясь выправить ситуацию, спешно отменяет налоги, однако момент уже был упущен, и желание колонистов самим решать, как жить, как собирать налоги и не зависеть от Британии, приобрело новые революционные формы.

По штатам прокатилась волна выступлений за независимость. 13 колоний объединились, и в 1776 году объявили о независимости, хотя война революционеров с лоялистами продолжалась еще вплоть до 1783 года, когда Британия после военных поражений официально объявила об отсутствии претензий к своим колониям и подписала ряд мирных договоров, в том числе и с Францией, которая, кстати, сыграла важную роль в борьбе за независимость США» [15].

Так «Бостонское чаепитие» непреднамеренно положило начало Американской революции, сопротивлению своей империи и, в итоге, к подписанию в июле 1776 года Декларации Независимости. Конечно, как и всегда, все было не так однозначно и просто. Когда делегаты из 13 колоний

4 сентября 1974 года собрались на 1-й континентальный конгресс в Филадельфии, речь о независимости от Британии не шла, вопрос, скорее, касался сохранения автономности в управлении колониями. Но в колониях уже началось брожение, колонисты постепенно разделились на лоялистов (тех, кто хотел сохранить британское правление) и революционеров, во главе с Джорджем Вашингтоном, желающих независимости от Британии.

В том, что именно Бостон сыграл важную роль в независимости США, нет, на мой взгляд, ничего удивительного. В истории Америки штат Массачусетс и его сердце – город Бостон, всегда были неформальным центром свободы, либеральных идей и новаторства. Именно штаты региона Новой Англии в целом сыграли важнейшую роль в начавшемся в XIX веке движении за отмену рабства, и многие афроамериканцы, бежавшие с хлопковых плантаций Юга, искали убежища, в том числе, и в этих северных штатах.

Во-вторых, если США считаются самым богатым государством мира, то Массачусетс – один из богатейших и самых развитых штатов страны. Бюджет одного только города Бостона составил в 2014 году 382 миллиарда долларов США. По данным экономистов Уолт Стрит Джорнэл, «...ВВП Бостона равно такой стране, как Дания, и больше, чем ВВП таких стран, как Греция и Финляндия» [16], и равен на 2014 год почти двум ВВП Казахстана – страны со средним доходом.

Количество технологических компаний в районе Большого Бостона – городской агломерации с населением более 5 миллионов человек, просто поражает воображение.

К примеру, «...в городе вместе с пригородами насчитывается только компаний, занимающихся исследованиями и внедрениями в области биотехнологий, около 10 тысяч! Ежегодно в Бостон идут гигантские многомиллиардные инвестиции со всего мира для проведения исследований, тестирования, получения конечных продуктов в медицине, фармакологии, биотехнологий, электроники, химической промышленности. За счет экспорта наукоёмких товаров, оказания услуг, медицинского туризма экономика Бостона получает многомиллиардные прибыли. Даже обычный туризм приносит в бюджет города немалый доход. К примеру, в 2011 году 21,2 миллиона туристов принесли Бостону 8,3 миллиарда долларов дохода» [17].

Наконец, Бостон – родина многих президентов и политических деятелей США, в том числе, Джона Адамса (2-го президента США), его сына Джона Куинси Адамса (6-го президента США), и, конечно, одного из самых известных и выдающихся президентов США – Джона Кеннеди. Мартин Лютер Кинг, человек, изменивший ход истории США, учился в Бостонском университете и выступал со своими знаменитыми публичными речами в Бостон-Коммоне – старейшем публичном парке Америки. Нельзя не сказать и о Джоне Хэнкоке, первом губернаторе штата Массачусетс, поставившем подпись под Декларацией независимости США. Список можно продолжать и дальше.

Вообще, до середины XIX века Бостон можно было называть цитаделью WASP – белых англосаксов-протестантов. Но в сороковых годах XIX века началась массовая иммиграция в Бостон ирландцев. Со временем Бостон стал «самым

ирландским» городом США. Ежегодно 17 марта, в день Святого Патрика, покровителя всех ирландцев, Бостон становится зеленым – из-за обилия на улицах людей, одетых в ирландские костюмы национального зеленого цвета. Это не обязательно исключительно ирландцы, но и все те, кто солидарен с ирландскими культурой и традициями. Традиционно среди жителей Бостона очень велик процент итальянцев и евреев.

Долгое время Бостон оставался одним из самых «белых» городов США, даже сейчас в нем достаточно велика доля европейского населения. Однако в последние десятилетия, из-за высокой иммиграции из Азии, особенно из Китая, Кореи и Филиппин, расовый состав Бостона сильно изменился. Азиаты уже составляют около 8%, хотя им еще далеко до афроамериканцев, которых около 24%. Однако с темпами прироста этой части населения, это – вопрос времени, причем очень недалекого. Если вы пройдёте по Комонвелз авеню, возле основных кампусов Бостонского университета, или по мосту через реку Чарльз в районе Массачусетского технологического университета, то будете просто поражены обилием азиатских студентов, составляющих чуть ли не половину всех учащихся этих вузов.

Продолжая тему иммиграции, но уже в рамках всей страны, думаю, интересно посмотреть, как именно в исторической перспективе нескольких веков происходило великое переселение народов на Новую Землю, а также понять, что послужило триггерами иммиграции, и каков был этнический состав разных волн иммигрантов.

1.3 Великое переселение народов, или «Мальтузианская ловушка»

Население земли растет все быстрее и быстрее. «...Для того, чтобы к 1800 году человечество достигло первого миллиарда, понадобилось свыше 250 тысяч лет. Но спустя всего лишь 200 лет, а, точнее, 31 октября 2011 года, мир отметил рождение 7-миллиардного жителя планеты. Между 6-м и 7-м миллиардами человечество разделило всего 12 лет!» [18]. 250 тысяч и 12 лет! По прогнозам ООН, следующий, 8-миллиардный житель планеты, возможно, появится еще быстрее.

Чем объясняется такой рост, совершенно очевидно – человечество, благодаря глобализации и новым технологиям, научилось производить больше товаров потребления, резко повысилась производительность труда, а также, благодаря открытиям и инновациям в медицине, стало дольше жить и снизило детскую смертность.

На протяжении всей истории человечества многие блестящие умы пытались объяснить связь народонаселения с экономикой. Наиболее удачно это вышло у гениального английского ученого Томаса Мальтуса, который жил на переломе XVIII и XIX веков. Он вывел теорию, в которой популярно объяснил, почему на протяжении всей истории человечество растет такими медленными темпами. В своем труде «Очерк о законе народонаселения» Мальтус ясно говорит, что «народонаселение строго ограничено средствами существования, то есть на определенной земле не может жить больше людей, чем она дает урожай, и как только людей становится больше, чем земля может прокормить, то начинается голод и естественное

убывание людей. Мальтус говорил еще и о цикличности, так как после сокращения численности населения происходит увеличение среднего дохода на душу населения, население опять начинает расти, уменьшается доход на человека, вновь наступает голод, и население вновь выравнивается» [19].

Самое интересное, что, как только Томас Мальтус в начале XIX века обнаружил свою теорию, названную в его честь «Мальтузианской ловушкой», в некоторых странах Европы случилась индустриальная революция, в первую очередь, на родине гения, и для индустриальных стран она перестала быть состоятельной. Однако теория Мальтуса оставалась актуальной для стран доиндустриального порядка, коих было большинство в ту пору, и она до сих пор объясняет природу событий и поведения отсталых стран современного мира, в частности, стран Африки, к примеру, случившийся геноцид народов Тутси и Хуту в Руанде в 90-х годах XX века. Более того, и сегодня не все страны мира вышли из так называемой «Мальтузианской ловушки», застряв, причем, судя по всему, надолго, в доиндустриальной фазе развития.

Растущее население Европы и избыток населения и стали движущей силой для массовой эмиграции европейского населения в Америку, особенно в XVIII и XIX веках. Религиозные гонения, этническая дискриминация и еврейские погромы, Первая и Вторая мировые войны, безусловно, также сыграли огромную роль в массовых исходах европейских народов на новую землю, но отсутствие свободных земель, голод и желание жить лучше гнали людей на Запад куда сильнее.

Так, «вспышка» иммиграции в США с 1841 по 1850 годы была во многом вызвана 5-летним голодом, случившимся в

Ирландии в период с 1845 по 1849 годы. Из 1 миллиона 713 тысяч иммигрантов, прибывших в США, 781 тысяча были ирландцы. Корабли, плывшие из Ирландии в США, еще называли «кораблями гробов» («coffin ships») из-за высокой смертности. Ирландцы выбирали самые короткие маршруты и селились в городах Северо-Восточного побережья США – Бостоне и Нью-Йорке» [20].

В 1848 году неурожаем картофеля, основного продукта питания населения многих стран Европы того времени, оказал ключевое влияние на эмиграцию в США в последующее десятилетие не только ирландцев, но и многих сотен тысяч немцев, британцев, французов и т. д.

В целом, историю американской иммиграции можно разделить на четыре этапа: колониальный период; середина XIX века; начало XX века и этап после 1965 года. Каждый из этапов привнес свои краски в общую пеструю этническую и религиозную мозаику формирующегося американского общества. Миграционное законодательство США также знало как периоды либерализации, когда въехать в Штаты и получить гражданство страны было сравнительно легко, так и периоды ужесточения, когда для многих категорий иммигрантов натурализация была затруднена. В середине XIX столетия приток главным образом шел из Северной Европы и Африки, в начале XX века – в основном из Южной и Восточной Европы, после 1965 года – в основном из Латинской Америки и Азии.

В массовых волнах эмиграции из Европы можно увидеть определенную корреляцию с процессом индустриализации. Вторая, после колониального периода, массовая волна европейской иммиграции случилась в XIX веке и в основном была

из Северной Европы – в Америку переселялись англичане, ирландцы, немцы и скандинавы. Новая волна иммигрантов, с учетом их религиозного и этнического родства с первооткрывателями Америки, ассимилировалась легко и быстро. Тем более, что Америка XIX века отчаянно нуждалась в рабочих, строителях, солдатах, врачах и учителях, свободной земли для жизни и фермерства хватало всем. Однако, как только в странах Северной Европы, начиная с Англии, произошла технологическая революция и эти страны вошли в устойчивый индустриальный прогресс, иммиграция существенно замедлилась.

На смену европейским иммигрантам приходили народы, которые еще находились в доиндустриальной фазе развития. В самом начале XX века на смену североевропейской, преимущественно протестантской иммиграции, пришла третья волна иммиграции, преимущественно католическая: итальянцы и греки – со Средиземноморья; поляки, чехи и венгры – из Восточной Европы, и, конечно же, евреи – со всей Европы. «...Америка же ко времени новой эмиграции сильно изменилась – свободной земли уже не осталось, индустриализация и урбанизация преобразили лицо нации. Иммигранты, в основном сельские жители, оказались в совершенно новом для них окружении» [21].

Из новых иммигрантов быстрее всех адаптировались ирландцы-католики, владевшие английским языком. Гораздо хуже обстояли дела у итальянцев, поляков и др., плохо американизировавшихся в первое время. В поисках опоры в достаточно враждебном окружении такие диаспоры искали свои «безопасные гавани», кто-то, как поляки, основывали гетто в

Чикаго, где поляков до сих пор живет больше, чем в столице Польши, городе Варшаве, с ее 2-миллионным населением. Кто-то, как итальянцы, в борьбе с культурным шоком опирались на традиции и Большую Семью. Так в принципе и зародилась в Америке знаменитая итальянская Мафия, с мощными и прочными корнями и связями с преступными синдикатами из разных провинций Италии (Сицилии, Неаполя, Калабрии и т. д.).

Миграция в США, как известно, шла не только из западного мира, но и с Востока. «...Выходцы из Китая активно осваивали прилегающие к Тихому океану штаты, а в Калифорнии общее количество китайцев в начале 80-х годов XIX века превышало 10% населения. Но, несмотря на то, что в гражданской войне победили противники рабства, расизм по-прежнему оставался мировоззрением, присущим среднестатистическому американцу. Если дискриминации подвергались в то время и европейские поселенцы, как итальянцы и ирландцы, то что говорить о китайских иммигрантах, которых вовсе не считали за людей. К слову, китайцы, в отличие от белых и выходцев из Африки (с 1870 года), не имели права получения гражданства США. Причем китайцы занимали в мировоззрении белых американцев особое место: массовая культура преподносила их как «желтую угрозу» – дикую, страшную и непременно монолитную (к началу Второй мировой войны место китайцев в этой системе ценностей заняли японцы)» [22].

Как некий итог копившихся длительное время антикитайских настроений, «...в начале сентября 1885 года на севере США произошло массовое убийство, известное как «Резня в

Рок-Спрингсе». Были убиты десятки китайцев и принят так называемый Chinese Exclusion Act (1882) – закон, ограничивающий китайскую иммиграцию. Это был первый случай в американской истории, когда этнической группе был запрещен въезд в США» [23]. Кроме того, «... в 1891 году Закон об иммиграции запретил въезд в страну преступников, проституток, многоженцев, инфекционных больных, а также лиц, которые не доказали, что смогут себя прокормить» [24].

Разрыв между ожиданиями и реальностью на новой родине для третьей волны иммигрантов был намного большим, чем для первых двух. Первыми поселенцами, мигрантами преимущественно из стран западной Европы, англосаксонцами, т. н. WASP, они уже воспринимались как чужие. Итальянцы, греки, ирландцы, восточноевропейцы считались людьми второго сорта и подвергались повсеместной дискриминации. В 1916 году в книге *Passing of the Great Race* (Кончина великой расы) Мэдисон Грант утверждал, что иммиграция привела к расовому загрязнению Америки!» [25].

Растущие антииммиграционные настроения в США, вкупе с ухудшающейся экономической ситуацией (близилась Великая депрессия) и, что немаловажно, начавшаяся революция в России, коммунистические брожения в Европе заставили правящие элиты США коренным образом изменить иммиграционную политику. «... В мае 1924 года был принят *Immigration Restriction Act* (Акт об ограничении иммиграции), ознаменовавший поворотный пункт в американской иммиграционной политике. Закон добавил два новых измерения – количественные пределы на иммиграцию и систему квот для определения этих пределов. Закон ограничил число иммигрантов, приез-

жающих из любой страны, до 3% от общего числа представителей этой страны, живших в США в 1910 году» [26].

Закон ставил целью некоторое ограничение иммиграции из Южной и Восточной Европы, жесткое ограничение иммиграции из Африки и полный запрет на иммиграцию из Азии и Ближнего Востока. В то же время, никаких ограничений не было для иммигрантов из Северной Европы и, самое удивительное, для стран Южной и Северной Америки.

К примеру, сразу после введения Акта 1924 года, «...из 155 тысяч получивших разрешение на въезд в США, 86% были из стран Северной Европы (Британии, Германии и Ирландии). Новые квоты для иммигрантов из Южной и Восточной Европы были столь малы, что больше итальянцев, чехов, греков и португальцев уехало из США, чем приехало» [27].

Так продолжалось до 1952 года, когда McCarran-Walter Act устранил национальную принадлежность как барьер к иммиграции. Но окончательно поставил точку в проблеме дискриминации на основе национального происхождения закон 1965 года, установивший новые иммиграционные правила, по которым приоритет отдавался лицам, имевшим родственников в США, а также высококвалифицированным работникам.

С введением этого акта в жизнь началась фактически четвертая волна иммиграции. Новый закон 1965 года способствовал долговременному и коренному изменению демографической и расовой картины США – в первый раз в американской истории большинство иммигрантов стало прибывать из Азии и Латинской Америки, а не с европейского континента. На смену итальянцам, полякам и ирландцам ехали уже китайцы, вьетнамцы, филиппинцы и индийцы. Данный тренд не про-

сто продолжается до сих пор, но и имеет тенденцию к своему увеличению. Как следствие, в американском обществе вновь, как и много лет назад, растут антииммиграционные настроения. Победа президента Дональда Трампа стала своеобразной кульминацией изоляционистских и крайне консервативных настроений белого большинства.

Однако, описывая волны иммиграции разных народов в США, невзгоды на этом пути, дискриминацию и трудности адаптации на новой родине сотен тысяч и миллионов новых граждан, я бы не хотел выделять весь этот трагизм как основу истории становления Америки. История иммиграции в США – это, прежде всего, история успеха миллионов людей со всего мира, история обретения новой родины, новых свобод и достижений, история воплощения миллионами идеалистов своих понятий об «идеальном государстве». При описании же трудностей иммиграции и преград, имевших место на новой родине, подчеркивается лишь то, насколько тернист был этот путь.

Есть разные данные о том, сколько всего людей приехало в Соединенные Штаты со всех концов земли. К примеру, российские ученые подсчитали число легально прибывших в США мигрантов, начиная с 1830 года, по десятилетиям [28]:

- 1831–1840 годы – 0,6 млн. человек
- 1841–1850 годы – 1,7 млн. человек
- 1851–1860 годы – 2,5 млн. человек
- 1861–1870 годы – 2,3 млн. человек
- 1871–1880 годы – 2,8 млн. человек
- 1881–1890 годы – 5,2 млн. человек

- 1891–1900 годы – 3,6 млн. человек
- 1901–1910 годы – 8,7 млн. человек
- 1911–1920 годы – 5,7 млн. человек
- 1921–1930 годы – 4,1 млн. человек
- 1931–1940 годы – 0,5 млн. человек
- 1941–1950 годы – 1,0 млн. человек
- 1951–1960 годы – 2,5 млн. человек
- 1961–1970 годы – 3,3 млн. человек
- 1971–1980 годы – 4,5 млн. человек
- 1981–1990 годы – 7,3 млн. человек
- 1991–2000 годы – 9,1 млн. человек
- 2001–2010 годы – 10,5 млн. человек

Из этих цифр видно, что миграция в США за 180 лет имела два исторических пика – в 1880-е – 1920-е годы, и с 1980-х годов. Последний период 2001–2010 годов вообще бьет все рекорды, и, судя по всему, идет тенденция к росту иммиграции: и легальной, и нелегальной.

Сегодня США, в том числе благодаря непрекращающейся иммиграции со всей планеты, занимают третье место в мире после Китая и Индии по количеству населения, которое по состоянию на 1 января 2016 года составляет 323 341 000 человек.

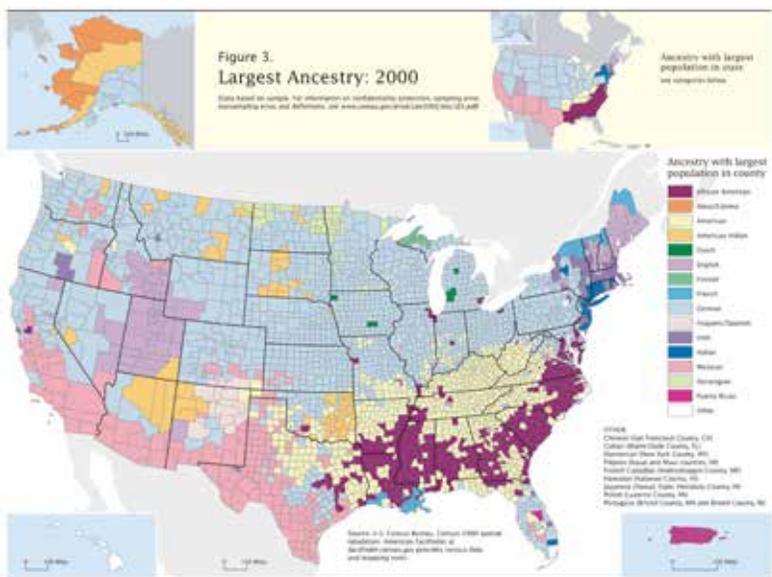
За 200 лет, с 1800 по 2000 годы население США увеличилось примерно на 303 миллиона человек. 1 августа 1790 года состоялась первая общенациональная перепись населения США, по итогам которой была определена численность населения, равная 3,9 миллиона человек. В 1915 году в США проживало 100 миллионов человек. В 1967 году США пре-

одолели рубеж в 200 миллионов человек. Согласно данным Бюро переписи населения США, 17 октября 2006 года в стране родился 300-миллионный житель [29].

Бюро переписи населения США прогнозирует к 2060 году рост численности населения США до 417 миллионов человек, что на 46% больше, чем в 2007 году (301 300 000 человек). Организация Объединенных Наций прогнозирует рост численности населения США до 402 миллионов человек к 2050 году, что значит увеличение на 32% по сравнению с 2007 годом.

Сегодня Соединённые Штаты Америки – не просто одна из самых населенных стран мира, но и самая пестрая по своему расовому составу.

Карта самых больших расовых и этнических групп США в 2000 году

Европейские волны иммиграции, имевшие место в течение нескольких столетий, привели к тому, что по переписи 2010 года более 47 миллионов американцев говорили о своих германских корнях, почти 35 миллионов имеют ирландское происхождение, 26 миллионов – английские корни, а 20 миллионов заявили о том, что они – просто американцы. Причем в списке 10 самых больших этнических групп американцы заняли высокое четвертое место, сразу после немцев, ирландцев и англичан. И это вполне понятно: за несколько веков в американском обществе произошло такое безумное этно-расовое смешение, что их потомкам сегодня очень трудно назвать свою этническую принадлежность. Бюро переписи населения США уточняет, что этническая родословная – широкое понятие, люди говорят о своей самоидентификации и многие опрошенные говорили о нескольких этнических корнях.

Таблица 1. 10 самых больших этнических происхождений в США в 2010 году

Ancestry of U.S. Population by Rank

(Groups with populations exceeding one million)

Rank	Ethnicity	Number
1.	German	47,901,779
2.	Irish	34,669,616
3.	English	25,926,451
4.	American	19,975,875
5.	Italian	17,235,941
6.	Polish	9,569,207
7.	French	8,761,496
8.	Scottish	5,460,679

Rank	Ethnicity	Number
9.	Dutch	4,645,131
10.	Norwegian	4,470,081

Note: 2010 Census figures.

Source: U.S. Census Bureau, 2010 American Community Survey.

Существенной была и иммиграция из скандинавских стран. Более 11 миллионов американцев утверждают о своих скандинавских корнях, а число американцев норвежского происхождения – 4,5 миллиона – почти равно сегодня 5-миллионному населению Норвегии. Никакая другая европейская страна, кроме Ирландии, не «потеряла» столько своего населения в процентном отношении, как Норвегия. Масштаб иммиграции населения Швеции схож с вышеописанным: между 1880 и 1920 годами в США навсегда уехало около 20–25% населения.

Кстати, многие жители скандинавских стран любят отмечать тот факт, что в официальной версии открытия Америки нет места или совсем мало упоминается о том, что задолго до Колумба, а именно за 500 лет до него, викинги уже открыли для себя Америку, пришвартовавшись к берегам Северной Америки в районе Ньюфаундленда (современной Канады) и перезимовав там.

Для занятия фермерством скандинавы выбирали в США земли, схожие по климатическим условиям, в основном, регионы среднего запада (Midwest), а также у берегов северо-западного побережья страны, где они могли заниматься привычным рыболовством. Для шведов невероятно популярным направлением был Чикаго, и в начале XX века он

стал вторым городом в мире после Стокгольма по количеству шведского населения. Чикаго, кстати, был и остается знаменит своими крупнейшими этническими диаспорами.

Однако Соединенные Штаты – это не только немцы, ирландцы, шведы и англичане. История Америки – это история и коренных жителей Америки, на которой я уже подробно останавливался, это, конечно, история и Черной Америки, афроамериканцев, в основном, вынужденных иммигрантов периода становления страны.

Если история завоевания нового континента европейцами подробно изучена вдоль и поперек, подавляющее большинство евроамериканцев знают свою родословную, а некоторые – даже и язык европейской отчизны, то судьба афроамериканцев в этом плане более трагична. Вывезенные насильно и проданные в рабство, очень скоро, уже через несколько поколений, вряд ли они помнили свою африканскую родину.

Вообще история рабства в Соединённых Штатах, наряду с историей геноцида коренных жителей Америки, расовой дискриминации – хотя и постыдные, но все же такие же подлинные страницы истории США, как и борьба за независимость, гражданская война и полет американцев на Луну. Читая различные труды американских авторов по исторической тематике, приходишь к позитивному мнению, что американцы имеют достаточно смелости не скрывать и не интерпретировать по-своему историю США, со всеми ее взлетами и падениями. Хотя надо признаться, так было не всегда.

Интересно, что «первыми рабами в Америке были евро-

пейцы, так называемые белые сервенты, которые подписывали контракты на добровольное рабство в обмен на трансферт через Атлантический океан. Их еще называли «контрактowanными слугами». Через четыре года службы они получали свободу и землю. Однако вскоре оказалось, что землевладельцам это очень невыгодно. Ситуация особенно обострилась в 1619 году, когда в колонии Виргиния возникла угроза повторения голода зимы 1609/1610 годов – из-за того, что не удалось собрать урожай. На требование к губернатору сэру Томасу Смиту обеспечить поселенцев рабочей силой откликнулись работоторговцы. Именно тогда прибыл голландский корабль с двадцатью чернокожими рабами на борту. С этого года начинается отсчет негритянского рабства в США» [30].

Как и белые временные рабы, сначала чернокожие рабы также получали свободу – в награду за хороший труд, примерное поведение и обращение в христианство. «...Хрестоматийным примером является судьба Антонио Джонсона, который прибыл в Северную Америку в 1621 году, позднее получил свободу и даже сам стал плантатором и имел у себя в услужении не только чернокожих рабов, но и белых контрактowanных слуг.

Однако вскоре колонии одна за другой ставят знак равенства между понятиями «раб» и «собственность», более того, даже свободные негры резко теряют свои права. Уже в первой половине XIX века экономика США была, в большей степени, основана на рабском труде. Только за период с XVII по XIX век в Америку было ввезено более 12 миллионов африканских рабов. Использование рабов-африкан-

цев приносило плантаторам большую выгоду. Негры лучше европейцев приспособлены к жаркому климату, а также, из-за того, что их вывозили на другой континент, у них не было возможности сбежать на родину» [31]. Кстати, рабовладельцами были и Томас Джефферсон, автор «Декларации независимости», и Джордж Вашингтон – первый президент Соединённых Штатов.

Первый серьезный перелом в сознании американцев происходит с началом войны за независимость, героем которой и был Джордж Вашингтон. Бессмертные слова из «Декларации независимости», что все люди созданы равными, наделены их Творцом определёнными неотъемлемыми правами, в число которых входят право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью, диссонировали с ситуацией, в которой из двух с половиной миллионов жителей Северной Америки 500 тысяч являлись чьей-то собственностью.

Самую настоящую войну за освобождение Америки от рабства начала писательница Гарриет Бичер-Стоу, автор романа «Хижина дяди Тома». Об этом Авраам Линкольн сказал в декабре 1862 года в Белом доме, подчеркнув огромное значение этого произведения. По словам писательницы, роман получился ярким и обличительным именно потому, что книга основана на реальных фактах, о которых она узнала, когда жила на юге штата Огайо в 1830 и 1840-х годах. «Хижина дяди Тома» стала для американцев настольной книгой, её читали в каждой семье и с ней шли в бой с войсками южных штатов.

В это время, в 1860-м году, 16-м президентом становится национальный герой Америки и освободитель американ-

ских рабов Авраам Линкольн, что, впрочем, не мешало ему самому быть рабовладельцем. Именно с его приходом к власти началась эпоха перемен. В это время отношения между Северными и Южными штатами подходят к пику напряжения, которое вылилось в четырехлетнюю Гражданскую войну (1861–1865). Причинами послужили различные пути развития регионов. Практически каждый штат вел самостоятельную политику.

«...Суровая природа северных штатов идеально подходила для развития фермерского хозяйства и промышленности, требуя высококвалифицированного и высокомотивированного труда, что не благоприятствовало институту рабства. Плантационная экономика на юге, наоборот, нуждалась в большом количестве низкоквалифицированного труда в течение длинного сельскохозяйственного сезона. Это стало особенно очевидно, когда первое место в сельском хозяйстве Юга занял хлопок, огромный спрос на который создавала Великобритания.

На Север США стремились приехать большинство иммигрантов и предпринимателей, так как там была сосредоточена большая часть фабрик и заводов. Юг же после американо-мексиканской войны получил огромные свободные территории с благоприятным для земледелия климатом, на которые требовалась бесплатная рабочая сила» [32].

Стоит отметить, что изначальной целью войны была не отмена рабства, а восстановление союза всех штатов. Но уже к концу войны Линкольн понимает, что без отмены рабства это невозможно. Причем делать это нужно не постепенно, а радикальными методами.

В середине XIX века борьба вокруг рабства достигла столь высокого накала, что под угрозой оказалось само существование Соединённых Штатов как единого государства. Северные штаты всё более тяготились архаичными институтами Юга, в то время как южане постепенно начинали осознавать себя как отдельную нацию, как отдельную культуру, достойную отдельного существования от Севера.

Окончательно рабство в США было отменено лишь в 1865 году, после четырёх лет кровавой Гражданской войны, однако потребовалось ещё 100 лет, прежде чем бывшие рабы и их потомки получили в Соединённых Штатах всю полноту прав.

Сегодня в США афроамериканцы занимают почетное третье место после белого и испаноязычного населения, с общей численностью в 39 миллионов человек, или 12,6% от числа всего населения США. Впрочем, идентификацию в статусе афроамериканцев имеют выходцы не только из Африки, но и из Европы и Южной Америки.

Для многих афроамериканцев, как, впрочем, и представителей многих других этнокультурных групп иммигрантов, характерно компактное проживание в особых городских районах – гетто. Самым известным «Черным гетто» является, наверное, так называемый Гарлем – район Манхэттена. Опасный, бандитский, куда не стоит заходить даже днем – именно таким он представляется во многих голливудских фильмах. Возможно, когда-то так и было. Но сейчас этот район заметно преображается, становясь одним из самых востребованных с точки зрения приобретения недвижимости. Гарлем расположен практически в самом центре Ман-

хэттена, возле Центрального парка, рядом с Колумбийским университетом, где каждый метр земли стоит бешеных денег. Гарлем постепенно перестает быть исключительно черным, и его легендарная бандитская история уходит в прошлое.

Совершенно отдельного разговора требует испаноязычная или, шире, латиноамериканская страница истории США – в виду имеется история выходцев из стран Южной и Центральной Америки, в просторечье часто называемых латинос. Они являются второй после евроамериканцев национально-языковой группой, со своей богатой историей.

Доля латиноамериканцев в США в XX–XXI веках постоянно растёт: с 0,7% – в 1900, до 3,8% – в 1960, 12,5% – в 2000 и около 20% – в 2015 году.

Состав:

- 64% латиноамериканцев имеют мексиканское происхождение (Юго-Запад США, Техас, Калифорния, г. Чикаго),
- 9% имеют пуэрториканское происхождение,
- По 3% имеют кубинское, сальвадорское и доминиканское происхождение [33].

Испаноязычная история США существенно отличается от всех других расово-этнических историй. Причина одна – если европейцы, африканцы и азиаты, так или иначе, попали на американский берег, переплыв океан, то всех, кого можно назвать латинос, можно поделить на две категории: присоединенных и пришлых.

По разным данным, численность автохтонной группы не более 10% – потомков испанцев и испанизированных жителей испанских колоний к северу от реки Рио-Гранде до

американо-мексиканской войны 1848 г., захваченной США. К этой группе относятся и пуэрториканцы, ставшие гражданами США после захвата острова у Испании в 1898 году.

Подавляющее же большинство латинос – это недавние иммигранты из стран Южной и Центральной Америки, включая Мексику, потомки 1–4 поколений иммигрантов из разных американских стран. Самый значительный поток иммигрантов, как и в случае с азиатскими иммигрантами, был зафиксирован после 1965 года, после отмены дискриминационных национальных квот.

По оценке Бюро переписи населения США, на 1 апреля 2010 года латиноамериканцы и их потомки составляли 50,5 миллиона человек, или 16,4% населения. В ряде городов (Майами, Лос-Анджелес, Сан-Антонио, Хьюстон) и штатов (Нью-Мексико) латиноамериканцы составляют уже относительное большинство населения, их доля повсеместно быстро увеличивается, из-за чего с другими расовыми и этническими группами возникают трения, иногда перерастающие в настоящие расовые конфликты.

Одной из особенностей испаноязычных американцев, в отличие, к примеру, от азиатоамериканцев, является их усиливающееся присутствие на политической сцене США. На президентских выборах 2016 года засверкали новые звезды американской политики с латиноамериканскими корнями – республиканцы Тэд Круз и Марко Рубио, оба – с кубинскими корнями, оба – выходцы из южных консервативных штатов.

Кстати, существует устойчивый миф о том, что меньшинства в США чуть ли не поголовно голосуют за демократов.

Это – слишком упрощенный подход. В реальности, большое количество латиноамериканцев активно поддерживают республиканскую партию и стоят на консервативных, а иногда – на ультраконсервативных позициях. Причин тому много. К примеру, религиозная. Латиноамериканцы в большинстве своём католики, но, осваиваясь на новой родине и желая более эффективно интегрироваться в американское общество, они нередко переходят в протестантство. Почему? Это и чрезмерная строгость католической церкви (протестантство дает больше свободы), и желание приобщиться к белому большинству – и протестантство здесь выступает как некий символ богатства и успеха. А именно белые протестанты и являются опорой и основным электоратом республиканской партии.

Большое значение имеет и место жительства. Латиноамериканцы, проживающие в традиционно демократических (синих) штатах, таких, как Массачусетс, Нью-Йорк, Нью-Джерси, к примеру, пуэрториканцы, предпочитают голосовать за демократов. И, наоборот, кубиноамериканцы, предпочитающие жить в южных штатах, таких, как Флорида или Техас, с учётом традиционно сильных антикоммунистических взглядов республиканской партии, в большинстве своем голосуют за красных (республиканцев).

История США имеет и азиатские страницы, по сравнению с европейскими, латиноамериканскими и африканскими, еще, конечно, скромные, но с большим потенциалом.

По данным переписи 2010 года, «...американцы азиатского происхождения составляли 5,6% населения США. Крупнейшими национальными группами среди них были

китайцы (22% от общей численности азиатов), филиппинцы (20%), индийцы (18%), вьетнамцы (10%), корейцы (9%) и японцы (7%). За 30 лет (с 1980 по 2010 год) численность азиатов в США возросла в 5 раз (с 3,5 до 17,3 млн.). Большая часть азиатской общины США проживает на Западном побережье, при этом более половины всех азиатов живут в штате Калифорния. Большие азиатские общины имеются также на Северо-Востоке. Крупнейшие районы расселения – Лос-Анджелесская и Нью-Йоркская агломерации, а также область залива Сан-Франциско. Большие общины имеются также в Чикаго, Атланте, Хьюстоне и Далласе. Единственный штат с азиатским большинством – Гавайи» [34].

Появляются и американоказахи. Численность казахской диаспоры на фоне больших цифр китайской или филиппинской диаспор выглядит достаточно скромно, хотя сегодня говорят уже о цифре, составляющей около 50 тысяч – это казахи, постоянно проживающие на территории США, не включая студентов.

В целом, четвертая волна иммиграции, продолжающаяся до сих пор и имеющая сильные азиатские и латиноамериканские компоненты, меняет расовую и этно-демографическую картину Америки. «...Прогнозируется, что к 2065 году ни одна расовая или этническая группа не будет иметь существенного большинства в Соединенных Штатах, белых будет около 46 процентов от общего населения, выходцев из Латинской Америки – около 24 процентов, азиатов – 14 процентов, чернокожих – 13 процентов. Остальные – люди, родившиеся от смешанных браков» [35]. Важно заметить, что в этих подсчетах речь идет о легальных гражданах США,

без учета многомиллионной армии нелегалов, приехавших из Латинской Америки, Африки и Азии в разные годы. Впрочем, происходящее сегодня ужесточение иммиграционного законодательства и правил получения гражданства, возможно, несколько снизит потоки иммигрантов, причем как нелегальных, так и легальных.

Вообще, поднимая тему гражданства, необходимо отметить, что «в истории Соединенных Штатов в первые годы после получения независимости США получить американское гражданство мигрант мог сравнительно легко – например, в Пенсильвании в 1790 году было установлено, что для этого надо было прожить на американской земле 2 года и 6 месяцев, а также платить налоги. Причем у каждого штата были свои, в основном, необременительные правила натурализации. США только обрели независимость и нуждались в новых лояльных гражданах.

Однако очень скоро произошла Великая французская революция, сопровождавшаяся массовой миграцией из Франции, которая заставила власти США серьезно подойти к разработке ограничительного миграционного законодательства и ужесточить правила получения американского гражданства. В 1795 году Конгресс США принял закон, который устанавливал общие требования к получению гражданства: отныне натурализация проходила не на уровне штата, а на федеральном уровне, от будущего гражданина требовалось отказаться от титулов, проживать в США не менее 5 лет (из них на территории одного штата – не менее 1 года). В 1798 году срок проживания в США для получения гражданства был увеличен до 14 лет. В том же году был принят федераль-

ный Закон об иностранцах, который разрешил президенту США депортировать любого иностранца, представляющего угрозу для страны (правда, вскоре он был отменен).

В 1868 году поправка к Конституции США дала право получения гражданства всем лицам, рожденным на территории США, а в 1870 году право натурализации получили выходцы из Африки (однако все другие «не белые» этого права не получили). В 1875 году решение Верховного суда США «Хендерсон против мэра Нью-Йорка» окончательно передало все вопросы, связанные с миграционным законодательством, на федеральный уровень; вскоре был введен федеральный налог с каждого въезжающего в Штаты (0,5 доллара, к 1892 году – 1,5 доллара). В 1882 году решением по делу «США против Вонг Ким Арка» Верховный суд США подтвердил, что лица, родившиеся на американской территории, автоматически становятся американскими гражданами» [36].

1.4 Соединенные Штаты: 3-я по населению и 4-я по территории страна мира

Как бы трудно ни было получить американское гражданство, если ты, конечно, не родился на территории США, люди со всего мира разными способами стараются, и многие – получают заветный американский паспорт, который дает огромные права и привилегии. Взять хотя бы такой факт – с паспортом США можно путешествовать по всему миру без всяких проблем: 172 страны мира пустят обладателя паспорта США, не требуя визы. Не считая того, что на страже интересов американского гражданина – посольства и консульства США

практически по всему миру и мощь самого влиятельного государства.

Активная экспансионистская политика, направленная на захват и освоение новых территорий, продолжительная бурная иммиграция на протяжении нескольких веков позволили США не только выйти на третье в мире место по численности населения, с 325 миллионами, но и сформироваться в качестве четвертой в мире территории – после России, Канады и Китая, с 9 миллионами 519 тысячами квадратных километров. В XVII–XVIII веках на территории небольших первоначальных 13 колоний, расположенных на восточном побережье, была заложена основа современных США. В дальнейшем американцы, методично продвигаясь на запад, ведя войну с индейцами и активно осваивая плодородные земли, многократно расширили территорию нового государства.

Однако история говорит, что самым значимым инструментом расширения границ государства стала скупка земель у других империй. В частности, крупнейшей земельной сделкой для США стала так называемая «Луизианская покупка» в 1803 году французских владений Наполеона Бонапарта. «...Последний активно готовился к войне в Европе и ему срочно нужны были финансы для вооружения своей армии. Размер приобретённой территории, по приблизительным оценкам, составил 2 100 000 кв. км, что почти равно территории 10-й страны в мире – Алжира. Цена сделки составила 15 миллионов американских долларов, или 80 миллионов французских франков (окончательная сумма сделки для США, включая проценты по кредиту, составила 23 213 568 американских долларов)» [37].

На отошедших в пользу США по договору 1803 года территориях в настоящее время располагаются современные штаты: Арканзас, Миссури, Айова, Оклахома, Канзас, Небраска, а также части территорий штатов Луизиана, Техас и др.

Второй крупнейшей и выгоднейшей для США сделкой стала покупка Аляски, состоявшаяся 30 марта 1867 года. «...Для России, продавшей территорию в 1 518 800 кв. км всего за 7,2 миллиона долларов, это стало большой исторической ошибкой, а для США – бесценной территориальной победой. Впоследствии на Аляске было найдено золото, началась знаменитая золотая лихорадка и только добытые ископаемые многократно превысили стоимость покупки» [38]. Приобретение Аляски – самого большого по территории штата – стало бесценным вкладом в экономическое развитие страны, а геостратегическое расположение Аляски сыграло важную роль в укреплении мировых позиций США.

Третье важнейшее присоединение произошло в результате уже отмеченной ранее войны с Мексикой – мирный договор 1848 года, завершивший войну, позволил присоединить к Соединенным Штатам более 500 тысяч квадратных миль, включивших будущие штаты – Калифорнию, Неваду, Юту, большую часть Новой Мексики и Аризоны, часть Вайоминга и Колорадо, а также Техас.

Далее были покупки Виргинских островов у Дании в 1917 году, Флориды у Испании в 1819, фактическая аннексия в 1898 году Гавайских островов, но все это, конечно, было приятными «мелочами» по сравнению с тремя гигантскими присоединениями, добавившими более половины территории современных Соединенных Штатов.

В итоге сегодня США имеют федеративную форму устройства и административно делятся на 50 штатов и федеральный округ Колумбия. 50 штатов – это не просто территориальные единицы, это, фактически, 50 разных государств, со своими столицами и законами. Для жителя Бостона или Нью-Йорка такие штаты, как Техас или Аризона – это другой культурный мир, другие традиции, кухни, взгляды на жизнь. Кстати, штаты сильно отличаются друг от друга и в размерах экономики и, соответственно, богатства и уровня доходов жителей. К примеру, в 2010 году самый богатый по ВВП на душу населения штат США (округ Колумбия, 174 500 долларов на 1 человека) превышал самый бедный штат (Миссисипи, 32 967 долларов на 1 человека) в 5,3 раза.

Тем не менее, между штатами много и общего, поэтому 50 штатов входят еще и в регионы, которые формировались под воздействием истории, географии, экономики. Каждому региону присущи свои социально-экономические особенности, и даже нравы, обычаи и диалекты. Всего в США насчитывается пять больших регионов [39]:

1. Северо-восток (Northeast), или Новая Англия (New England): Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд

Зимы в этом регионе холодные, земли – не очень плодородные, поэтому он не слишком подходит для земледелия. Экономика данного региона стала базироваться на производстве и торговле. Северо-восток известен своей культурой (театры, музеи), а также отличной системой образования. В регионе расположены наиболее уважаемые в стране университеты, имеющие высшие рейтинговые оценки, такие, как Гарвард,

Йель, Массачусетский технологический институт и др. Этот район США также известен смешанным этническим составом своего населения, в регионе много выходцев из Ирландии, Италии и стран Восточной Европы.

2. Средне-Атлантический регион (Middle Atlantic):

Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания

Европейцы, попадавшие в этот регион, имели более разнообразный состав, чем те, которые прибывали на северо-восток. Это были не только английские протестанты, но и католики из Англии, Голландии и Швеции. Климат в среднеатлантических штатах более благоприятный, чем на северо-востоке, однако, сельскохозяйственная деятельность также ограничена. Поэтому основными видами деятельности стали производство и перевозки. В Средне-Атлантическом регионе расположен крупнейший город США – Нью-Йорк. Сегодня основа экономики региона – это финансы, коммуникации, медицина.

3. Большой Юг (South)

Южно-Атлантический регион (South Atlantic): Делавэр, Мэрилэнд, Округ Колумбия, Вирджиния, Западная Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Флорида.

Юго-Восточный Центр (East South Central): Кентукки, Теннесси, Миссисипи, Алабама.

Юго-Западный Центр (West South Central): Оклахома, Техас, Арканзас, Луизиана.

Первыми поселенцами в южном регионе также оказались английские протестанты. Однако, в отличие от северных братьев по вере, они были менее независимыми и склонны-

ми к бунту. Основой экономики стало сельское хозяйство, чему способствовали климат и обширные плодородные земли. Жители юга США, вероятно, сильнее всего отличаются от всех американцев: в большинстве своем они консервативны, являются приверженцами традиционного уклада жизни. Сегодня сельское хозяйство продолжает играть важную роль в экономике южных штатов, однако, все большее внимание уделяется производству и туризму.

4. Средний Запад (Midwest)

Северо-Восточный Центр (East North Central): Висконсин, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Огайо.

Северо-Западный Центр (West North Central): Миссури, Северная Дакота, Южная Дакота, Небраска, Канзас, Миннесота, Айова.

Первые переселенцы попали сюда с Восточного побережья. Большая часть из них были выходцами из Германии, Норвегии и Швеции. Средний Запад является крупнейшим из регионов США. Погодные условия очень разнообразны, хорошо различаются все четыре сезона. Земли весьма плодородны и сельское хозяйство очень развито. Здесь выращиваются обильные урожаи овса, пшеницы и кукурузы. Западные штаты на Среднем Западе не так густо населены. Крупнейший город региона – Чикаго. Жители Среднего Запада известны как честные, прямые люди, чтящие традиционные ценности.

5. Запад (West)

Горный или Горный Запад (Mountain или Mountain West): Айдахо, Монтана, Вайоминг, Невада, Юта, Колорадо, Аризона, Нью-Мексико.

Тихоокеанский регион (Pacific): Аляска, Вашингтон, Орегон, Калифорния, Гавайи.

Первыми на запад попали испанцы, которые основали на побережье Тихого океана католические миссии. Западная часть США известна разнообразными ландшафтами и климатом. Горные цепи, тянущиеся с севера на юг, разделяют этот регион США на две области: влажный запад и сухой, жесткий восток. Национальный состав населения очень многообразен, в некоторых районах мексиканское и азиатское влияние являются доминирующими. Калифорния является самым густонаселенным штатом США, а ее жители считаются наименее консервативными. Крупнейший город на западе – Лос-Анджелес.

С учетом размеров страны и разнообразия ландшафтов неудивительно, что США занимают ведущее место в мире по внутреннему туризму. Для американцев очень важно узнать свою страну, культуру, разнообразие Америки. Хотя, для того, чтобы узнать, понять и почувствовать страну, наверное, не надо объезжать все ее штаты. Да и мало кто из американцев был во всех штатах и уголках этой огромной страны. Хотя американцы – очень мобильный народ, в среднем меняющий место жительства до 7 раз за свою жизнь. Американцы – такие современные номады. Но, учитывая развитый сервис американской экономики, касающийся всего, в том числе и транспортных услуг, переезд в США, даже на большие расстояния, например, из Бостона в Калифорнию, не столько стресс, сколько большое приключение.

Кстати, моя давняя мечта, которая пока так и остается мечтой – проехать на машине от восточного побережья США

к западному побережью через всю страну и посетить как можно больше штатов. Будучи в Бостоне, я даже составил маршрут, как надо ехать от Бостона до Чикаго через Буффало, чтобы посмотреть Ниагарский водопад, далее в Детройт – столицу американской автопромышленности, и после Чикаго – по знаменитой дороге 66 (Route 66). Эта дорога является самой исторически значимой и популярной в США: она еще известна как «Мать дорог» и «Главная улица Америки». Дорога протянулась на 3 тысячи 940 километров от Чикаго до Лос-Анджелеса. И хотя сегодня трасса 66 потеряла свое значение как важнейшая транспортная артерия Соединенных Штатов, она стала одной из самых интересных туристических достопримечательностей США.

Всегда были и есть люди, которые рискнули проехать по всей стране и которые, благодаря своей природной проницательности и пытливости ума, смогли увидеть, понять и прочувствовать Америку, смогли талантливо изложить свои мысли на бумаге и их «путевые заметки» до сих пор пользуются большой популярностью – как в самих США, так и за их пределами. Интересно, что самыми проницательными «открывателями» Соединённых Штатов оказались иностранцы. Один из них, самый известный – это Алексис де Токвиль, который в 1831 году, после года путешествия по Америке написал свой бестселлер под названием «Демократия в Америке», до сих пор считающийся наиболее влиятельным трудом по США. Путешествуя по Соединенным Штатам и собирая материалы для своей будущей книги, Токвиль пользовался так называемым методом интервьюирования, широко практикуемым в современной социологической науке. Другой характерной

особенностью его исторического метода было то, что он всегда старался идти от фактов к теоретическим обобщениям.

Вторым автором, который открыл для меня новые грани Америки, стал, как это ни удивительно, также гражданин Франции. Французский философ и журналист Бернар-Анри Леви также провел один год в дороге, путешествуя по разным штатам США по маршруту своего знаменитого земляка. Свою книгу он назвал «Головокружительная Америка» (*American Vertigo*). Путешествуя по городам и селам Америки, от мусульманской общины Детройта, чикагских церквей до маленьких анклавов амишей в Айове Бернар Леви попытался найти свое объяснение феномену американского общества, ответить на вопрос, в чем же заключается уникальность Америки и ее народа, в чем секрет американского патриотизма, а также описать трудности и радости сосуществования разных народов и религий на американской земле. Его книга блистательна, полна юмора, иронии и отличается свежим взглядом на американскую действительность, со всеми ее темными и позитивными сторонами, которую я рекомендую прочесть всем, кто хочет понять современную Америку.

Конечно, моими краткими комментариями по истории США можно лишь приоткрыть дверь для всех тех, кто хочет узнать, как же все-таки начиналась Америка, как она развивалась и формировалась с древних времен и до настоящего времени. Моя главная цель – это зажечь интерес читателей к истории США. К услугам желающих углубить познания об этой великой стране имеются тысячи блестящих трудов, которые помогут открыть США во всем многообразии граней их прошлого и настоящего.

ГЛАВА 2

Алхимия успеха

В день, когда флаг Советского Союза на кремлевской башне без излишней помпы заменили российским триколором, мы с отцом стояли на Красной площади, став невольными свидетелями этого исторического момента. Будучи уже 18-летним юношей, я, тем не менее, не совсем отчетливо воспринимал важность происходящего. Тогда меня переполняли совсем другие эмоции: я ехал домой на первые студенческие каникулы, только что закончив первый семестр обучения в Польше. Осознание важности исторического момента пришло, конечно, позже, с пониманием того, какое глобальное «землетрясение» вызвал распад Советской империи и как в тот день люди на всей планете радовались, или печалились, или недоумевали, как такое могло произойти.

Логично, что распаду «империи зла», как назвал Советский Союз в 1983 году президент США Рональд Рейган, в первую очередь, обрадовались в Белом доме и в целом в Соединенных Штатах. И радость эта была понятна – совершенно неожиданно рухнул их главный противник, на протяжении полувека нервировавший весь Запад своими ядерны-

ми боеголовками. Радость была и цивилизационной – коллективный Запад во главе с США выиграл идеологическую схватку. Капиталистическая рыночная система оказалась более эффективной и человечной, чем «самая человечная» коммунистическая система. Хотя, конечно, присутствовало и чувство тревоги – кто придет на смену в России, как преемнице СССР, в чьих руках окажется ядерный арсенал, способный уничтожить весь мир в считанные минуты.

Распад сверхдержавы не только сказался на судьбах миллионов граждан СССР, но и породил массу вопросов и различных теорий о том, почему Советский Союз, прожив жизнь длиною в 73 года, прекратил свое существование, в то время как его главный оппонент, США – живут и здравствуют на зависть всем!

Сегодня ответов на этот вопрос предостаточно. Стройные теории с высоты минувших лет красиво и ясно объясняют «очевидность и неизбежность распада СССР». Но всего лишь 50–60 лет назад, когда казалось, что СССР вот-вот нагонит и перегонит Америку, и ситуация не была столь очевидной и неизбежной, это были не просто благие пожелания лидеров КПСС (Коммунистической партии СССР), но и прогнозы серьезных экономистов, к примеру, лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Самуэльсона.

Пол Самуэльсон был уверен, что, начиная с 1984 и до 1997 года, СССР перегонит США по экономическому развитию. Прогноз экономиста, кстати, был сделан в 1961 году, когда СССР первым в мире запустил космический корабль с человеком на борту, что являлось реальным подтверждением, квинтэссенцией развития науки и техники в Советском

Союзе. Я думаю, на тот момент, когда Советский Союз был на пике своего могущества, его ежегодный двузначный экономический рост в период 50–60-х годов был как у сегодняшнего Китая, у многих была искренняя вера в светлое будущее Союза. Во многих странах мира, а тем более в самом СССР, было ожидание близкого глобального триумфа коммунизма и скорого упадка «загнивающего капитализма» и, конечно, США в первую очередь. Причем эта вера в советскую исключительность продолжалась очень долго, вплоть до прихода М. Горбачева.

У меня сохранились воспоминания, как в начале 80-х, будучи еще маленьким мальчиком, я спросил у отца, директора крупного завода, человека далеко не наивного, но свято верившего в идеалы советского строя, а что такое собственно коммунизм? С учетом моего возраста, отец попытался ответить мне максимально понятным языком и сказал следующее: «Коммунизм – это когда всё у всех есть и бесплатно, люди работают, но не за деньги. Когда наступит коммунизм – деньги исчезнут, и все советские люди будут брать товары из магазинов бесплатно, даже игрушки, но не сколько ты хочешь, а в меру потребностей!» Помнится, ответ о бесплатных игрушках меня очень впечатлил и обрадовал.

Однако прогнозам Пола Самуэльсона и моего папы, а также чаяниям миллионов людей не суждено было оправдаться. СССР приказал долго жить, коммунистическая идея перестала быть мировой контр-идеологией, в то время как «загнивающий» Запад никак не хотел окончательно загнить, а США – главный враг Советского государства, несмотря на сверхдорогую гонку вооружений, от чего, по мнению ряда

экспертов, собственно и «загнулся» СССР, продолжали расти и крепнуть.

Инициированные М. Горбачевым перестройка и гласность, задумывавшиеся как, казалось, «надежно контролируемый коммунистическими лидерами переход» на новые либеральные и рыночные методы управления государством, вскрыли, что ничего, кроме как создавать ядерное оружие да гнать нефть и другие природные ресурсы на экспорт, Советский Союз толком не мог. Не берусь судить, именно ли технологическое отставание стало причиной падения СССР – исследователи называют совершенно разный спектр факторов, приведших к распаду сверхдержавы, начиная от кризиса межнациональных отношений, низких цен на нефть до конспирологических теорий заговора со стороны Запада.

Однако найти четкие ответы на вопросы истории существования и распада СССР представляется очень важным. Найти хотя бы ввиду того, что ответы на эти вопросы гармонично ложатся в глобальную экспертную дискуссию современного мира о том, почему одни страны – богатые, а другие – бедные, почему одни, как США, развиваются, а другие, как СССР, распадаются или экономически и политически стагнируют? Какие факторы играют в этом ключевую роль? Население, география, культура, религия, образование, институты? Что именно становится основой успеха, есть ли в этом какая-то уникальность и закономерность?

Сегодня многие исследователи задаются ключевым вопросом, почему именно Великобритания, а потом и США стали державами номер один в мире, а не СССР или, например Китай, который, кстати, сохранял свое научное и техно-

логическое превосходство над европейскими и азиатскими странами на протяжении многих веков, по крайней мере, с 500 до 1500 года, то есть целое тысячелетие?

Начну с того, что еще в недалеком прошлом мир был практически повсеместно беден, отстал, безграмотен, подвержен уносящим миллионы жизней эпидемиям – чумы, холеры, малярии и других инфекционных заболеваний. Средняя продолжительность жизни была одинаково низкой, что в Африке, что в Азии, что в Европе. Исследования многих экономистов современности, в том числе и Джеффри Сакса, свидетельствуют о том, что в начале XIX века существовавшие тогда страны мира были бедны и сравнительно мало отличались друг от друга. То есть самые ведущие на тот момент экономики мира, например, Голландия, была всего в четыре раза богаче, чем самые бедные страны мира – африканские страны южнее Сахары.

Согласно глобальным прогнозам, сделанным экономическим историком Ангусом Мэдисоном, 440 миллионов населения мира в 1500 году было распределено следующим образом: Азия – 65%, Африка – 11%, Европа – 20%, Америка – 4%. Распределение же мирового производства было таким: Азия – 65%, Африка – 8%, Европа – 24%, Америка – 3%. Мир, по мнению Мэдисона, был равномерно бедным, аграрным, и самые большие аграрные империи были сосредоточены на Востоке и в Южной Азии.

Индустриальная революция в Англии конца XVIII века, провозглашенная открытием механизации производства текстиля, индустриализацией стальной промышленности, и, самое главное, открытием шотландским механиком Джейм-

сом Уаттом в 1769 г. парового двигателя способствовала в конечном итоге тому, что к 1900 году весь мир оказался «в руках» Европы – и политически, и экономически. Азия все еще была самым населенным местом на земле, но перестала быть экономическим центром.

К 1900 году мы видим уже совершенно другую, отличную от 1500 года картину мира. Население мира в 1900 году насчитывало около 1,6 миллиарда жителей: Азия – 56%, Европа – 27%, Африка – 7% и Америка – 9%. В то же время, распределение богатства критически поменялось: Азия – 28%, Европа – 47%, Африка – 3% и Америка – 20% [40].

Технологический прогресс Запада начала XIX века привел к тому, что те страны, которые имели доступ к новым технологиям, начали медленный, но непрерывный рост, приведший спустя почти два столетия к огромному имущественному расслоению среди государств мира. Так, «...экономика США росла с 1820 года и вплоть до 1998 года на 1,7% ежегодно, что привело к 25-кратному увеличению дохода на душу населения с 1200 долларов в 1820 году до около 30 тысяч в 1998 году. США стали самой богатой экономикой мира потому, что страна росла на скромные 1,7% ежегодно, но на протяжении почти двух столетий. Африканские страны тоже росли на протяжении этих столетий, но на 0,7% ежегодно, и разница между американским ростом в 1,7% и африканским в 0,7%, кажущаяся на первый взгляд столь несущественной, за 180 лет превратилась в огромную. Тем более, что у африканских стран рост был нерегулярный, а часто и вовсе уходил в минус. В итоге, если в 1820 году доход на душу населения у самых богатых африканских стран

был около 400 долларов США, что на тот момент было всего в 3 раза меньше ежегодного дохода на человека в США, то в 1998 году эта разница была уже 23-кратной» [41].

Сегодня ВВП США – это 17,4 триллиона долларов (2016 год), и он продолжает расти, с долей общемирового ВВП – более 25%. Четверть всего богатства мира США удерживают со времен окончания Второй мировой войны, за исключением коротких периодов спада в 80-годах XX века. Соединённые Штаты останутся крупнейшей экономикой мира и в обозримом будущем. В 2014 году средний доход на душу населения составил уже 54 тысячи долларов и является одним из самых высоких в мире.

Соединённые Штаты – развитая страна с богатыми жителями. Высокие доходы позволяют американцам иметь, хоть и в кредит, свою недвижимость, страна занимает одно из лидирующих мест в мире по уровню автомобилизации: на 1000 человек – 809 авто. США – страна, где можно ездить по хорошим дорогам, пользоваться высококачественной медициной, обучать детей в лучших университетах мира. Ожидаемая продолжительность жизни в 2015 году составила 78,8 года: для мужчин – 76,3 года, а для женщин – 81,2 года.

Конечно, так было не всегда. Всего «...100 лет назад, в начале XX века, уровень жизни среднестатистического американца был такой, что сегодняшняя американская молодежь в это вряд ли поверит. Так, в 1915 году средняя продолжительность жизни была всего 47 лет, 95% всех родов происходили дома, а 90% врачей не имели высшего медицинского образования. По дорогам страны колесило всего 8000 машин, и на всю огромную страну было только 144

мили асфальтированных дорог. Всего 8% населения имели дома телефон, а 3-минутный звонок из Денвера в Нью-Йорк стоил огромных по тем временам 11 долларов. Чтобы это понять, средняя зарплата рабочего составляла от 200 до 400 долларов в год, а инженера – 5 тысяч» [42]. Телефонные разговоры были доступны только очень богатым людям.

Жизнь в Соединенных Штатах 100 лет назад, очевидно, не была «медом» для большинства американцев, но она была хоть немного, но лучше, чем в большинстве стран мира. Со временем эта разница превратилась в гигантскую.

Что стало причиной того, что богатые страны в течение последних двухсот лет, начиная с 1800 года, росли не просто быстрее бедных, а этот рост был постоянным? В результате относительно небольшой разрыв в экономическом развитии за 200 лет превратился в пропасть, и эта пропасть между богатыми и бедными, за некоторыми исключениями, продолжает увеличиваться. В последние несколько десятилетий этот тренд, впрочем, начинает меняться: в то время, как некоторые страны продолжали увеличивать разрыв (Нидерланды – Кения, Нидерланды – Никарагуа), часть его сокращали (Нидерланды – Китай или Индия). Что может объяснить общую дивергенцию – в одно время, и селективную конвергенцию – в другое? Если менее развитые страны могут идти вперед ускоренными темпами, заимствуя чужие технологии, то почему они так долго не росли до этого и почему, к примеру, эффективная экономическая модель Китая не всегда действует в других странах?

Жаркие дискуссии между учеными и политиками относительно того, какие причины способствовали превращению США в экономического и политического супергиганта, что

стало основой для непрерывного двухвекового экономического роста, не прекращаются до сих пор. Такие дискуссии и исследования нужны для понимания не только природы развития, но и причин отсутствия развития.

Как итог, сегодня в мировом экспертном сообществе сформировался целый ряд подходов (школ), в рамках которых ученые пытаются найти ответ на один фундаментальный вопрос: почему одни страны – богатые, а другие – бедные? Существуют следующие экспертные подходы:

Во-первых, это, конечно, школа так называемого географического детерминизма и яркие сторонники этого подхода (Джаред Даймонд «Ружья, микробы и сталь», Джеффри Сакс «Конец бедности», и др.);

Во-вторых, это подходы, объясняющие развитие государства сквозь призму человеческого капитала (Саймон Смит «Население, капитал и экономический рост», Гари Бэккер, и т. д.);

В-третьих, школа «культурного детерминизма» (Макс Вебер «Протестантская этика и дух капитализма», Сэмюэл Хантингтон «Кто мы?». Лоуренс Харрисон «Евреи, конфуцианцы и протестанты «Культурный капитал и конец мультикультурализма», и т. д.).

Наконец, ставший в последнее наиболее популярным подход институционализма, объясняющий развитие государств через развитие институтов (Дарон Акемоглу и Джеймс Робинсон ««Почему одни страны богатые, а другие бедные», Йозеф Шумпетер, Дуглас Нортон, и др.).

Мне повезло на протяжении целого года обучения в США быть свидетелем жарких научных баталий между действи-

тельно талантливыми, всемирно признанными учеными. Джеффри Сакс, Арон Акемоглу, Пипа Норрис, Рикардо Хаусман, Лоуренс Саммерс (кстати, внук того самого Пола Самуэльсона) – профессора с мировыми именами, и именно у них мне посчастливилось брать лекции или беседовать на тему факторов богатства и бедности, развития стран и причин их отставания. При этом, само собой, тема Казахстана почти всегда была в фокусе внимания. Возможно, понимание механизма создания богатства и бедности не только даст некоторое представление об истории успеха Америки, но и поможет предположить, какие стратегия и тактика могли бы помочь странам, стоящим в начале пути развития, в том числе и Казахстану, в движении вперед.

2.1 Географическая детерминанта развития США

Одним из наиболее запоминающихся для меня моментов в Кеннеди школе стала лекция, прочитанная в феврале 2016 года всемирно известным экономистом Джеффри Саксом, бывшим на протяжении многих лет профессором Гарвардской Кеннеди школы, а ныне – занимающим должность директора института Земли, профессора Колумбийского университета. Джеффри Сакс был и продолжает оставаться экономическим консультантом многих правительств по всему миру, преимущественно в развивающихся странах Африки и Азии. В конце 80-х и начале 90-х он был консультантом польского и российского правительств, одним из авторов так называемой «шоковой терапии», перехода от плановой к рыночной экономике, впоследствии реали-

зованной Лешеком Бальцеровичем, вице-премьер-министром финансов для Польши по тем временам – просто финансовая сумма, и Егором Гайдаром, премьер-министром России.

Неудивительно, что интерес к лекции профессора был запредельным, аудитория была заполнена, и желающих задавать вопросы было предостаточно. Мне повезло, и я задал свой вопрос о том, почему при примерно одинаковых пакетах предложений по реформам, общем социалистическом наследии, плановой модели экономики, Польша очень быстро смогла успешно реформироваться, диверсифицировать экспорт, а в России ситуация до сих пор все еще далека от желаемой.

Профессор начал издавека, вспоминая, что именно он стал инициатором сбора финансовой помощи со стороны бизнес-кругов и правительства США для Польши, переживавшей в 1989–1990 годах очень сложные времена. Польская экономика переживала чудовищную инфляцию, польский злотый обесценивался почти каждый день. К слову, в 1992 году, когда я начал учиться в Польше, моя стипендия была около 1 миллиона злотых, примерно эквивалентных тогда сумме, чуть превышавшей 100 долларов США.

Джеффри Сакс, к своему удивлению, как он описывает ситуацию, смог всего за один день собрать целый миллиард долларов США для польского правительства. Для Польши по тем временам – просто фантастическая сумма! Но когда он попытался собрать деньги для правительства Гайдара, то, по его словам, натолкнулся на резкое неприятие со стороны Белого дома, бизнес-кругов США, американских

спецслужб и военных, которые не понимали, как можно помогать вчерашнему врагу! Фактор геополитики, по мнению Сакса, сыграл в данном случае, и в целом играет в успехе реформ огромную роль.

Другим ключевым фактором, по мнению профессора, стала именно география двух государств. Соседство Польши с богатыми странами Европейского союза, небольшой масштаб страны вкупе с развитой транспортной инфраструктурой сыграли в экономических реформах Бальцеровича решающую роль. И, наоборот, по мнению Джеффри Сакса, необъятные просторы России вкупе с недостаточно качественной и развитой транспортной инфраструктурой, отсутствием удобного выхода европейской части России к открытому морю (Северный Ледовитый океан – не в счет), отсутствием рек, протекающих по всей территории страны и, как следствие, дорогой транспортировкой грузов, сыграли в продвижении реформ и в целом в развитии России крайне негативную роль.

Видение Джеффри Сакса, кстати, совпадает с мнением одного из наиболее известных на сегодня в мире представителем географического детерминизма Джареда Даймонда, с его бестселлером «Ружья, микробы и сталь», а также другого известного американского специалиста по России, профессора Принстонского университета Стивена Коткина. В своей работе «Вечная геополитика России» Коткин представляет очень интересную, не лишённую смысла концепцию того, как география повлияла на многовековое становление сильного государства, авторитарной власти и технологической отсталости от Запада. Вот что он пишет:

«...в России уникальная география, у нее нет естественных границ, если не считать Тихого и Северного Ледовитого океана. Страдая на протяжении всей истории от подчас бурного развития в Восточной Азии, Европе и на Ближнем Востоке, Россия все время чувствует себя уязвимой. Каковы бы ни были первоначальные причины российского экспансионизма, часто спонтанного, многие представители политической элиты со временем стали считать, что только движение вовне обезопасит прежние завоевания. Таким образом, Россия всегда пыталась обеспечить свою безопасность, продвигаясь все дальше и дальше ради того, чтобы упредить нападение. Как следствие, главной движущей силой российской внешней политики всегда было стремление к созданию сильного государства. Логика сводится к тому, что в опасном мире при отсутствии естественных преград, таких, как высокие горы или океан, единственной гарантией безопасности может стать мощное государство, готовое и способное действовать агрессивно в своих интересах. В нем же видят гаранта внутреннего порядка. Но, как это ни парадоксально, усилия по построению сильного государства неизменно приводили к подрыву институциональной основы и автократическому правлению. Петр I, одним из первых попытавшийся создать мощную державу, выхолостил частную инициативу, усугубил и без того острое недоверие между государевыми мужами и укрепил патрон-клиентские тенденции» [43].

Отталкиваясь от концепции Стивена Коткина, следует отметить, что США обладают всеми географическими преимуществами, которых нет у России. Во-первых, удобным

географическим расположением. Занимая территорию в более чем 9 миллионов квадратных километров, то есть почти три с половиной Казахстана, страна омывается двумя теплыми океанами: Атлантическим – с востока, Тихим – с запада и немного Северным Ледовитым – со стороны Аляски. Богаты США и климатическим разнообразием: горы Колорадо и леса Мэйна, тропики Флориды и Гавайских островов, Великие озера Иллинойса и каменные джунгли Нью-Йорка. Продолжать можно бесконечно долго.

Благоприятные климатические условия способствовали относительно равномерному распределению населения на всей территории США: и восточное, и западное побережья густо заселены, как, впрочем, и юг, и Средний Запад. Конечно, есть территории, и они достаточно обширны, про которые американцы любят шутить, что там никто не живет, кроме медведей гризли, как, к примеру, Монтана или Северная и Южная Дакота, примыкающие к Канаде, а также самый большой штат страны – Аляска, отличающиеся достаточно суровым климатом. Но, в целом, более или менее благоприятные климатические условия способствовали относительно равномерному расселению жителей США, что, в свою очередь, обусловило экономическую и политическую целесообразность формирования в стране развитой транспортной инфраструктуры, которая соединила разные части страны и способствовала межштатовской интеграции и торговле. Не зря говорят, что именно дороги и построили Америку.

Во-вторых, два теплых незамерзающих океана, омывающих страну с востока и запада, предоставили стране пре-

восходнейшие условия для торговли со всем миром, прежде всего, с Европой через Атлантику и Азией через Тихий океан. С другой стороны. Тихий и Атлантический океаны стали естественной географической защитой от других стран. США не граничат по суше ни с одной равнозначной сильной страной; малонаселенная и цивилизационно близкая Канада, а также заметно экономически и технологически отстающая и проигравшая войну за территории Мексика далеки от того, чтобы стать равными оппонентами Америки даже в отдаленном будущем. Мексика, с ее нелегальными мигрантами и наркотрафиком, для США является скорее проблемой, чем стратегическим соперником, как Китай, Россия или даже Бразилия.

Возможно, если бы США граничили по суше с государством, реально или потенциально представляющим угрозу, то у Вашингтона была бы совершенно иная концепция безопасности, которая, несомненно, повлияла бы на экономическое и политическое развитие США. Поскольку такой угрозы не существует, можно сказать, что география стала благословением для американского общества и государства.

Для многих стран мира география – это еще, а может, и прежде всего – и фактор наличия полезных ископаемых, таких, например, как нефть, газ, драгоценные металлы. В этом плане США – это настоящий кладезь природных ресурсов. США, к примеру, нечасто упоминаются и вызывают ассоциации как нефтяная держава. Между тем, «...США входят в топ-10 стран мира по нефтяным запасам, занимая 9-е место сразу после ОАЭ, с доказанными 5,9 миллиардами тонн нефтяных запасов. А по запасам природного газа

США с 5,6 триллионами куб. м занимают даже 5-е место в мире – после России, Ирана, Катара и Саудовской Аравии, соответственно. По добыче же газа США занимают 2-е место в мире. Кроме того, США обладают самыми большими в мире залежами угля, с 491 миллиардами тонн» [44].

Крупнейшие нефтегазоносные бассейны США сосредоточены на Аляске, (Прадхо-Бей – месторождение-гигант, самое большое в США), на территории от побережья Мексиканского залива («Галф» – «Залив» охватывает территории штатов Техас, Луизиана, Миссисипи и Алабама) по внутренним районам США (штаты Оклахома, Арканзас, Канзас и Миссури – Западный внутренний бассейн), Калифорнийский бассейн, Мичиганский, Иллинойский и Предаппалачский бассейны востока США [45].

Богаты США и лесными ресурсами. Если ехать от штата Мэн, который называют еще и самым лесным штатом США (леса занимают 84% штата) до Нью-Йорка, то за окном автобуса, а если вы чуть более состоятельны – то за окном поезда города перемежаются густыми и красивейшими лесами. В северо-западных штатах, таких, как Орегон, Вашингтон, Айдахо и Монтана есть самая настоящая тайга.

Меня, как человека из северных широт, всегда радовала и удивляла возможность круглогодично наслаждаться свежими фруктами и овощами высокого качества и, что самое главное, собственного производства. Калифорния круглый год поставляет вкуснейшие виноград, апельсины и яблоки, а Северная Каролина известна своими арбузами, этот штат так и называют, арбузным штатом. Кстати, тема использования ГМО и опасных пестицидов при выращивании овощей и

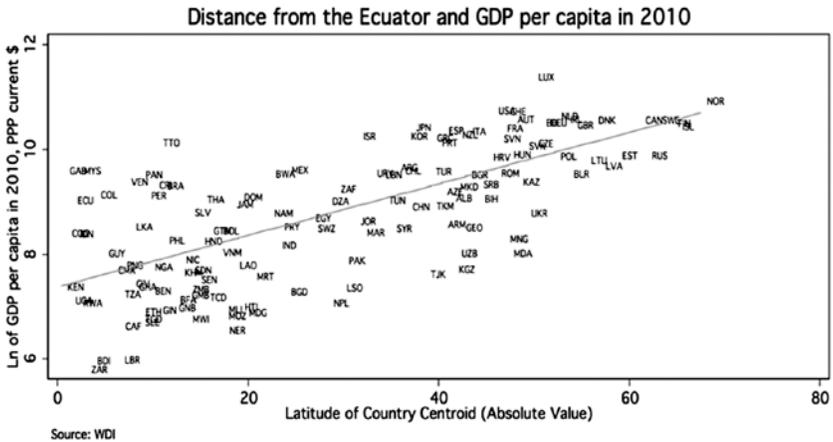
фруктов стоит в американском обществе очень остро. В Бостоне, к примеру, все большую популярность приобретают магазины, в которых можно купить продукты без ГМО – например, сеть магазинов органической продукции Хоулфуд.

В целом, с общими постулатами теории географического детерминизма, утверждающими, что процесс общественного развития – это не только результат проявления объективных закономерностей развития общества, а, в том числе, и следствие влияния природных сил и окружающей среды, в определенной степени можно согласиться. Теория далеко не нова, но актуальна и по сей день. Не случайно сложилась целая школа географического детерминизма, которой принадлежат французский философ XVIII века Шарль Луи Монтескье, российский социолог Лев Мечников и многие другие ученые, которые уверены в том, что именно природа, географическое положение, флора и фауна определяют развитие общества.

Интересно и дальше развить видение Джеффри Сакса относительно влияния географического фактора на развитие государств. По его мнению, «...география является ключевым детерминантом климата, владения природными ресурсами, но также болезней, присущих месту обитания, транспортных расходов, распространения знаний и технологий из более продвинутых стран. Это, в свою очередь, оказывает огромное влияние на производительность в сельском хозяйстве и качество человеческих ресурсов» [46]. По мнению Сакса, «...практически все страны вне тропиков – богатые и практически все тропические страны – бедные».

Исследования, проведенные Всемирным банком, в опре-

деленной степени данный тезис подтверждают, но с некоторыми исключениями.

Из таблицы, сравнивающей дистанцию от экватора с ВВП на 2010 год, видно, что, чем ближе к экватору, тем беднее государство, и наоборот, самые экономически и политически продвинутые государства располагаются вдали от экватора – США и Канада, Европа и Япония. Причем не только на север от экватора, но и на юг, к южному полюсу – Австралия, Новая Зеландия, Аргентина, Чили.

Между тем, критики такого подхода находят много нестыковок и задают неудобные вопросы. По их мнению, как можно в таком случае объяснить нахождение на одной широте, к примеру, Таджикистана с Японией, а Кыргызстана с Италией?

Очевидно одно, что география в теориях экономического и социально-политического развития играет одну из основополагающих ролей. Безусловно, трудно переоценить влияние климата на здоровье человека (например, распро-

странение таких серьезных инфекций, как малярия, и, как следствие, серьезные траты на медицину), продолжительность жизни и, соответственно, производительность труда, предрасположенность к природным катаклизмам, которые могут носить катастрофический характер для экономики любой страны.

С другой стороны, доступ к внешним рынкам, наличие полезных ископаемых, особенно нефти и газа, инфраструктурные расходы по транспортировке экспортных товаров – все это тоже география. Как говорит журналист-международник Роберт Каплан, «...несмотря на стирание границ и расстояний в современном мире, географическое положение каждой страны все еще имеет первостепенное значение для ее исторической судьбы. В этом и заключается «месть» географии политическим идеалистам вроде Фрэнсиса Фукуямы или Томаса Фридмана, преждевременно, по мысли Каплана, заявивших о тотальной унификации нашего мира» [47].

И все же необходимо отметить, что географическое месторасположение США – безусловно, уникальное, высоко безопасное с точки зрения внешней агрессии, и исключительно благоприятное для торговли с другими странами – не является главной причиной успешного развития этой страны. Способствовала ли география развитию США – безусловно, да. Стала ли география драйвером роста на протяжении веков – такая взаимосвязь четко и однозначно не прослеживается. История знает много примеров, когда страны с прекрасным географическим положением так и не смогли выйти на траекторию устойчивого развития. Обратное тоже верно.

Сегодня нет весомых научных и практических доказательств того, что экономическое развитие находится в прямой зависимости от климатических условий, географического расположения и наличия природных ресурсов. Сам Джеффри Сакс говорит о том, что сегодня география - не приговор. Уже избитые примеры с Южной и Северной Кореей, ГДР и ФРГ, южными штатами США, соседствующими с мексиканскими штатами, лишний раз опровергают географический детерминизм экономического и социального развития. Более того, природные богатства, те же углеводородные ресурсы, для стран с неразвитыми экономиками, как правило, несут обратный эффект, оказывая губительное воздействие на развитие страны в виде так называемой голландской болезни.

Но если не география, то, может быть, наука и образование, или, выражаясь экономическим языком, человеческий капитал стал двигателем экономики США?!

2.2 Наука и образование как драйверы экономического роста США

Исследователи давно задаются вопросом: как человеческий капитал влияет на развитие любого государства, в том числе и США?

Во-первых, теоретически, чем больше образованных людей, тем лучше качество трудовых ресурсов и, тем самым, выше производительность труда. Однако практически это не всегда так.

Начнем с того, что образованное общество означает большие возможности использования новых технологий и, что

более важно, способности этого общества создавать, внедрять и распространять новые технологии, инновации и, тем самым, повышать производственный, экспортный и инновационный потенциал собственной экономики. В настоящее время в таких развитых промышленных странах, как США, «...за счет новых технологий обеспечивается более 70% роста ВВП! Также в индустриально развитых странах на нужды науки и исследований выделяется 3–4% ВВП» [48].

Все мы знаем, как высоко поднялось американское общество в сфере науки, образования и создания новых технологий. Сегодня США – ведущее государство в мире по всем параметрам научного развития, инноваций и образования.

Так стали ли именно образование и наука главными драйверами развития США? Ответ на вопрос кажется очевидным и лежащим на поверхности, и многие всерьез полагают, что именно так и есть. Ведь именно научные идеи и технологии, которыми славятся США, и стали основой американского экономического роста и могущества. По крайней мере, в пользу того, что именно человеческий капитал сыграл ключевую роль в американской истории успеха, говорят два обстоятельства.

Во-первых, исключительное внимание государства и общества США уделяется развитию школьного образования. США – рекордсмен по многим параметрам в области школьного и высшего образования.

Так, «...государственные и частные затраты на образование (без расходов на «образование взрослых» – профессиональную подготовку преимущественно без отрыва от про-

изводства) составили в 2005 г. 878 млрд. долл., или около 7,1% ВВП, что заметно превосходит годовые расходы США на военные цели (505 млрд. долл. – 4,0% ВВП). Следует, однако, отметить, что военные расходы целиком финансируются из федерального бюджета, а затраты на образование в определенной пропорции ложатся на федеральный бюджет, бюджеты штатов и местных органов власти. Кроме того, по разным оценкам, до 150 млрд. долл. составляют расходы на упомянутое выше «образование взрослых», в рамках которого, например, в 2005 г. в различных программах обучения участвовало 93 млн. человек, или 44% взрослого населения страны (в середине 1980-х гг. – лишь 13,3%). С учетом всех прочих государственных и частных программ на подготовку и переподготовку рабочей силы (переподготовку безработных, подготовку на рабочем месте и проч.) валовые затраты на образование в США достигают астрономической суммы – 900 млрд. долл. в год. Охват школьного обучения – 99%» [49].

Можно много спорить о качестве среднего образования в США (трехступенчатая система – начальная-средняя-высшая школы). Много критики раздается как в самих США, так и из-за рубежа. Часто справедливой критики. Но я могу судить, в том числе, и из личного опыта. Например, есть некие устойчивые мифы о некоей ущербности средних американцев в их познании мира, географии, мировой истории, математики. С одной стороны – да, вряд ли средний американец хорошо ориентируется на географической карте и в целом есть определенный дефицит понимания мира. Вернее, есть понимание с чисто американских, нередко – великодержавных позиций. Этого не отнять.

Вот что я вынес из опыта моего наблюдения учебы в школе моей дочери, которая закончила первые два класса государственной школы в Кэмбридже. Их не учили замысловатым и трудным для запоминания математическим и физическим формулам, и они не заучивали тексты о жизни Обамы и прочих политических и общественных деятелей США. Этого не было. Она, как и другие дети, вообще не знала, кто сегодня является президентом США! Нонсенс на постсоветском пространстве.

Что было – так это уроки умения писать и излагать свои мысли на бумаге, уроки по публичным выступлениям, оценивались и развивались способности работать в коллективе и выстраивать отношения с людьми. Большое внимание уделялось физической культуре и правильному питанию. Уроки, к примеру, по биологии (во втором классе) проходили в музеях на наглядных макетах животных. Большое внимание уделялось развитию критического мышления и логики.

Еще одна сторона американского образования, которую невозможно обойти и которая напрямую влияет на экономическое развитие, производительность труда – это система образования, направленная на подготовку узкого специалиста. Многие годы на постсоветском пространстве над этим откровенно посмеивались и называли американцев ограниченными людьми, мало чего знающими помимо своей специальности. Тем более, на фоне широкого кругозора советских людей. Да, действительно, средний американец в беседе со средним постсоветским человеком будет сильно проигрывать в плане знаний литературы, географических познаний, владения языками и т. д. Но в профессиональном

плане уровень того же среднего американца будет гораздо выше. И тогда возникает такой вопрос, по крайней мере, он возник у меня: если у вас возникнет какая-то бытовая или медицинская проблема, то что для вас станет важнее в человеке, к которому вы обратились – его знания как специалиста или же его широкий кругозор? Если у вас сломалась машина, важно ли для вас, как разбирается автомеханик в глобальной политической ситуации! Риторический вопрос.

Да, конечно, кто-то может возразить, что наши школьники лучше по математике и в точных науках. Это – правда, и за это американская система жестко и справедливо критикуется внутри страны, американские школьники серьезно отстают от своих азиатских сверстников, и азиатские школьники из Кореи и Сингапура сегодня вне конкуренции во всем мире. Но на всех наших занятиях в Гарварде, особенно на тех уроках, где требовалось мастерство полемики, ораторства, науки убеждения, американцы все-таки лучше умели излагать свои мысли – и на бумаге, и публично, не говоря уже о раскрепощенности ума и уверенности держаться на публике. Такие качества закладываются именно в школе. Кто будет помнить, даже через несколько лет после окончания школы, о тангенсах и котангенсах, но, согласитесь, умение говорить и критически мыслить всегда будет востребованным. То есть США давно перешли от механического заучивания материалов к функциональной грамотности.

Кроме того, сегодня классическая модель образования, когда человек единожды получает образование, высшее или специальное, и потом работает всю жизнь, время от времени проходя специальное тренинги, уходит в прошлое. Развитие

технологий, повышение уровня коммуникаций, тренд в сторону умственного труда ведёт к процессу, который в США обозначили как «lifelong learning», или пожизненное обучение.

Конечно, школы в США сильно отличаются друг от друга, так как разные штаты имеют свои правила обучения, и нет, как это принято у нас, единых правил для всех школ, спускаемых с министерства образования. Школы в США, по сути, автономные министерства со своими уставами и правилами. Но общая особенность и главное преимущество американской школы – это воспитание у детей высоких адаптивных возможностей к быстроменяющемуся миру, к примеру, детей учат математике не ради зубрежки формул и теорий, а тому, как применять математические знания в реальной жизни. И так по всем предметам.

Не менее важно развитие у детей эмоционального интеллекта (EQ), которому уделяют такое же равноценно большое внимание, что и развитию умственных способностей (IQ).

Я не случайно затронул тему эмоционального интеллекта, ибо в американской школе вопрос самопознания, морального и культурного воспитания детей в русле следования общепринятым правилам американского общежития – это принципиальнейший вопрос всего американского общества.

Я долгое время удивлялся одному факту. Американцы детей балуют и многое им позволяют. Однако, смотря на «избалованных», особенно по нашим строгим меркам, американских дошколят, невольно удивляешься, как же они, достигнув совершеннолетия, в большинстве своем становятся культурными и воспитанными людьми? Именно американская школа, при всех ее известных недостатках и критике,

стала тем институтом, наряду с семьей, морального и культурного воспитания американских граждан. Без всякого преувеличения можно сказать, что именно в школе закладываются основы гражданского общества США – как фундамента успеха любого государства. Именно в школе, наряду с семьей, в детях закладываются социальные нормы, основы культурного и правового воспитания, этики, чего так не хватает в казахстанских школах. Огромное количество казахстанских детей, как и взрослых, просто не знают элементарных правил и норм культурного поведения. Именно эта особенность сильно отличает нас от развитых стран мира.

Во-вторых, США уже много лет – бесспорный лидер высшего образования и науки во всем мире, и многочисленные рейтинговые оценки этот вывод подтверждают. Так, согласно «Academic Ranking of World Universities», из 100 лучших университетов мира – 53 американских вуза (то есть чуть больше половины), а в топ-10 лучших вузов мира за 2014–2015 годы, согласно институту оценивания мировых вузов «QS World University Rankings», входят 5 университетов США.

Но дело не только в лучших университетах и рейтингах, которые в некоторой степени условны, и стоит смотреть не на весь университет, а на школу (факультет), рейтинги которых составляются отдельно. То есть желающему получить инженерное образование лучше выбирать Массачусетский технологический университет, а не школу, допустим, инженерных и прикладных наук Гарварда, открытую совсем недавно, в 2007 году. Еще я уверен, что разница в качестве обучения между медицинскими школами Бостонского и Гарвардского университетов, которые хоть и находятся в одном

городе, но обладают разными весовыми категориями (43 и 1, соответственно), не принципиальная.

Высшее образование в США – это не только Лига плюща, это – система, состоящая из 4-х тысяч всевозможных высших школ, включая школы, колледжи, университеты. Многие из этой группы, возможно, и не так известны, как университеты Лиги плюща, но, тем не менее, отличаются высоким качеством обучения, прекрасным техническим оснащением, лабораториями, хорошим финансированием. Особенно, если говорить о так называемых центральных университетах штатов (State Universities).

Кроме того, университеты в США – это центры не только образования, но и инноваций, передовых технологий, тесно связанных с бизнесом, правительством, НПО и так далее. Силиконовая долина – яркий тому пример. Можно сказать, что именно университеты США и «двигают» технологический прогресс и, тем самым, экономическое развитие страны. К таким выводам пришла группа исследователей «Проект человеческого мозга» («The Human Brain Project»), который был создан по инициативе Европейской комиссии для изучения влияния инноваций на устойчивое экономическое развитие. За 10-летний период исследования ученые пришли к выводу, что инвестиции в инновации и НИОКР (R&D) являются центральным фактором для экономического роста. Из топ-10 стран с высочайшим в мире уровнем инвестиций в инновации США в 2016 году заняли 4-е место, пропустив вперед только Швейцарию, Швецию и Великобританию.

Университеты приносят государству большой доход – в виде налогов, оплаты за обучение и проживание иностранных

студентов. Так, ежегодный доход США от иностранных студентов составляет 22 миллиарда долларов или 30–36% мирового образовательного рынка. Помимо дохода, иностранные студенты – это еще и так называемая «мягкая сила», так как миллионы студентов, обучившись в США, становятся, осознанно или нет, носителями и распространителями американских ценностей на своих родинах, тем самым распространяя и укрепляя мировое влияние США. Этот тезис является справедливым даже для таких «идеологических крепостей», как Саудовская Аравия и Китай, которые ежегодно отправляют в США десятки тысяч своих граждан.

Вузы США – это еще и крупные работодатели, иногда – системообразующие. Например, в 100-тысячном Кэмбридже практически вся жизнедеятельность в основном крутится вокруг двух университетов – Гарварда и МИТ. С учетом аффилированности этих университетов с научными лабораториями, бизнес-инкубаторами, производствами и т. д., Гарвард и МИТ – крупнейшие работодатели этой части Бостона. Дополнительно вокруг двух этих именитых университетов, ежегодно привлекающих миллионы туристов, создана мощнейшая инфраструктура из гостиниц, ресторанов, магазинов и т. д.

Университеты США – это еще и магниты притяжения лучшего человеческого капитала со всего мира. В этом плане США создали уникальнейшие условия для привлечения лучших умов со всей планеты. А капитал любого вида, как известно, ищет место, где безопасно и выгодно. Ежегодно из постсоветских стран, да и в целом из всех развивающихся стран, идет огромная утечка финансового капитала в развитые страны мира. Об

этом много говорится, и все знают, как больно бьют эти много-миллиардные потери по развивающимся экономикам мира.

Но еще большей проблемой является другая утечка капитала – человеческого, или, другими словами, утечка мозгов. Человеческий ресурс – самый ценный и невозполнимый капитал, без которого не может идти речи не только о развитии, в целом вопрос стоит о национальной безопасности. В самом смысле термина «утечка мозгов» спрятан тезис, что к иммиграции склонны в основном люди умственного труда и высококвалифицированные рабочие, образованные и энергичные, не согласные с тем, как оценивается их труд на собственной родине, и готовые пожертвовать многим ради часто болезненного переезда на новую родину.

Экономические, социальные и политические потери от утечки человеческого капитала – огромные, с долгосрочными последствиями, которые трудно подсчитать, в отличие от бегства капитала финансового.

Исследование Национального бюро экономических исследований США (National Bureau of Economic Research) показало, что «утечка мозгов ныне происходит не только потому, что в «бедных» странах низок уровень жизни, но и потому, что у специалистов появилось достаточно средств для того, чтобы финансировать свой переезд в «богатые» страны. По оценкам Бюро, в подготовку каждого выпускника местного университета «бедное» государство инвестирует в среднем 50 тысяч долларов. При переезде этого выпускника эти деньги теряются, однако подобные потери – лишь верхушка айсберга.

Согласно данным Фонда African Capacity Building Foundation, каждый год на поиски счастья в индустриально развитые стра-

ны отправляются примерно 20 тысяч высококвалифицированных жителей африканского континента. Одним из результатов этого является хронический дефицит квалифицированных кадров в африканских государствах, что приводит к замедлению процесса их развития и усугублению ситуации в сферах науки, экономики, медицины и так далее. По оценкам Фонда, отъезд специалистов приводит к бюджетным потерям (уехавшие не платят налоги на родине), снижению темпов создания новых рабочих мест, уменьшению конкурентоспособности местной экономики (вплоть до того, что иностранных специалистов приходится импортировать из-за рубежа и платить им намного больше, чем получали бы их местные коллеги – по оценкам Всемирного банка, страны Африки ежегодно тратят около 4-х миллиардов долларов на оплату труда иностранных программистов, преподавателей, инженеров, менеджеров и других специалистов)» [50].

Российские эксперты по этому поводу говорят, что «если бы те специалисты, которые выехали за границу, начиная с 70-х годов, готовились в университетах США и Западной Европы, то на их подготовку пришлось бы потратить более 1 триллиона долларов» [51]. Также следует указать, что эти данные никак не учитывают потери от оттока ноу-хау.

Но если кто-то «потерял» целый триллион долларов, то, значит, кто-то его нашел. Люди едут туда, где, как им кажется, будет лучше, чем на прежнем месте. Направления умственной иммиграции туда, где «лучше», понятны: это, в основном, страны развитой Европы, Азии и Северной Америки. Но я не ошибусь, если скажу, что при упоминании термина «утечка мозгов» первые ассоциации будут связаны именно с Соединенными

Штатами. Ведь само понятие «утечка мозгов» (brain drain) появилось в начале 1950-х годов, когда английские ученые и интеллектуалы стали активно переезжать в Америку.

Так, по данным журнала Science, «... в последнее десятилетие из Германии в США переехал каждый седьмой получатель докторской степени. Трое из четверых учёных Германии, являющихся обладателями Нобелевской премии, ныне работают в США. Можно и дальше бесконечно долго говорить о чрезвычайных достижениях иммигрантов на поприще науки, открытиях новых технологий, которые изменили не только США, но и весь мир, жизнь каждого человека на планете. Windows, Facebook, Google и YouTube – это неполный перечень новых технологий, без которых многие современные люди не проводят и дня» [52].

Если страны мира ищут таланты в основном в рамках своих национальных территорий, то США ищут и находят таланты среди 7 с половиной миллиардов жителей планеты. Например, сегодня в некоторых школах Гарварда практически половина профессоров – иностранцы.

США создали беспрецедентные, даже для развитого мира, условия для инновационной, высокотехнологичной экономики, в основе которой лежит человеческий капитал. Высокоадаптивная модель школьного образования, средоточие мировых университетов как центров научной мысли и технологий, политика привлечения талантов со всего мира, можно предположить, и есть формула успеха становления США как мировой сверхдержавы, как мощнейшей экономики мира.

Ряд исследователей уверенно заявляет о приоритетности человеческого капитала в экономическом развитии. Саймон Смит

(Семен Кузнец), лауреат Нобелевской премии за 1971 год, первым из ученых определил роль капиталовложений в человеческий фактор как основу экономического роста. Он подчеркнул, что «для страны самым большим капиталом являются ее люди с их мастерством, опытом и побуждением к полезной экономической деятельности. В своих исследованиях Саймон Смит сумел объяснить, как влияют неумолимые законы экономики на технический прогресс и развитие общества, и что самое ценное – это человеческий капитал. Качество функционирования экономики и в целом государства зависит от принимаемых решений и реальных действий (в виде законов, указов, положений, инструкций...) людей – президента, депутатов Конгресса, губернатора и ассамблеи штата, мэра, руководителей бизнеса, международных организаций и каждого гражданина» [53].

Однако, многие исследователи (не только американские), признавая всю важность образования, в том числе и высшей школы, не рассматривают этот фактор как ключевой для экономического роста.

Очевидно, что образование, безусловно, является ключевым поддерживающим фактором в развитии любой страны, и наоборот, необразованное общество не может развиваться. Страны должны вкладывать инвестиции в образование и науку – для того, чтобы расти и конкурировать в мире. Причем, чем богаче государство, тем больше должны быть инвестиции. Ведь известно, что, чем более образованное население в стране, тем меньше становится маржа прибыли от инвестиций в образование. Неслучайно самый большой эффект на начальном этапе инвестиций имеет место в малообразованных обществах. С этим трудно спорить. Вместе с тем, совершенно неочевидно,

что образование само по себе стало основной причиной экономического роста в США.

К примеру, американские и германские исследователи выявили закономерность между длительностью обучения в той или иной стране и дохода на душу населения.

На приведенном ниже графике можно увидеть взаимозависимость между длительностью (в годах) обучения (горизонтальная ось) и долгосрочным экономическим ростом (вертикальная). (Регрессия среднегодового уровня роста (в %) ВВП на душу населения в 1960–2000 годах на среднюю длительность в годах обучения в 1960 году и начальный уровень ВВП на душу населения в 1960 году).

246 Economics of Education – External Benefits of Schooling

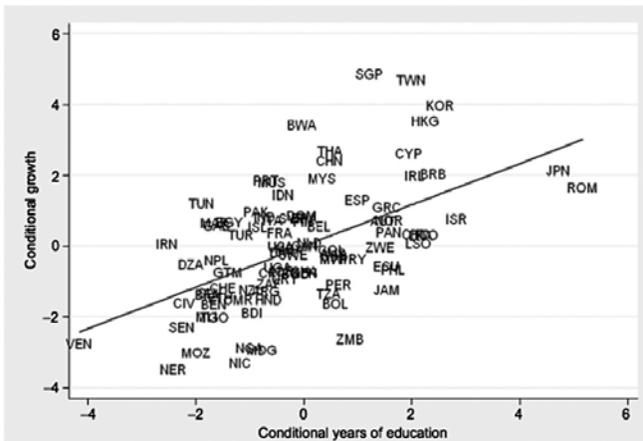

Figure 1 Association between years of schooling and long-run economic growth. Added-variable plot of a regression of the average annual rate of growth (in percent) of real GDP per capita in 1960–2000 on average years of schooling in 1960 and the initial level of real GDP per capita in 1960.

Источник - Hanushek E A and Wößmann L (2010), Education and Economic Growth. In: Penelope Peterson, Eva Baker, Barry McGaw, (Editors), International Encyclopedia of Education. volume 2, pp. 245-252. Oxford: Elsevier

Однако, вместе с тем, исследователи отмечают, что формальные количественные показатели обучения не отражают их качественных параметров. К примеру, очевидно, что средний учащийся в Гане или Перу вряд ли приобретает за одинаковое время обучения те же самые знания, что его сверстники в Южной Корее или Финляндии.

Или другой показательный пример: если брать образование или, лучше всего, количество выпускников с высшим образованием, то тогда, чем богаче страна, тем выше был бы процент людей с высшим образованием. В некоторой степени так и есть. В развитых странах мира, включенных в ОЭСР (OECD), процент людей с высшим образованием и в целом людей образованных – выше, чем в среднем по миру. Но, с другой стороны, как объяснить тот факт, что в России процент людей с высшим образованием выше, чем в США, да и качество обучения, по крайней мере, формального, во многом, по тем же точным наукам, превосходит такие же параметры в США, а экономическая ситуация далека от идеальной.

То есть, если бы образование являлось тем самым фундаментом развития, системообразующим фактором, то предполагается, что количество успешных стран в мире увеличилось бы многократно, но этого не происходит. Тем самым подтверждается тезис, что одного образования и науки для экономического роста недостаточно.

В рейтинге лучших 200 вузов мира заметно, что, за редким исключением, лучшие университеты мира принадлежат развитым странам Европы, Северной Америки и Азии, таким, как Великобритания (Оксфорд, Кэмбридж), США (Стэнфорд, Гарвард), Франция (Сорбонна), Австралия, Япо-

ния, Сингапур, Южная Корея и т. д. Исследователи говорят, что осуществляемая на протяжении многих лет грамотная политика США, направленная на инвестирование и культивирование человеческого капитала, создание условий для привлечения лучших умов со всего мира, наличие лучших университетов и мировых открытий создали мощную основу для процветания Соединенных Штатов.

Между тем, по мнению исследователей, как и в случае с вопросом, кто был первым – курица или яйцо, возникает вполне закономерный вопрос: развитые страны стали таковыми потому, что имеют мощные образовательные, научные центры, которые двигают общественный и экономический прогресс? Или наоборот, суперуниверситеты смогли появиться только в тех странах, где созданы благоприятные экономические, социальные, политические и иные условия?! Или, как однажды точно выразился на своей лекции профессор Кеннеди школы Рикардо Хаусман: «США стали богатыми не потому, что у них есть Гарвард, а, скорее, наоборот, Гарвард смог возникнуть именно в США, потому что они создали соответствующие для этого социальные и экономические условия».

2.3 Институты, институты?!

Если не география и образование, то, возможно, ключиком к развитию США стали институты, унаследованные от Британской империи? Сегодня, надо сказать, институциональный подход приобрел небывалую популярность, особенно в развивающихся странах. Впрочем, и количество оппонентов этой теории также значительно.

Начну с того, что никто из серьезных исследователей не отрицает важность этого фактора в развитии государств. Я бы даже сказал – принципиальную важность институтов, без которых никакой экономической рост просто невозможен. Ряд исследователей, в том числе и профессора Массачусетского технологического института Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон указывают на институты, как ключевой фактор развития, именно они создали условия для процветания и стали отправной точкой для роста экономики и мощи США.

Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон в своем ставшем мировым бестселлером труде «Почему одни страны богатые, а другие бедные» («Why Nations Fail») приводят страновые кейсы для объяснения причин экономических успехов либо неудач государств. Они приходят к мнению, что теории развития государств, основанные на географических и этнических факторах, таких, как климат, природные ресурсы, культура и религия, несостоятельны. Свою теорию они подтверждают на нескольких примерах парных социумов, таких, как Корея, США и Мексика, Узбекистан и СССР, и т. д., развивающихся существенно разными путями при практически полном совпадении географических и социокультурных факторов, и делают главный вывод, что процветание или упадок государств обусловлены, в первую очередь, природой их экономических и политических институтов.

В своих кейсах Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон «...сопоставляют экстрактивные и инклюзивные институты. В современном мире, по мнению исследователей, все страны можно условно поделить на две группы, где доми-

нируют, скорее, экстрактивные экономические институты, которые позволяют узкой группе граждан управлять экономикой государства для собственной выгоды, и страны с инклюзивными экономическими и политическими институтами, которые позволяют получать выгоду от развития государства большинству населения.

Авторы показывают, что экономическое и политическое развитие напрямую зависит от институционального контекста, т. е. от специфики институтов, которые формируют и регулируют политическую и экономическую жизнь страны. Если этот контекст инклюзивный, то развитие будет устойчивым, если экстрактивный – будет наблюдаться деградация. На короткие периоды экстрактивные государства способны демонстрировать экономический рост, когда узкая элита начинает инвестировать в экономическое развитие страны, но в долгосрочной перспективе такие государства «проваливаются», так как без инклюзивных институтов рост и развитие оказываются неустойчивыми, не возникает положительный цикл развития» [54].

Почему именно инклюзивные экономические и политические институты, а не география или культура стали основой экономического и социального развития в США, Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон «...приводят на примере города Nogales, который разделён на две части: с северной стороны он находится в США, на территории штата Аризона, и с южной стороны – в Мексике, в провинции Сонора. Этот город после обретения Мексикой независимости от Испании в 1821 году был частью мексиканского штата Видежа Калифорния и только в 1853 году, после войны с США,

город был поделен на две части. И спустя более чем полтора века две части когда-то одного города Ногалес, с одной географией, предрасположенностью к болезням, культурой, едой, музыкой, с одними предками стали совершенно разными в экономическом и социальном развитии.

Итак, Ногалес, США, безопасен, с низкой коррупцией, с развитой инфраструктурой, доступом жителей к качественной медицине и образованию, хорошими дорогами, и средним доходом в 30 тысяч долларов.

В это же время жизнь в Ногалес, Мексика, который всего в нескольких шагах от забора с США, совсем другая. Несмотря на то, что жители Ногалес, Сонора, живут в относительно благополучной провинции Мексики, средний доход в три раза ниже, чем в Ногалес, Аризона. Жизнь в мексиканском Ногалесе небезопасна и некомфортна, с высоким уровнем преступности и низким уровнем образования, медицины, а также плохими дорогами и высоким уровнем коррупции» [55].

Почему так произошло, ведь жители обоих Ногалес ни по культурным, ни по расовым и религиозным признакам, ни по климатическим условиям ничем ни отличались и не отличаются друг от друга! Более того, если говорить об институтах, то формально Мексиканские Соединенные Штаты, именно так официально называется страна, имеют демократическую конституцию от 1917 года, демократически избранное правительство и свободные рыночные отношения. Формально. Фактически же известно, что вплоть до 2000 года правительство было полностью монополизировано одной партией, по иронии, с громким названием – Институционально-революционная партия, экономика страны жестко

регулировалась государством и близкими к правящей элите олигархами.

Жизнь в Ногалес, США, намного лучше, чем в Ногалес, Мексика, не потому, что федеральные власти в Вашингтоне лучше соблюдают и имеют лучший контроль над ситуацией по всей стране, чем федеральные власти в Мехико. На самом деле, по мнению Рикарда Хаусмана, «...никто во власти, даже президент США и его администрация, не в состоянии полностью знать, что происходит в стране, что сделали или не сделали тысячи федеральных чиновников, как это отразилось на каждой части общества. Выборы недостаточны, ибо они происходят в двух или четырехгодичных интервалах и несут мало информации для выборщика. Вместо этого, успешная политическая система сотворила подобие невидимой руки рынка – систему децентрализованной власти, которая может эффективно идентифицировать проблемы, предложить решения и отследить их исполнение в режиме более полной информации.

С этой точки зрения, США создали довольно эффективную и устойчивую модель политического устройства.

Начну с того, что принятая в 1787 году Конституция США содержала ряд новшеств, которые в будущем оказали колоссальное влияние на развитие конституционного и государственного строительства большинства стран мира. Она провозгласила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, а также учредила совершенно новый институт президентства.

Как случилось, что именно на периферии западной цивилизации появилась первая писаная Конституция, вопло-

тившая в себе все передовые политические доктрины европейских просветителей – Вольтера, Монтескье, Локка, Гоббса, Руссо и других? Почему именно на американской почве эмигранты-протестанты, объединившие англосаксов, голландцев, немцев и скандинавов, нашли ту модель организации государства, которая эффективно, без переворотов и катаклизмов работает более двух веков, до сих пор? Государственные перевороты, правительственные кризисы, противостояния правительства и парламента, в том числе и вооружённые, то и дело сотрясающие весь мир, в том числе и демократическую Европу, обходят США стороной.

Одним из объяснений может служить «...двойная защита Конституции на федеральном и региональном уровнях, определенными и в то же время гибкими формулировками Конституции, дающими возможность маневров. Согласно разделу 1.1. статьи II Конституции США, исполнительная власть принадлежит президенту. То есть функции президента ограничиваются лишь исполнением законов, принятых Конгрессом. Президент не вправе расширить объем своих полномочий, так как такие действия могут быть пресечены Верховным судом, которому дано право объявить тот или иной акт президента неконституционным» [56].

Если не брать поправки, то Конституция США не менялась с 1787 года! Ни один из 45 президентов США не осмелился ее поменять и подстроить под себя. Но были поправки в конституцию (всего 27), и, надо признать, они играют чрезвычайно важную роль в жизни страны.

Идем дальше. По состоянию на 2016 год среди 500 000 выборных позиций по всей стране, на федеральное прави-

тельство приходится всего 537! То есть президентские выборы в США, яркие и вызывающие понятный интерес во всех странах мира, всего лишь верхушка большого айсберга избирательного процесса в США. «...Для многих граждан США президентские выборы по своей важности даже проигрывают выборам в местный совет мэрии или округа. Реальная власть сосредоточена по всей стране и многие вопросы, касающиеся государства и граждан, не требуют решения центрального правительства, так как возникающие проблемы быстро распознаются, и по возможности решаются именно на местах» [57].

С другой стороны, тот огромный пробел в диагностировании и реакции на постоянно возникающие в обществе и государстве проблемы, которые правительство не может быстро и эффективно распознать, восполняют тысячи и тысячи людей не только по всей стране, но и в центре, в Вашингтоне. Хаусман приводит пример с системой Конгресса США и многотысячными лоббистскими группами, сосредоточенными вокруг Конгресса и правительства США. Конгресс США насчитывает 100 сенаторов с 40 помощниками каждому сенатору и 435 членов Палаты представителей с 25 помощниками на каждого. Они все организованы в 42 комитета, 182 подкомитета, что означает 224 постоянно действующих параллельных каналов коммуникаций.

И эта группа с более чем 15 тысячами людей не одинока. К ним можно присоединить и около 22 тысяч зарегистрированных лоббистов, чья миссия, помимо других целей, вместе с законодателями изучать и составлять законы. Все это вместе со свободной прессой является частью структуры,

которая читает миллионы страниц законодательства и следит за тем, что делает и не делает правительство. В конечном итоге, это все генерирует информацию и стимулы для решения возникающих вопросов и проблем и это влияет на распределение бюджетных расходов. Без этого механизма (децентрализации) политическая система не сможет создать тот тип среды, в котором нуждается современная экономика.

Эта среда и позволяет объяснить, почему все развитые страны – демократические, с развитым гражданским обществом, транспарентной и регулярной сменой власти, независимыми парламентом, судами, сильными и свободными СМИ, а практически все авторитарные страны, за исключением арабских монархий, Сингапура и нескольких других стран – бедные. Несмотря на то, что большинство авторитарных стран тоже проводят выборы, очень часто эти страны из-за своей закрытой и потому плохо распознающей проблемы общества политической системы спотыкаются при самых простейших вопросах координации жизнедеятельности государства.

Отсюда можно сделать еще один важный вывод: страны с развитыми институтами намного быстрее распознают (через свободные СМИ, к примеру) принятые правительством ошибочные решения и гораздо эффективнее реагируют на постоянно возникающие общественные вызовы, нежели авторитарные замкнутые системы.

Действительно, если взять за основу уровень развития демократии, рассчитанный по методике британского исследовательского центра The Economist Intelligence Unit, то будет видно, что в рейтинге 167 стран за 2015 год государства, занявшие топ-10 мест, такие, как Норвегия, Швеция, Исландия,

Дания, Новая Зеландия, Австралия, Швейцария, Канада, Финляндия и Нидерланды, отличаются высоким уровнем жизни и безопасностью. Это – страны, где все хотели бы жить. И наоборот, страны, занявшие нижние строчки рейтинга, такие, как Афганистан, Судан, Центрально-Африканская республика, Чад, Северная Корея и т. д., пребывают в глубокой нищете, погрязли в гражданских войнах и зачастую возглавляются тираническими и одиозными личностями.

Кстати, относительно темы первоочередности государственных институтов – интересная полемика развернулась в процессе президентской кампании в США, когда один из лидеров кандидатов в президенты от демократической партии, Берни Сандерс, известный своей любовью к скандинавской социалистической модели, сказал, что «Америка должна внимательно посмотреть в сторону Дании, Швеции и Норвегии и перенять опыт и достижения этих стран». На что пошла, как это ни парадоксально, довольно критическая реакция от самих скандинавов, резюмировать которую можно словами шведского эксперта, приглашенного профессора Колумбийского университета Даниэля Шатца: «...шведский экономический успех произошел скорее благодаря сильным институтам и сплоченному обществу, чем государству всеобщего благосостояния, которым так восхищается Мистер Сандерс. Более того, во время расцвета шведского социализма и идеи сильного государства экономический рост в Швеции вообще-то упал со второго места в мире в 1970 году до предпоследнего среди стран ОЭСР (OECD) в 1990-м. Страна восстановилась только после проведенной децентрализации, экономического де-регулирования и снижения уровня налогов» [58].

Однако демократические развитые инклюзивные институты – это не раз и навсегда приобретенная данность. Сегодня всё чаще раздаются голоса о возможной деградации институтов в развитых странах. Дискуссии о том, что именно постепенная и незаметная на первый взгляд коррозия институтов может привести к утрате экономического могущества Запада и США, в частности, ведутся не первые десятилетия. Вполне логично, что, если взять за основу институциональное объяснение расцвета государств, будет и объяснение в том же духе о возможном закате и даже упадке и деградации государств. Как, например, сделал это в своей работе известный британский историк, со специализацией в экономической истории, Нэйл Фергюсон. В своем труде 2013 года «Великая дегенерация: как ветшают институты и умирают экономики» Фергюсон приходит к выводу, что «именно распространяющийся упадок институтов может поставить под угрозу будущее развитых стран. По его мнению, симптомы упадка уже очевидны и окружают нас: замедляющийся рост, накапливающиеся долги, стареющее население, антисоциальное поведение, и причины тому – дегенерация институтов, тонкой среды, в которой общества процветают или умирают» [59].

Грозят ли США упадок демократии и приход, к примеру, авторитаризма? На первый взгляд, сегодня это представляется маловероятным. Но не все с таким утверждением согласны, особенно с учетом цикличности всего на земле, в том числе и политических систем. Тем более, что для будущих изменений в США также постепенно и пока незаметно вызревают определённые тенденции. В своей книге «Авторитаризм и поляризация в американской политике» («Authoritarianism

and Polarization in American Politics»), вышедшей в 2009 году, социологи Марк Гетерингтон и Джонатан Вайлер пришли к заключению, что «Республиканская партия стала привлекать к себе людей, по своему характеру склонных к авторитарности. По определению современных социологов, эти люди имеют следующие черты: повышенную любовь к порядку, особенно резкое видение различий между «своими» и «чужими», понимание мира в терминах добра и зла (без нюансов), предпочтение силовых решений политических проблем и неприятие социальных изменений в обществе.

Большинство социологов сходятся во мнении, что авторитарные тенденции могут дремать в человеке и просыпаются, когда он ощущает какую-то угрозу и страх. По мнению социологов, сегодня самая испуганная группа в США – это белые мужчины, они же – главные сторонники Трампа. Несмотря на многочисленность этой группы, именно белые мужчины почувствовали себя на осадном положении. С одной стороны, им не дают расслабиться женщины: за последние несколько десятилетий общественное положение этой части населения резко изменилось – все больше женщин становятся профессионалами, создавая жесткую конкуренцию. С другой стороны, в стране происходят демографические изменения – по прогнозам, через 30 лет белые американцы будут в меньшинстве. При таком раскладе чувства, провоцирующие авторитарность, в этой группе будет только нарастать, и количество авторитарно настроенных избирателей может увеличиться» [60].

Другие социологические исследования говорят о существенном снижении общественного доверия к важнейшим

институтам США: «...Если в 1964 году 3/4 населения говорили о полном доверии к федеральному правительству, то сегодня такое доверие есть только у 1/5 опрошенных. Правительство не одиноко, доверие упало и к другим институтам: с 61 до 30% к университетам, с 55 до 13% к американским крупным корпорациям, с 73 до 33% к медицине, с 29 до 11% к СМИ» [61].

Аргументы американских социологов, безусловно, заслуживают внимания и тщательного изучения, хотя тезис о корреляции демографических изменений и коррозии институтов выглядит не совсем обоснованным. Любой индивид, независимо от расы и религиозной принадлежности, попадая в соответствующую институциональную среду, вынужден меняться и адаптироваться, хотя бы по причине необходимости социализации и получения персональных выгод от этого.

В целом, на мой взгляд, неординарная в истории США президентская кампания 2016 года и социальный феномен Дональда Трампа как раз и подтверждают высокие адаптационные возможности американского общества к меняющейся внешней и внутренней среде, появляющимся новым кризисам, в том числе и институционального характера. Здесь уже мало говорить о традиционном состоянии борьбы демократов и республиканцев. Американское общество через традиционные институты, такие, как партии и СМИ, ясно дает понять, что политическая система США дает серьезные сбои, политика, проводимая властью, идет вразрез с ожиданиями части общества и нужна ее серьезная настройка или даже перестройка.

Возможно, мой тезис будет спорным, но я считаю, что

появление на политической сцене такого несистемного кандидата, как Дональд Трамп – это демонстрация гибкости политических инклюзивных институтов и умение реагировать на новую социальную, экономическую и политическую реальность. Брексит, феномен Трампа, рост популярности крайне левых и крайне правых – всё это находится в рамках существующих формальных институтов. Я не думаю, что люди, голосующие за Трампа, все поголовно расисты и исламофобы, но эта часть населения США, немаленькая, к слову, его часть, вполне справедливо полагает, что нелегальная иммиграция может привести к тому, что сложившаяся институциональная среда, кооптационные возможности американского общества могут просто не справиться с потоком нелегальной иммиграции. И, как следствие, те устои и правила, на которых собственно и основана мощь Соединённых Штатов, могут быть разрушены.

Споры об институциональной детерминанте политического и экономического развития все еще продолжаются. Я даже скажу, что они в самом разгаре, и мы еще увидим много новых открытий, доказательств или, напротив, анти-тезисов по отношению институционального объяснения экономического роста, политических и общественных трансформаций. Институциональные объяснения имеют массу недочетов и ограничений в понимании природы роста экономики ряда стран, например, Сингапура, где нет никаких демократических институтов, но, тем не менее, страна входит в число самых успешных мест на земле, где граждане и бизнес чувствуют себя уверенно, где работают законы, а экономический рост продолжается вот уже много десятилетий.

Другой пример: народные революции в Египте и других странах Ближнего Востока, помимо, возможно, Туниса, не привели к созданию более инклюзивных обществ в этих странах. Египетский народ после свержения эксклюзивного режима Хосни Мубарака выбрал совсем даже недемократичных «братьев-мусульман» и Мурси, потом пришлось даже устраивать военный переворот, чтобы восстановить все тот же привычный для египтян военный режим. Более того, революции против авторитарных режимов на Ближнем Востоке посеяли хаос и политическую анархию, что, в конечном итоге, способствовало появлению целой армии фанатиков в лице ИГИЛ.

Рассмотрим еще один пример: Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон в своем труде «Почему одни страны богатые, а другие бедные» в качестве примера позитивного институционального дрейфа нашего времени приводят политическую и экономическую эволюцию Бразилии после того, как президентом страны стал Луис Инасиу Лула да Силва. Однако в результате расследования, начатого в 2014 году, выяснилось, что после прихода Лула да Силва к власти была организована коррупционная схема, в рамках которой строительные компании получали подряды на крупные проекты для нефтяной компании Petrobras, платя откаты её топ-менеджерам и перечисляя деньги правящей Партии трудящихся на финансирование её кампаний, и лично политикам. Лула да Силва был назван одним из главных выгодополучателей этой коррупционной схемы.

Есть серьезные критические замечания к работе Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона с позиции историков. По мнению ряда историков, «...сравнивая два Ногалеса, авто-

ры делают вывод, что различия обусловлены тем, что американский Ногалес живет в пространстве превосходящих американских инклюзивных институтов, а мексиканский – в пространстве худших экстрактивных институтов. Но Аджемоглу и Робинсон говорят о современном Ногалесе. А в 1950 году американский Ногалес был использован для съемок фильма «Оклахома!» как натура бедной сельской Америки, да не 1950-го, а 1900 года: в такой беспробудной нищете и отсталости жил городок. Американские институты больше столетия почему-то не действовали на Ногалес, взлет которого начался намного позже, да и сейчас город по душевому доходу значительно ниже среднеамериканского уровня. В Ногалесе XXI века действует совсем другой институт, который крупный исследователь американско-мексиканского пограничья Джеймс Гербер так и назвал – «институт границы». Составляющие большую часть экономики американского Ногалеса фабрики-макиладоры прибыльны благодаря сочетанию льготного таможенного режима и низкооплачиваемой рабочей силы; упоминая их, книга не использует слово NAFTA, благодаря которому с 1994 года макиладоры и существуют. Бизнес Ногалеса – классический пример пограничной ренты, которая, по терминологии Аджемоглу и Робинсона, – «экстрактивный институт». А кто же крупнейший работодатель американских жителей Ногалеса? По переписи 2010 года, это Министерство внутренней безопасности США, в чьем ведении находится пограничная служба; за ним следует полиция. Это – тоже институты, но не инклюзивные: они берут на работу лишь граждан США. Обо всем этом книга умалчивает» [62].

В многочисленных исследованиях о демократии и развитии или в целом состоятельности государства часто выражаются сомнения в линейной зависимости и корреляции двух процессов. С одной стороны, есть эмпирическое подтверждение аргумента о сильной и положительной корреляции демократичности режима и состоятельности государства: такие страны, как США, Канада, Великобритания, Ирландия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Германия, Австрия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Испания, Португалия, Италия, Греция, Кипр, Чили, Тайвань, Республика Корея, Япония, Ботсвана, Маврикий, Словения, Эстония, Венгрия, Чехия, Польша, Латвия, Литва и Словакия одновременно демонстрируют демократический (разной степени) политический режим и высокие уровни государственной состоятельности (тоже разной степени).

Вместе с тем, примеров государств, в которых демократические преобразования (впрочем, очень разной степени успешности) происходили без укрепления государственной состоятельности или даже при ее снижении, также достаточно много – среди них Аргентина, Венесуэла, Буркина-Фасо, Танзания, Либерия, Сьерра-Леоне, Бурунди, Кения, Нигерия, Индонезия, Индия, Непал, Бангладеш, Филиппины, Израиль, Болгария, Румыния, Россия в первой половине 1990-х годов, Армения» [63].

В общем, не все так однозначно, даже вроде бы с таким на первый взгляд бесспорным институциональным подходом. Однако, признавая изъяны теории институционализма, нельзя не признать максимальную близость к пониманию природы развития государств и обществ именно этого подхода. Геогра-

фия, безусловно, способствовала экономическому развитию страны. Но сколько стран имеют отличные географические характеристики и, тем не менее, прозябают в нищете и не имеют устойчивого экономического роста – примерами могут послужить Венесуэла и Колумбия – перечень же всех стран такого типа достаточно большой.

Человеческий капитал – еще один немаловажный фактор развития, но данный фактор также является сопутствующим и производным от институтов. Человеческий капитал не смог бы развиться в США без соответствующей для этого развития среды. Не Гарвард или МИТ, сегодняшние символы инноваций, блестящих открытий и концентрации лучшего человеческого капитала, сотворили США, а наоборот, как я уже упоминал, Гарвард и МИТ смогли появиться только в такой среде и стране, как США.

Еще лучше сказал об этом профессор МИТ Лорен Грэхем в своем труде «Одиноким идеям» – по его мнению, ключ к успеху МИТ не просто в культуре МИТ, но в культуре Бостона и США в целом. Что же это за элементы культуры, которые позволяют идеям разрабатываться и выливаться в высокоуспешные предприятия? Демократическая форма правления, свободный рынок, где инвесторам нужны новые технологии, защита интеллектуальной собственности, контроль над коррупцией и преступностью, правовая система, где обвиняемый имеет шанс оправдаться и доказать свою невиновность. Культура эта позволяет критические высказывания, допускает независимость. В ней можно потерпеть неудачу, чтобы еще раз попытаться. Вот некоторые из неосознанных характеристик инновационного общества.

Именно институты, как формальные, так и неформальные, в виде развитых социальных норм, и стали главной движущей силой развития США. Инклюзивные экономические институты, децентрализованное, выборное и транспарентное правительство, верховенство закона и гражданское высококультурное общество – четыре кита американского, как, впрочем, и остальных демократических обществ.

В продолжение институционального подхода стоит рассмотреть и теорию культурного детерминизма, о которой повествует следующий раздел.

2.4 Культурный детерминизм экономического развития США

Культурный фактор – именно на него эксперты, экономисты и политологи постсоветского пространства обращают меньше всего внимания, но, чем больше его изучаешь, тем больше приходит понимание важности культурного компонента в развитии любого направления – как экономического, так и политического. Сегодня в экспертном мире в фаворе, как уже не раз отмечалось, институциональный подход, который намного более понятен и удобен в применении, чем культурный фактор. Ведь написание, к примеру, концепции совершенствования судебной системы с четкими сроками, алгоритмами, механизмами реализации выглядит для чиновника понятным и реализуемым. А как просчитать в цифрах и сроках программу повышения культурного уровня, как можно спрогнозировать этапы формирования общества высокой этики и морали? А самое главное, в постсоветских

странах до сих пор не придается значения зависимости экономического развития от уровня культуры общества.

Между тем, между институциональным подходом и культурой существует самая тесная и взаимозависимая связь. Один из самых авторитетных исследователей Америки, Алексис де Токвиль говорит об этой взаимосвязи так:

«Я убежден, что самое удачное географическое положение и самые хорошие законы не могут обеспечить существование конституции вопреки господствующим нравам, в то время как благодаря нравам можно извлечь пользу даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов. Нравы имеют особое значение – вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт. Этот вывод представляется мне наиболее важным результатом моих наблюдений, все мои размышления приводят к нему» [64].

Бесценный мировой опыт, к которому мы обращаемся очень выборочно и конъюнктурно (берем упаковку и не смотрим на содержание), говорит о том, что мало импортировать институциональную оболочку, переписать лучшие законодательные практики, нужны неформальные институты, о которых, кстати, написано немало фундаментальных исследований. Заметим, что, по большому счету, институциональные подходы объяснения экономического развития Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона ничего принципиально нового не открывают. Если уходить в прошлое, то одним из творцов институционального подхода в экономике был лауреат Нобелевской премии по экономике за 1993 год Дуглас Норт. Он совместно с Робертом Фогелем

получил премию «За возрождение исследований в области экономической истории», благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения.

Американский ученый в своих многочисленных трудах дал ясное описание институтов и их влияния на экономические процессы. По Норту, «...институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. Норт подразделяет их на формальные и неформальные:

- Формальные (писаные) ограничения в виде правил и предписаний (например, конституции, контракты, указы и т. п.);
- Процедуры по обнаружению и пресечению поведения, отклоняющегося от установленных правил;
- Неформальные (неписаные) кодексы поведения, обычаи, привычки, ограничивающие сферу действия формальных правил и процедур. Причем, по мнению Норта, обычаи и традиции могут служить эффективным заменителем формальных институтов, обеспечивая тем самым значительную экономию ресурсов.

Неформальным институтам нобелевский лауреат уделял принципиально важное значение. В качестве примера он приводил страны Северной и Латинской Америки, где первые переняли институты – и формальные и неформальные, у британской империи, а вторые, соответственно, испанской. Так вот, страны Латинской Америки, импортировав формальные институты у США – в виде конституции и про-

цедур, так не смогли достичь значимых успехов в экономическом развитии, сравнимом с США, по причине отсутствия соответствующих неформальных обычаев и правил [65].

Проще говоря, можно переписать продвинутую конституцию или законы, но они не будут работать в странах и обществах, где люди традиционно лояльно относятся к коррупции, а само общество характеризуется нестрогим соблюдением правил, низким уровнем культуры и социальных норм поведения. Это как машина без двигателя, вроде снаружи все правильно, внутри можно сесть, все комфортно, есть руль (власть), есть остов (территория и население), она красиво покрашена (конституция и законы), есть колеса (экономические институты), но машина никуда не поедет, потому что мотор-то не поставили и топливо забыли залить. Мотор с топливом – это как раз и есть те неформальные институты, о которых говорят исследователи.

В XIX веке лучшие умы Индии, многие из которых получили западное образование, стали пристально изучать тексты упанишад – древнеиндийских трактатов религиозно-философского характера и индуистских религиозных эпосов. Интерес к индийской истории был вызван желанием ответить на вопрос, в чем кроются глубинные причины отставания Индии от Запада? Одним из первых интеллектуалов, кто перевел изучение истории в политическую плоскость, стал бенгальский писатель Банкимчандра Чаттападхья (1838–1894). Проанализировав причины, которые предопределили покорение Индии, он пришел к выводу о том, что отставание от Запада обусловлено особенностями культуры Индии, не подразумевающими стремления к сво-

боду и препятствующими экономической и социальной модернизации [66].

Все это в целом я бы назвал средой обитания, когда в обществе, наряду с формальными, есть множество неписаных правил, по которым живет общество, и нарушение которых со стороны отдельных индивидуумов ведет к серьезному порицанию и наказанию. В американском обществе, известном своей богатой палитрой расового, этнического, религиозного, социального разнообразия такие правила тоже существуют. По моему глубокому убеждению, это, прежде всего, неукоснительное соблюдение закона, уважительное отношение к интересам других людей, своих сограждан, к их жизненной позиции, а также к правилам своей родины, штата, города, округа. У американцев нет временщицкого, потребительского отношения ко всему, что их окружает. А что есть – так это чувство гордости и осознание себя хозяином своей земли, которое логично перерастает в истинный патриотизм. Я не видел больших патриотов своей страны, чем американцы. Между собой они могут ее ругать, находить недостатки, но в разговорах с иностранцами занимают позицию, что если есть земля обетованная, так это – США. Кто-то скажет – какое отношение это имеет к институтам? Так вот, этот свод неписаных правил, традиций, культурных кодов и есть те неформальные институты, ценность которых равна и, может быть, даже выше, чем писанные правила и законы, по крайней мере, они находятся в комплиментарном состоянии.

К примеру, ключевой аспект развития всех социумов в современном мире – это отношение к женщине, которое

имеет под собой культурную основу. Коротко это можно объяснить примерно таким образом. Инклюзивные институты дают возможности для самореализации, в том числе, и в профессиональном плане, всем, несмотря на пол, возраст и расовую принадлежность. В гендерном плане это означает, что все больше женщин находят себя на рынке труда, что, соответственно, ведет к большему объему производства товаров, услуг, росту ВВП, экономическому росту. К примеру, «...в США в 1960 годах работало только 15% американских семейных женщин с детьми младше 6 лет, в то время как в 2010 году эта цифра выросла до 64% – самый большой процент работающих женщин в мире» [67].

Понимание важности вовлечения и участия женщин в развитии страны приобретает общемировую тенденцию. Как отмечается в опубликованном в 2014 году отчете ВЭФ, за прошедшие 10 лет гендерное равенство в мире стало более ощутимым, по мере того, как женщины получили больше возможностей для участия в политике и деловой жизни. Хотя, несмотря на то, что за последние десять лет в мире стало почти на четверть миллиарда больше работающих женщин, для полного устранения гендерного неравенства на работе, если двигаться в этом направлении нынешними темпами, понадобится, как минимум, 170 лет. То есть, в какой-то степени можно сказать, что вопрос гендерного равенства и становится тем самым нераскрытым потенциалом для мирового развития.

Одна из фундаментальных граней общества, где сильны неформальные институты и социальные нормы – это сво-

бода граждан: внутренняя и внешняя, которая выражается, в том числе, через свободу идей. Профессор Северо-западного университета, Джоэл Мокир (Joel Mokyr) утверждает, что «технологическое и промышленное развитие стран Западной Европы, в частности, Великобритании, началось именно с развития «рынка идей», свободного, конкурентного выражения научных идей, формальное начало которому положило образование в Лондоне в 1660 году клуба Королевского общества, где каждый гражданин мог излагать и защищать в честных спорах свои идеи и убеждения. Дальше возникло уже транснациональное общество «Республика писем», члены которого уже через границы презентовали, спорили, убеждали в своих взглядах и открытиях. В споре на рынке идей не было «святых коров» и авторитетов, сомнению подвергалась любая идея, как и любая идея была важна. Главным же принципом развивающегося рынка идей в те времена стали слова Фрэнсиса Бэкона, который сказал, что «настоящая и правильная цель науки – одарить человеческую жизнь новыми открытиями и ресурсами» [68]. Все это, в конечном итоге, привело к прорыву в технологиях, ставших основой для экономического развития западной цивилизации.

Многие исследователи находят прямую взаимосвязь между культурой протестантства, демократией и экономическим развитием в США. Протестанты, прибывшие на новые земли, начиная с эпохального корабля Мэйфлауэр с первыми пилигримами на борту, и заложили культурные основы будущего успеха Америки. Исследования показывают, что те религии, которые воспитывали в людях стремление к

успеху, материальному богатству через труд, образование, где последователи склонны к новым вещам, инновациям, предпринимательству, накоплению капитала являются благоприятной почвой для демократии и модернизации. Протестантство как раз такой религией и является.

Сэмюэл Хантингтон в своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» посвятил англо-протестантской культуре отдельную главу, где он написал: «Почти четыре столетия эта культура первопоселенцев оставалась основным элементом американской идентичности» [69].

Трудовая этика и индивидуальная ответственность также занимают в англо-протестантской культуре центральное место – в качестве противоположности иерархии. Хантингтон отмечает: «Трудовая этика – ключевое понятие протестантской культуры, и с самого начала американская религия была религией труда. В других обществах базовыми источниками статуса и легитимности служили традиции, классовое и социальное положение, этническая и семейная принадлежность; в Америке таким источником был труд. И аристократические, и социалистические общества принижают значение труда; общество буржуазное труд восхваляет. Америка, эта квинтэссенция буржуазного общества, превозносила и превозносит труд» [70].

Англо-протестантская «нонконформистская, евангелическая» культура оказала на ход американской истории глубокое влияние, снова и снова выступая движущей силой реформаторских инициатив, к числу которых относятся: сама Американская революция; движение за отмену рабства;

движение прогрессистов, начавшееся в 80-х годах XIX века; борьба за расовое равенство, начавшаяся в конце 50-х годов XX века; и более общий протест против американских институтов в 60-е годы. Англо-протестантская культура оказала влияние и на внешнюю политику. «В международных делах большинство стран отдает приоритет тому, что именуется «реалистическим подходом» к государственному могуществу, безопасности и материальному богатству. Когда дело доходит «до серьезного», Соединенные Штаты ведут себя точно так же. Однако американцы вдобавок ощущают настоятельную потребность продвигать в отношениях с другими обществами и внутри самих этих обществ те самые этические идеалы, к которым они стремятся у себя дома» [71].

Про исключительную важность неформальных институтов, политической культуры говорит и другой знаменитый американский исследователь – Френсис Фукуяма. В своем популярном труде «Великий разрыв» всемирно известный американский эксперт с японскими корнями говорит о том, что, хотя формальный закон, а также сильные политические и экономические институты являются необходимыми, для того, чтобы гарантировать преуспевание современного общества, их самих по себе недостаточно. Нормальная работа либеральной демократии всегда зависела от наличия определенных культурных ценностей, принимаемых обществом. Легче всего в этом убедиться, сравнивая между собой США и страны Латинской Америки. Когда в XIX веке Мексика, Аргентина, Бразилия, Чили и другие латиноамериканские страны добились независимости, многие из них приняли

формальные демократические конституции и юридические системы, имевшие в качестве образца президентскую систему США. Однако с тех пор ни в одной латиноамериканской стране не удалось достичь политической стабильности, экономического роста и эффективной работы демократических институтов, характерных для США.

Фукуяма утверждает, что «именно культурный фактор стал тем главным цементом, сплотившим все остальные факторы. США были основаны в первую очередь Британией и унаследовали не только британские законы, но и британскую культуру, в то время как, к примеру, продолжая начатые Аджемоглу и Робинсоном кейсовы исследования, Латинская Америка получила в наследство разнящиеся друг с другом культурные традиции Пиренейского полуострова. Хотя Конституция США устанавливает отделение церкви от государства, американская культура в годы своего формирования создавалась в значительной степени протестантскими сектами. Протестантизм усилил как американский индивидуализм, так и то, что Алексис де Токвиль назвал американским «искусством объединяться» – то есть тенденцию общества самоорганизовываться в мириады добровольных ассоциаций и общин. Жизненная сила американского гражданского общества была необходимой как для стабильности демократических институтов США, так и для их развивающейся экономики. Имперские же римско-католические традиции Испании и Португалии, напротив, усиливали зависимость от крупных, централизованных институтов – таких, как государство и церковь, ослабляя, соответственно, независимое гражданское общество» [72].

Вообще, Фукуяма поднимает ключевую для всех обществ тему – развитие и уровень общественного доверия. Чем ниже уровень доверия в обществе, тем выше уровень общественного разложения, коррупции и nepотизма. И наоборот, высокий уровень общественного доверия, характерный для развитых стран, ведет к высокому уровню кооперации внутри социума, широкому распространению здоровых ценностей и норм. Кстати, основную угрозу для США Фукуяма видит как раз-таки в возможном упадке доверия среди американского общества, кризисе семейных ценностей, разгуле преступности и подрыве социального капитала, формировавшегося многие поколения.

Не могу отказать себе в удовольствии привести еще один яркий пример взаимосвязи культуры и развития, но уже на примере афроамериканской истории США.

В своей первой работе «Этническая Америка», вышедшей в 1981 г., чернокожий экономист и обозреватель Томас Сауэлл приводит убедительные аргументы в пользу аккультурации чернокожих в американский мейнстрим. Он подразделяет афроамериканцев на три группы: 1) «свободные цветные»; 2) рабы, освобожденные Прокламацией об освобождении, изданной Линкольном, и 3) иммигранты из Вест-Индии.

Так вот, на основании своего исследования Томас Сауэлл приводит многочисленные примеры того, как разные жизненные модели поведения, социальные нормы вели к успеху или неуспеху внутри одной расовой группы населения США. Так, рабы и их потомки были гораздо менее успешными, чем их более малочисленные собратья из групп

«свободные цветные» и иммигранты из Вест-Индии. В XIX веке и первых десятилетиях XX века лидеры чернокожих по большей части были потомками «свободных цветных», рано начавших процесс аккультурации в американский мейнстрим, и этот же источник имело большинство достижений чернокожих того времени.

Другой показательный пример – иммигрантов, приехавших в Америку из Вест-Индии. Значительная по масштабам иммиграция из стран Вест-Индии, в первую очередь, с Ямайки, Барбадоса, Тринидада и Багамских островов, началась в первые годы XX века. Сауэлл отмечает, что к 1920 году четверть населения Гарлема составляли выходцы из Вест-Индии, хотя в общей численности черного населения страны их доля была всего лишь около 1%. Этот один процент дал исключительно большое число лидеров и успешных людей: Маркс Гарви, Стокли Кармайл, Малкольм Икс, Джеймс Фармер, Рой Иннис, депутат Палаты представителей Конгресса Ширли Чизхолм, Кеннет Б. Кларк, сэр У. Артур Льюис, Сидни Пуатье, Гарри Белафонте, Годфри Кембридж, бывший президент Фонда Форда Франклин Томас и генерал Колин Пауэлл.

Сауэлл делает вывод: «Контраст между выходцами из Вест-Индии и американскими неграми состоит не столько в их профессиональной подготовке, сколько в моделях поведения. Темнокожие вест-индского происхождения более бережливы, больше склонны к упорному труду и предпринимательству. Их дети учатся более старательно и превосходят по своим школьным достижениям детей местных темнокожих родителей» [73].

Бесспорно, что культурный фактор играет в развитии любого общества колоссальную роль, и критически важную роль он сыграл и в развитии американского общества. Впрочем, и здесь, как и везде, есть свои критики данного подхода. Многие эксперты указывают на то, что наличие высококультурных обществ и господство протестантской этики не помешали Германии, Италии и Японии в 1930-х годах откатиться назад, к одной из худших разновидностей традиционного общественного устройства – к тоталитарной деспотии. Очевидная цикличность исторического развития в ряде стран мира до сих пор не имеет причинного объяснения, которое можно было бы считать общепризнанным. Эксперты говорят, что общим недостатком культурного детерминизма является преувеличение роли человеческого сознания в процессе развития государств и преуменьшение роли стихийных эволюционных факторов» [74].

Тем не менее, сами же критики говорят о том, что невозможно провести настоящую модернизацию государства без построения «общества модерна». Любые попытки провести модернизацию страны в обход общества модерна вели к неизбежному краху. Советский эксперимент XX века – самое громкое тому подтверждение. В конструировании же общества модерна культурная компонента играет важнейшую, если не ключевую роль. Ранее упомянутая «Республика писем», возникшая в Британии, и стала прообразом общества модерна, в котором именно общество, его свободные и творческие члены и становятся единственной энергией развития государства. Рискну сказать, что все те блага западной цивилизации, которые отмечает в своем труде

Нэйл Фергюссон, «...долгое, 500-летнее доминирование в мире западной цивилизации, объясняется, в первую очередь, тем, что она смогла освоить и предложить миру шесть инновационных социальных концептов: конкуренцию, трудовую этику, экономическое потребление, современную науку, современную медицину, правопорядок» [75], уходят корнями в социальные нормы британской и, шире, западной цивилизации.

Среда обитания не просто позволяет сохранять сформированный и постоянно адаптирующийся свод правил американского социума, но и перемалывает и адаптирует новых американцев, прибывающих с разных уголков земли и, как правило, не знакомых с ними. Если новоиспечённый гражданин США прибыл из страны, где справлять нужду в общественных местах или не соблюдать правила дорожного движения считается нормой, то на новой родине он непременно натолкнется на общественное неприятие и административное наказание. Поэтому: хочешь добиться своей американской мечты, интегрироваться в общество – будь добр следовать правилам.

Те граждане разных стран, которые на родине сначала привыкли плевать из окна своего автомобиля и не пропускать пешеходов, потом с большой вероятностью будут «плевать» на законы, и непременно натолкнутся на большие проблемы и будут просто вынуждены усваивать новые правила общежития. Иначе – тюрьма или неизбежная маргинализация, и невозможность вырваться из этнических гетто.

2.5 Концепция «Леса и обезьян» Рикардо Хаусмана

Споры и жаркие дебаты, ведущиеся среди экспертного сообщества по поводу первопричины экономического успеха США, не прекращаются, какого-либо консенсуса не наблюдается и, судя по всему, и не предвидится. Есть и такие ученые, которые подвергают большому сомнению все известные теории об экономическом росте, утверждая, что никто толком так и представил убедительных доказательств, почему некоторые страны – богатые, а другие – бедные.

Один из таких ученых – профессор Гарвардской школы госуправления Рикардо Хаусман, который, кстати, и ведет своей звездный класс под близким названием – «Почему страны бедные, неравные и волатильные» (Why some countries are poor, volatile and uneven?). Оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что это был, безусловно, один из самых полезных классов, который я взял в Кеннеди школе. Хаусманский класс дал многое с точки зрения получения новых и систематизации моих прежних знаний о теории экономического развития. Целый семестр мы подробно обсуждали и тестировали факторы развития, применяя разные кейсы из мировой практики.

Хаусманский подход, безусловно, небесспорный, но дающий огромную пищу для размышлений касательно теории экономического развития стран мира и США, в частности. Думаю, что его идеи представляют большой практический интерес не только с точки зрения понимания природы успеха Соединенных Штатов, но и осмысления путей устойчивого развития для Казахстана.

Гарвардский профессор не видит линейной взаимосвязи между такими факторами, как образование, география, институты, и экономическим ростом! Он размышляет примерно таким образом: если образование является достаточным фактором для экономического роста, то тогда просто путем повышения уровня образования в бедных и развивающихся странах можно было бы постепенно прийти к уровню богатых стран. На начальном этапе такая корреляция действительно прослеживается, но через определенное время отдача инвестиций в образование начинает падать, постепенно сводя экономический эффект к минимуму.

Может быть, вся проблема – в некачественном образовании в развивающихся странах? Тогда, возможно, следует обучать специалистов в наиболее развитых странах, экспортировать знания и ноу-хау и, тем самым, поднимать экономики бедных и/или неразвитых стран! В принципе, такая надежда есть в долгосрочном плане, и миллионы студентов из бедных или технологически отсталых государств едут «грызть гранит науки» в страны Европы и США. К примеру, ежегодно в США для получения высшего образования, согласно статистическим данным, приезжает около 70 тысяч студентов из Саудовской Аравии и 40 тысяч – из Ирана!

В таком случае, можно ли вывести своеобразную формулу, что страны, импортируя через своих студентов знания, ноу-хау, полученные в США (назовем их совокупно X), получить те же дивиденды развития (назовем их Y), что и США? Многие исследователи пришли к выводу, что теоретически – можно, но нужна соответствующая инфраструктура – для того, чтобы полученные знания нашли свое

правильное применение, чтобы коэффициент полезного действия был соответствующе высоким. Иначе все знания, условно полученные в США, не сыграют особо значимой роли.

Фактор географического детерминизма, при всей его важности, в контексте доступа к морским коммуникациям, транспортировке грузов, или же в контексте подверженности тропическим болезням, все-таки не имеет или уже не имеет, в том числе в силу развития технологий, достаточных доказательств его влияния на экономическое развитие.

Невозможно, по мнению Хаусмана, говорить и о самодостаточной роли институтов для экономического роста. С одной стороны, существует эмпирическая зависимость, к примеру, коррупции и экономического развития. Данные экспертных исследований свидетельствуют о том, что рост уровня коррупции на 1% сокращает рост экономики на 0,72%. То есть можно сказать: чем богаче страна, тем ниже уровень коррупции, и, соответственно, наоборот.

По подсчетам экономиста МВФ Пауло Мауро, «...если бы России удалось снизить коррупцию всего лишь до уровня Греции или Чехии, инвестиции увеличились бы на 4%, а темпы роста ВВП – как минимум, на 0,5 процентного пункта в год. А если бы Россия достигла уровня скандинавских стран, то эффект был бы втрое больше» [76]. Если учитывать, что во многом положение с коррупцией, что в России, что в Казахстане, очень близкое (в прошлом году Россия в Индексе восприятия коррупции заняла место ниже Казахстана – 136-е), то эти данные можно смело проецировать и на нашу страну.

Однако, в то же время, как отмечает Хаусман, «...нет никакой обратной зависимости. Само по себе снижение коррупции не ведет к экономическому росту. Если взять данные Мирового банка по контролю за коррупцией, которые публикуются с 1996 года по 180 странам, то они покажут, что страны, которые менее коррумпированы для своего уровня развития, такие, как Гана, Коста Рика или Дания, не растут быстрее других стран. Или те страны, которые улучшили свои показатели по снижению коррупции, такие, как Замбия, Македония или Новая Зеландия, не стали расти быстрее. Как говорит Хаусман, если полицейский перестал брать взятки – это не означает, что он автоматически стал лучше ловить преступников» [77].

То есть само по себе улучшение институтов, по мнению профессора, не ведет к экономическому росту. Допустим, что в условной стране полностью победили коррупцию, создали привлекательный инвестиционный климат, устранили административные барьеры и т. д. Сможет ли государство через институты начать расти? По мнению Хаусмана, прямая зависимость не доказана.

Что является ключевым в теории Хаусмана – так это степень сложности экономики, а именно: диверсификация экспорта и уровень производительности труда!

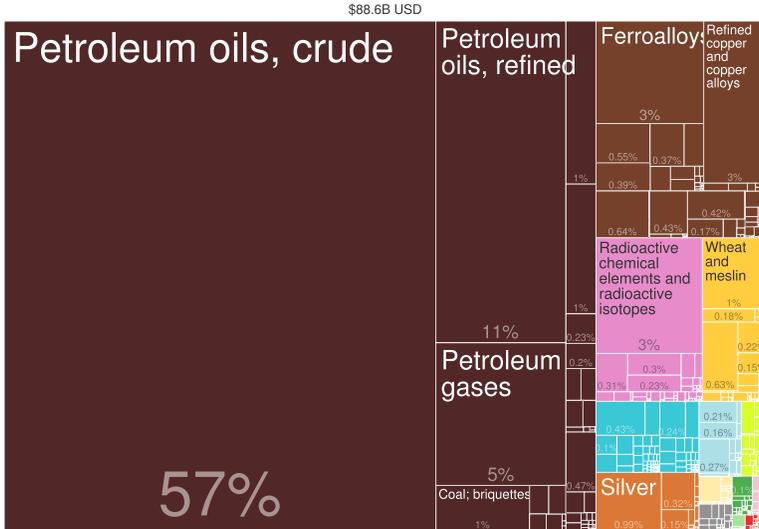
Насколько диверсифицирован экспорт, настолько диверсифицирована и вся экономика страны и, соответственно, выше ее экономический рост. Эта формула верна для всех стран мира. «...Даже странам с огромным внутренним рынком, таким, как Китай или Индия, сложно заместить экспортные доходы только повышением активности на внутреннем

рынке. Важный аргумент в пользу экспортно-ориентированных стратегий в современных условиях заключается в том, что при достигнутой высокой степени открытости национальных экономик происходит глобализация конкуренции, которая не делает различий между внутренним и внешним рынком. Поэтому в нынешних условиях любая программа импортозамещения должна быть нацелена на достижение национальными производителями высокого уровня конкуренции, позволяющего им работать не только на внутреннем рынке, но и на внешнем» [78].

Хаусман нашел достаточно интересное сравнение экономического развития стран всего мира за последние 200 лет, или с конца мальтузианского периода, о котором я упоминал ранее. Он сравнивает процесс экономического развития с игрой в «Эрудит» [79]: чем больше у страны, условно, букв (ресурсов, технологий), тем лучше ей удастся производить товары и услуги. Если у страны всего 3 буквы, то она может составить 20 слов, если пять букв, то – 120, и так далее. То есть, чем больше у страны букв, тем богаче ее возможности составить больше слов (экспортных продуктов) вообще, и больше длинных слов (сложных, высокотехнологичных экспортных продуктов).

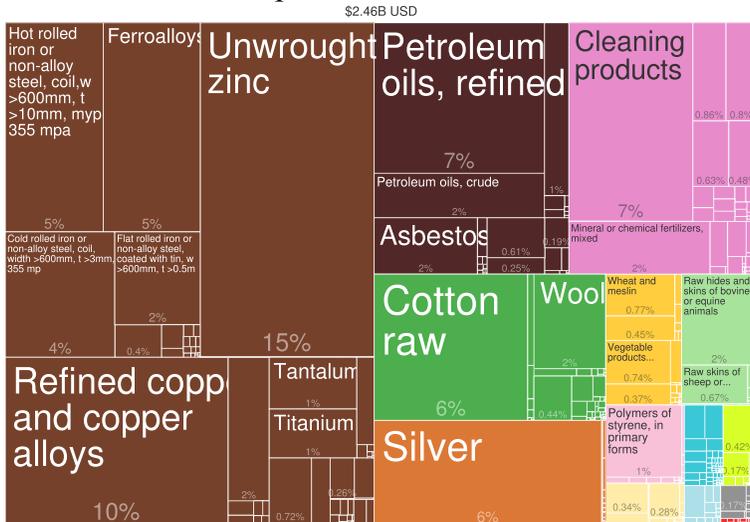
Отсюда возникает «ловушка неподвижности», как нарекает ее сам Хаусман, которая предполагает, что у стран с более богатыми возможностями больше стимулов их преумножить, и наоборот. Это объясняет, почему страны с очень ограниченными ресурсами (малым количеством букв), в редких случаях могут диверсифицировать свой экспорт. И наоборот, объясняет, почему и так высокодиверсифицированная

Для интереса можно посмотреть, что экспортировал за тот же год Казахстан.

Источник: <http://atlas.cid.harvard.edu/>

А вот так наш экспорт выглядел в 1995

Источник: <http://atlas.cid.harvard.edu/>

Не надо быть большим экспертом, чтобы понять, что мы – все еще на начальной стадии развития экспортного потенциала. Голландская болезнь не пощадила и нас, при всех усилиях государства. Кстати, Хаусман приводил Казахстан как пример того, как надо бороться с эффектом голландской болезни. Один из самых эффективных инструментов, который Казахстан использовал – это создание Стабилизационного фонда по опыту Норвегии, где Казахстан в «жирные годы», то есть когда цена на нефть была высокой, копил деньги, чтобы, с одной стороны, не позволить появиться в экономике лишней «вредной» наличности – с точки зрения сохранения конкурентоспособности несырьевых отраслей экономики, а, с другой, чтобы в проблемные годы иметь запас для покрытия дефицита бюджета.

Проблема «ресурсного проклятия» довлеет над всеми странами, имеющими в своих экспортных корзинах преимущественно сырьевые продукты. Нефть – это основа для казахстанской экономики, занимающая более 65% от всего нашего экспорта. Поэтому, когда цена на нефть падает, это серьезно бьет не только по нефтяному сектору, но и по всей нашей экономике. В то время как на США, которые, кстати, в общих объемах добывают куда больше нефти, чем Казахстан (по данным ОПЕК, за 2015 год США добывали ежедневно 9,430 миллиона баррелей, Казахстан – 1,321 миллиона), волатильность цены на нефть не оказывает существенного влияния. Нефтянка легко перевешивается многочисленными другими несырьевыми отраслями. Более того, падение цен на нефть в целом благоприятно сказывается на самочувствии всей экономики: страдает только небольшая относительно всей американской экономики нефтяная от-

расль, тогда как промышленность, транспорт, услуги и т. д. от низких цен на бензин только выигрывают.

Вот почему можно объяснить тот факт, что рекордное и драматичное падение цен на нефть, которое больно ударило по сырьевым экономикам в 2015–2016 годы, вообще не отразилось на экономике США. К примеру, тогда как «...ВВП Саудовской Аравии снизился на 12 миллиардов, с 652 в 2015 до 640 миллиардов долларов в 2016 году, ВВП США вырос с 18 триллионов 37 миллиардов в 2015 до 18 триллионов 569 миллиардов в 2016», то есть на более чем полтриллиона долларов США!» [80].

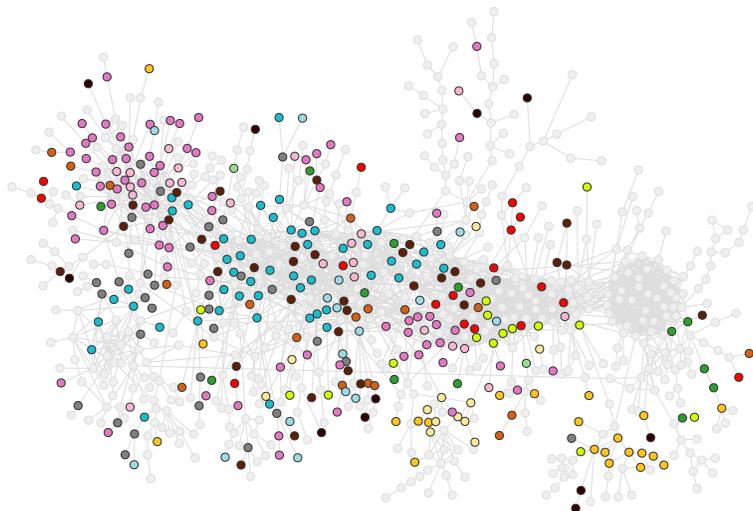
Однако надо понимать, что к подобной устойчивой, развитой и диверсифицированной экономике, разнообразию экспорта Соединённые Штаты шли долгие две сотни лет, и перепрыгнуть из состояния слов, условно, в 5 букв до 25 просто так не получится. Многие страны потратили десятилетия, чтобы пройти сложный путь диверсификации, но еще больше стран потерпели поражение на этом пути. По мнению Хаусмана, несмотря на специфику каждой из стран, многих объединяли общие провалы со стратегией экономической диверсификации. К примеру, очень большое количество государств, по аналогии с развитыми странами, сразу пытались заняться производством высокотехнологичных продуктов, и логично надрывались, потеряв и время, и деньги, а нередко – и политическую стабильность.

Детально изучив богатый мировой опыт успехов и провалов диверсификации, Рикардо Хаусман с коллегами (Дж. Хванг и Д. Родрик) разработали такую модель, как «пространство продукта» (product space). Пространство продукта дает графическое представление обо всей экспортируе-

мой продукции. Ниже представлены, для сравнения, пространства продукта для США и Казахстана.

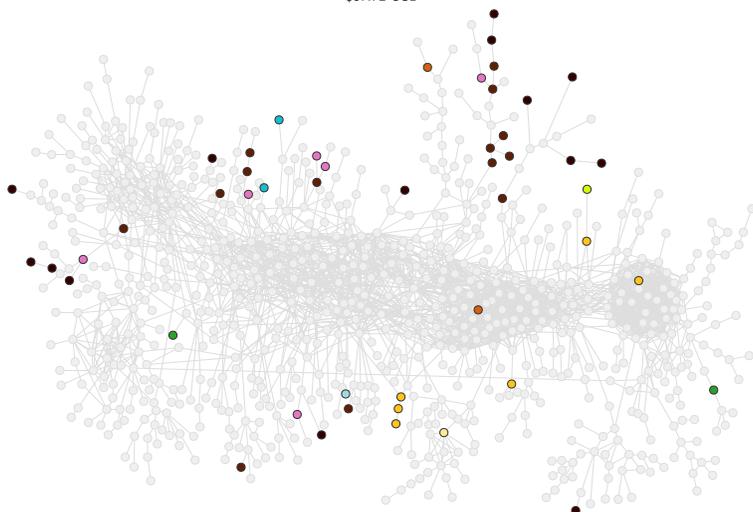
Пространство продукта для США

\$1.39T USD

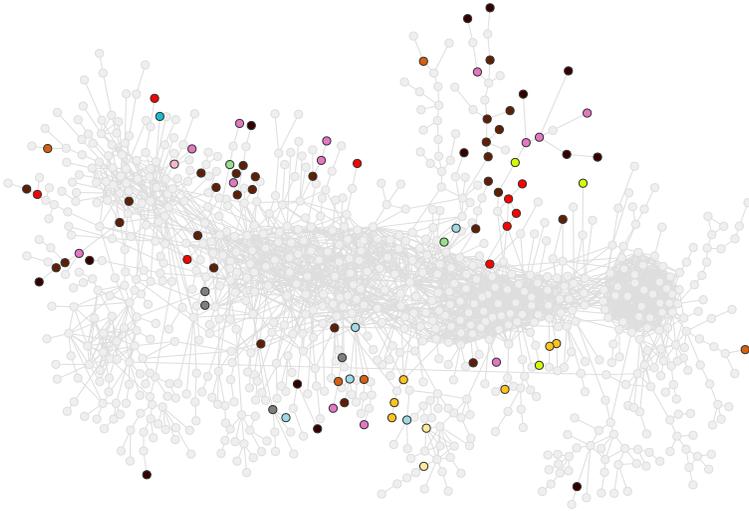
Пространство продукта для Казахстана

\$87.7B USD

А вот для сравнения пространство продукта для России.

\$515B USD

Кому в подробностях интересна эта модель, по-новому объясняющая экспортную специализацию и диверсификационные возможности стран мира, могут заглянуть в Атлас экономической сложности, изданный Гарвардским университетом вместе с МИТ (The Atlas of economic complexity).

Основная суть идеи «экономической сложности» заключается в том, что богатство и потенциал стран возникают из производительного знания, и страны мира имеют разные знания о том, как производить товары и услуги. Товары и услуги различаются между собой в объемах производительного знания, необходимого для их производства.

Если же говорить вкратце и доступным языком, то идею «экономической сложности» можно объяснить таким образом. Щедро усыпанная разноцветными кружками структура пространства продуктов США, особенно ее центр, означает,

что экономика страны высоко диверсифицирована и экспортирует широкий круг высокотехнологичных продуктов. Кружки означают экспортные товары, где их размер отражает объем мировой торговли этим товаром, цвет – отрасль, к которой относится производство товара, а соединяющие кружки линии – расстояния между товарами. Высокая плотность кружков в центре структуры продуктов США означает концентрацию технологически наиболее сложных товаров, в то время как товары низкого технологического уровня, прежде всего, сырье, располагаются на периферии структуры. В Казахстане и в России, которые очень схожи друг с другом по корзине экспорта, центр полностью пуст, в то время как периферия в некоторых местах заполнена кружочками, означающими, что Казахстан и Россия специализируются преимущественно на экспорте продуктов, в основном, сырьевого значения, таких, как нефть, металлы, пшеница и пр.

Эта модель говорит и о том, какими возможностями обладает страна для перехода на новую экспортную продукцию и повышения экономической диверсификации. Рикардо Хаусман с коллегами объясняет эти возможности с помощью концепта «Леса и обезьян». Согласно этому концепту, пространство продуктов можно сравнить с лесом, а «обезьяны» – это возможности страны в плане перехода на новую продукцию, и понятно, чем чаще будут расти деревья в лесу, тем легче «обезьянам» прыгать с дерева на дерево. Редкий лес означает, что страна имеет низкий уровень знаний о том, как производить товары и услуги и, скорее всего, специализируется на производстве примитивных товаров, таких, как

нефть, лес, хлопок, или чуть более высокий уровень – производство текстиля из хлопка.

Производство таких высокотехнологичных товаров, как медицинское или космическое оборудование, требует большого коллективного производительного знания. Согласно концепту «Леса и обезьян», такая страна имеет густой лес, означающий высокий потенциал производства продуктов любого уровня сложности – от примитивных до сверхсложных. Соединённые Штаты – отличный пример такой экономики: страна производит как примитивные продукты, такие, как нефть и газ, так и высокотехнологичные.

Теория экономической сложности также означает, что страна, которая преимущественно сосредоточена на экспорте сырой нефти, обладает теоретическими возможностями начать производить переработанную нефть, потом перейти к производству товаров из нефти (бензин, пластмасса и т. д.), и далее развивать химическую промышленность и т. д. Но, специализируясь на экспорте нефти, практически невозможно сразу перейти к производству смартфонов. Обезьяны не могут прыгнуть на длинное расстояние – для этого надо сажать деревья, другими словами, развивать производство от простого к сложному. Такой путь успешно прошла Финляндия, начиная с экспорта древесины, потом – машин для обработки древесины, и так, «сажая все новые деревья», через некоторое время перешла на высокотехнологичную продукцию в телекоммуникационной, IT, электротехнической сферах (самый известный бренд – Nokia).

С другой стороны, вполне вероятно, что для такой страны, как США, с уже развитой автомобильной промышлен-

ностью очень легко было перейти к производству любого вида продукции – в медицине, космосе, авиастроении и т. д.

Конечно, любые стройные и правильные теории практически трудновыполнимы, и Казахстану придется пройти свой трудный путь посадки «леса» экспортных возможностей. Сегодня мы – в самом начале пути. К примеру, согласно данным ежегодного отчета о глобальной конкурентоспособности, «...Казахстан из 138 стран занял 53-е место. Вместе с тем, по такому показателю, как интенсивность местной конкуренции, мы находимся на 106-м месте в мире, по количеству поставщиков на внутреннем рынке – на 97-м. Или взять такой показатель, как развитость кластеров (географическая концентрация фирм, поставщиков и производителей) – 119-е место в мире» [81].

Еще один момент, на который особо указывает Рикардо Хаусман – это демография. Здесь я намеренно отойду от нашей американской темы.

Известно, что в демографической истории любого государства случаются периоды так называемых «демографических окон», когда в общей структуре населения количество людей, находящихся на иждивении людей молодого поколения (до 15 лет) и пожилого (старше 65 лет) намного меньше трудоспособного. ООН говорит о «демографическом окне» при следующих пропорциях: менее 30% молодых (до 15 лет) и не более 15% пожилых.

«Демографическое окно возможностей» – исключительно благоприятный для экономики страны период, обычно кратковременный, от 10 до 20 лет. Не надо быть большим экономистом, чтобы понимать, что, чем меньше иждивенцев

и больше работающих граждан, тем лучше для экономики страны. Но практически мало какое из государств пользуется возможностями «демографического окна» полноценно.

Казахстан как раз и находится в таком периоде высоких возможностей «демографического окна». Этот период, начавшийся приблизительно в 1995 году, продлится до 2025 года. У нас на 2015 год доля населения до 15 лет составляла 26,72%, а старше 65 лет – 6,74%. Доля же трудоспособного населения составила 66,55%, и этот показатель во время «демографического окна» будет увеличиваться, так как все больше молодых людей будет входить в трудоспособный возраст» [82]. Однако после 2025 года ситуация начнет меняться в другую сторону: все меньше молодых людей будет входить на рынок труда (90-е годы, как многие помнят, были периодом резкого снижения рождаемости), и все больше людей будет входить в пенсионный возраст. То есть будет меньше работающих и больше иждивенцев и, соответственно, больше расходов на медицину, выплату пенсий, что, в конечном итоге, будет отражаться на экономическом росте.

Именно поэтому нам нужно не «проспать» это благоприятное время. По мнению экспертов, у Казахстана длительное время, по крайней мере, в XXI веке, не будет лучшей возможности улучшить инфраструктуру, пенсионную и образовательную системы, здравоохранение и т. д. Для нас критически важным будет качество образования новых трудовых ресурсов, которые войдут на рынок труда в Казахстане в предстоящий период. Более того, вхождение большого количества граждан Казахстана в трудоспособный возраст имеет и другую потенциально негативную сторону. Если

молодёжь не будет востребована на рынке труда, останется без внимания государства, то это может привести или к массовой эмиграции за границу, как это происходит в Таджикистане и Кыргызстане, или к мощным социальным потрясениям, как это уже произошло в Египте, Тунисе и других странах Ближнего Востока в ходе так называемой Арабской весны.

Деградация человеческого капитала, депрофессионализация приведут к невозможности стратегии экономической диверсификации. Упущение благоприятных демографических возможностей многократно усложнит развитие страны. Сегодня надо честно признать, пока мы умеем производить сложные продукты практически только в сырьевой сфере, но и это – достижение, которое нельзя потерять. Каждый экспортный продукт требует определенного набора возможностей, и если страна раскрыла сравнительное преимущество в этом продукте, то эта страна накопила специальные возможности по конкурентному производству данного продукта. От сложных продуктов в сырьевой сфере есть дорога сначала – к простым, а потом – и к сложным продуктам в сфере несырьевой, высокотехнологичной.

Как отмечает известный норвежский экономист Эрик Райнерт, автор нашумевшей в свое время книги «Как богатые страны стали богатыми... и почему бедные страны остаются бедными»: «...богатые страны стали таковыми, потому что развивали не ресурсную базу, а обрабатывающую промышленность. Последние пять столетий показали, что вчерашние аутсайдеры становились лидерами процветания только благодаря тому, что вмиг рушили старую сырьевую

парадигму и начинали с нуля. Раньше Сомали была богаче, чем многие другие страны. И была очень бедная Южная Корея. Теперь Корея феноменально растет – и не потому, что выращивала много риса, а потому, что там появилась индустриализация, труд стал более дорогим. Сомали же стала специализироваться на пиратстве. Эта страна практически сделала его официальным бизнесом. Или вот: Колумбия была одной из самых эффективных стран в Южной Америке, но сейчас там криминал и бедность» [83].

Однако Хаусман говорит, что сегодня, в условиях глобализации, менее развитые страны не должны производить товары от начала до конца, а могут участвовать в каком-либо отдельном этапе производства с теми ресурсами, которые для этого подходят. Участие в глобальных цепочках создания ценности, которое позволяет «войти в бизнес» тем, чьих ресурсов недостаточно для того, чтобы произвести что-то от начала и до конца. Такой способ требует, наоборот, открытой торговой политики и стимулирует развитие в разных областях – в образовании, научно-исследовательской сфере, инфраструктуре и так далее. Некоторые отвергают эту стратегию, говоря, что так страна просто служит сборщиком для других, но, как говорил один известный астроном, если вы хотите испечь пирог с нуля, вам придется изобретать Вселенную.

Даже такая высокодиверсифицированная и мощная экономика, как США, не может в одиночку создавать очень сложные продукты, такие, как, например, пассажирский самолет, который состоит из сотен тысяч составных элементов. К примеру, самолеты Боинг создаются десятками орга-

низаций по всему миру (кресла – из Италии, кухня и крылья – из Японии, шасси – из Южной Кореи, и т. д.) и все это в конечном итоге собирается в разных частях США (штатах Калифорния, Вашингтон и Миссури).

Впрочем, нередко создается впечатление, что экономические теории часто не поспевают за скоростью развития новых технологий и глобальной экономики в целом. Мир меняется кардинально и очень быстро. Нововведения на ходу меняют правила и формы бизнеса. К примеру, сегодня самой крупной таксомоторной кампанией в мире является UBER, которая не имеет ни одного собственного автомобиля! Или крупнейший мировой игрок в гостиничном бизнесе, компания Airbnb, не владеющая никакой недвижимостью! Экономический разрыв между странами, создающими новые технологии, новые бизнес-продукты и использующими инновационные подходы, и между странами-потребителями, обменивающими идеи на сырье, будет только увеличиваться.

2.6 Американская мечта, или что заставляет людей иммигрировать в США?

Меньше всего я хотел бы представить Соединённые Штаты Америки как некий райский уголок в этом беспокойном и нестабильном мире. Для этого есть мощный Голливуд, который лучше всех справляется с ролью главного идеолога Америки, ежегодно удачно производя сотни фильмов, рассказывающих об исключительной роли США и бравах американцев, спасающих этот бранный мир. Более того, два

года, проведенные в США, позволили мне, насколько это было возможно, понять тот непростой период, который переживает сегодня страна, огромные проблемы и вызовы, испытываемые американским обществом, стратегическую неопределенность многих важных сфер жизни американского государства. Сегодняшний расцвет расизма, провалы государства в миграционной политике, продолжающееся социальное расслоение, общественный водораздел по многим вопросам – это все реалии США. Этим и другим проблемам я посвятил весь следующий раздел книги.

Как иммиграция и туризм имеют между собой мало общего, так и реальность и благостная картинка из фильмов про США имеют очень небольшое сходство. По крайней мере, в мире сегодня найдется минимум с десятков стран, более безопасных и комфортных для проживания, чем США. К примеру, в списке 10 лучших городов для проживания нет американских, но есть города Австралии, Новой Зеландии, Европы и Канады.

Тем не менее, есть что-то, присущее исключительно американскому обществу, которое и притягивает миллионы людей со всего мира. Каждый год миллионы людей обдумывают и реализуют свои планы по переезду в США, и их, кстати, гораздо больше, чем желающих попасть в ту же Австралию, Новой Зеландию, страны Европы и Канаду. Причины и мотивы так считать и находить пути, позволяющие навсегда осесть в США, у всех разные. Для кого-то Америка – это единственное спасение и надежное укрытие от политического преследования в своей стране, кто-то надеется уйти от правосудия, затерявшись на американских просторах, а кто-

то просто встречает здесь любовь своей жизни. Подавляющее же большинство причин имеют вполне земные корни – жить лучше и безопаснее.

Для себя я выделил четыре основные причины, объясняющие, почему люди выбирают Америку.

Первая причина – приоритет гражданина перед государством

Многим кажется, что жизнь в США отличается от жизни в тех же постсоветских странах богатством, разнообразием продуктов и вещей в магазинах, хорошими домами и т. д. Отчасти это так, но, на мой взгляд, это – не самое главное отличие. У нас за время независимости друг от друга, после советского однообразия вещей и продуктов, в магазинах имеется огромный выбор, сравнимый с США, а иногда его и превосходящий. По крайней мере, наши овощи и фрукты, на мой взгляд, гораздо лучше и качественнее, люди одеваются с куда более изысканным вкусом, чем американцы, да и дороги стали строить неплохие, хотя бы в больших городах.

Мое основное ощущение от проведенных двух лет в США – эта страна построена для людей и человек, а не государство, является главной ценностью с вытекающими отсюда последствиями. Американское государство, общество сконструировано и отточено многими десятилетиями и столетиями таким образом, чтобы жизнь каждого гражданина была максимально комфортной, безопасной и независимой от государственной машины. Прагматизм и практичность просматриваются во всех аспектах жизнедеятельности. Конечно, как я это уже отмечал, к подобному состоянию аме-

риканцы шли долгим и трудным путем, и это – результат, выстраданный миллионами судебных американских граждан. Но самое важное было – изначально заложить верный и правильный путь. Как сказал Гете: «Кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнется как следует».

Логично, что у американцев, обладающих широкими гражданскими правами, высоко развито чувство собственного достоинства, независимо от того, какую профессию они имеют и какое социальное положение занимают. Это, кстати, часто приводит к смешным ситуациям, когда граждане из стран с другими ценностями не могут понять, почему официанты или другой персонал из обслуживающего сервиса не заискивает и не трепещет перед ними, людьми «первого сорта».

Американцы, как правило, не испытывают привычного для нас пиетета к высоким чинам, силовым ведомствам и вообще сильным мира сего и не морщатся от профессий «низкого происхождения», вроде уличных дворников или горничных отелей. Любая профессия почитаема и приносит социальную пользу. Это и является основой, фундаментом для равноправных, уважительных отношений в американском обществе и, соответственно, общества к государству, которое стоит на страже этих норм. Сильный гражданин = сильное общество = сильное государство – такова, на мой взгляд, формула общественно-политических отношений в США. Логична и притягательность такого образа жизни, где человек ощущает себя основой государства, а не всего лишь винтиком в государственной машине.

Вторая причина, которая является прямым следствием первой – приоритет личной безопасности

Начну с того, что, когда у нас говорят о безопасности, то почему-то имеется в виду лишь одна из форм безопасности – это безопасность государства. То есть под безопасностью мы понимаем, что наша страна надежно защищена от врагов снаружи и внутри. Этим мы концептуально отличаемся от многих развитых стран мира, в том числе и от США, где под понятием безопасности подразумевается, прежде всего, безопасность гражданина, общества, и лишь потом – государства.

С одной стороны, США – далеко не самая безопасная страна в мире, и поэтому законы США – одни из самых суровых в мире. Выражение «закон суров, но он закон» хорошо отражает американское общество. За любую провинность – штрафы и тюремные сроки. Причем, за такие провинности, на которые в других странах даже внимания обращать не будут. Например, за неоднократное попадание в полицию за езду в пьяном виде грозит реальный длительный тюремный срок.

Наверное, в стране, созданной иммигрантами, среди которых было немало авантюристов, разбойников и прочих «джентльменов удачи», по-другому было и нельзя. Только строгие законы и неукоснительное их соблюдение помогли сохранить единство страны, нации и защитить добропорядочных обывателей и их веру в новое государство. Здесь, я думаю, будет уместно процитировать даже Дональда Трампа, который сказал, что «если вы мертвы, ваши гражданские свободы ничего не значат». Вот почему вопросу общественной безопасности и порядку отцы-основатели США уделяли первостепенное внимание. «...Они понимали, если люди опасаются за свое физи-

ческое существование, они не могут наслаждаться радостями жизни. Не могут наслаждаться религиозной свободой, экономической свободой, свободой слова» [84].

Суровые законы, неукоснительное их применение, невзирая на ранги и статусные позиции, эффективная и справедливая судебная система, прививание с малых лет уважения к порядку и закону и дали в совокупности развитое правовое общество. Создаваемая Голливудом картина криминальной Америки, с перестрелками, мафиями и уличным беспределом, на самом деле имеет мало общего с реальной жизнью. Да, в каждом большом городе США есть районы, в которые чужаку лучше не соваться, и этнические мафиозные структуры – совсем не режиссёрский вымысел, да и высоко безопасная жизнь в Кэмбридже не идет ни в какое сравнение с другими частями Бостона. Не говоря уже о том, что и сам Бостон является относительно безопасным городом и рядом не стоит с теми же Детройтом, Чикаго или Балтимором. Но в целом американцы в своем большинстве уважительно и крайне щепетильно относятся, как к обязанности, к соблюдению закона, и отлично знают свои права.

Отсюда вытекает второй закон – там, где нельзя, значит нельзя, но если не запрещено, то можно. У нас часто с этим наоборот, если нельзя, но очень хочется, то некоторым можно. Например, нельзя строить в заповедных зонах коттеджи, но если очень хочется и есть деньги, то некоторым можно. В США это невозможно. Если это все-таки случается, то это очень скоро становится общественным достоянием и будет стоить карьеры любому чиновнику или богателю. Поэтому никто и не пытается совершать противоправные действия.

Осознание того, что закон может защитить тебя в любых жизненных ситуациях, сильно меняет человека, его восприятие окружающей действительности. Человек становится более уверенным в завтрашнем дне, психологически уравновешенным, менее агрессивным. Кстати, в отношении человеческой агрессии было проведено немало исследований, доказавших, что, как правило, чем беднее государство и чем больше беззакония, тем выше уровень агрессии в обществе. Далеко за примерами ходить не надо, в странах постсоветского пространства уровень агрессии населения зашкаливает не потому, что люди здесь по природе, генетически чем-то сильно отличаются от жителей развитых стран, он коррелирует с уровнями правого нигилизма и высокого недоверия друг к другу, плотно укоренившимися в нашем сознании.

Поэтому, сравнивая нас и их, мы начинаем понимать, почему у нас так важно иметь много знакомых, друзей и родственников. Не только из-за нашего гостеприимства и коллективистского мышления, но, в первую очередь, на мой взгляд, из-за необходимости выживать в условиях неуверенности в собственной правовой защищенности со стороны государства. Тень советского прошлого, где права человека были пустой декларацией, где закон всегда был на стороне государства, а не общества и человека, еще долго будет висеть над нами.

Как следствие, в правовых обществах, таких, как американское, люди живут по закону, по правилам, потому что знают, что это – в их жизненных интересах. И наоборот, постсоветские люди не боятся хитрить, обходить законы, нарушать правила, потому что знают, что закон почти всегда

на стороне не того, кто прав, а сильнейшего. Поэтому в таких правовых джунглях выживает сильнейший, хитрейший и наглеший, с минимальными жизненными принципами.

Цифры тоже говорят за себя. В докладе Transparency International «Народ и коррупция: Европа и Центральная Азия» отмечается, что «29% казахстанцев дают взятки за получение базовых государственных услуг. На всем постсоветском пространстве дела не лучше: в России этот показатель составляет 34%, в Кыргызстане и Азербайджане – 38%, в Таджикистане – 50%, в Узбекистане – 18%, в Армении – 24%. А там, где решили перевернуть сознание населения через реальную правовую реформу цифры совсем другие. Например, в Грузии, где бывшим президентом страны Михаилом Саакашвили была проведена масштабная реформа правоохранительных органов, где люди почувствовали, что закон работает, нарушителей оказалось 7%» [85].

Третья причина – это гражданские права

Очевидно, что у всех – разные символы этой толерантности, у кого-то это отношение к сексуальным меньшинствам, инвалидам, национальным меньшинствам и так далее. На вкус и цвет здесь товарищей точно нет.

Лично для меня таким ярким символом толерантности государства и общества является отношение к такой религиозной общине, как амиши (Amish), одному из ответвлений в протестантстве. Именно общине, на мой взгляд, а не секте, как это часто указывают в различных источниках. Возможно, семантически здесь нет противоречий между сектой и общиной, но для меня это принципиально, ибо последнее

очень часто предполагает агрессивное распространение, жесткую иерархию, монетизацию религии, где вся паства эксплуатируется ради своих вождей.

В общине амишей все по-другому. Эти необычные люди, живущие в одной из самых технологически развитых стран мира, все еще умудряются жить по предписанным старым правилам, одним из которых является полный отказ от благ современной цивилизации. Амиши предпочитают лошадь автомобилю и трактору, практически не пользуются электричеством, телефоном и другими достижениями цивилизации. «...Сейчас в США живет примерно 250 тысяч амишей. Селятся они, как правило, компактно. Их большие общины есть в штатах среднего запада (Индиане, Канзасе), живут они в и Мэриленде, и в других штатах. Самой большой (82 тысячи человек) по-прежнему остается община амишей в Пенсильвании» [86].

Амиши, как правило, не принимают никакого участия в общественной жизни Америки: они не голосуют на выборах, не могут быть госслужащими или служить в армии, им вообще мало дела до актуальных событий страны. Не ошибусь, если скажу, что они, возможно, до сих не знают, кто стал президентом США. Они, по словам Бернарда Леви, «плохие граждане и патриоты своей страны». Для амишей «...современные США – это не страна, а некая абстракция, фальшивая идея» [87]. Они живут в своем мирке, замкнутом и игнорирующем внешний мир. Вряд ли они настроены антигосударственно, скорее всего, у них другие идеалы о том, какими должны быть США, – времен отцов-основателей и прошлых, забытых традиций!

И вот на таком достаточно недружелюбном фоне со стороны амишей к государству, что же предпринимают власти и общество в целом по отношению к ним? Ровным счетом ничего! Никаких репрессий и гонений. Государство им говорит: пока вы не нарушаете законы США, вы можете жить, как хотите. Такой принцип толерантности и невмешательства распространяется на всех граждан США, независимо от их религиозной, расовой и политической принадлежности. А надо сказать, что амиши – это далеко не самый радикальный вариант, ведь есть, к примеру, мормоны, которые практически чуть ли не создали свое государство в штате Юта (Utah) и активно практикуют многоженство.

Вообще, касаясь темы амишей и мормонов, кто-то может возразить, что США изначально и были тем сокровенным местом, где нашли себе безопасное пристанище гонимые в странах Европы религиозные общины. Возможно, этим, в какой-то мере, и объясняется тот факт, что Соединенные Штаты остаются высокорелигиозной страной. В этом плане США заметно выделяются среди развитых и богатых демократических стран. США «выбиваются» из стройной теории взаимосвязи между уровнем религиозности, с одной стороны, и уровнем благосостояния и безопасности – с другой, поскольку давно отмечена закономерность: «Чем выше безопасность и благосостояние в стране, тем ниже религиозность общества».

Стремительный экономический рост в странах Европы после Второй мировой войны отмечался таким же резким снижением уровня религиозности европейских обществ. Рост же благосостояния американцев мало сказался на их

религиозности. Чем это объяснить – затруднились ответить даже сами исследователи этого феномена (к примеру, профессор Гарварда – Пипа Норрис).

Отношение к пестрой палитре религий, на мой взгляд, и характеризует границы свободы гражданина, право на индивидуализм и возможность быть собой в американском обществе, не переступая границ морали и права. Не случайно в перечне главных поправок в Конституцию США первой поправкой стало именно право на свободу вероисповедания.

Впрочем, борьба за главные ценности американского общества – право на гражданскую и религиозную свободу – ведется и по сей день. Этот процесс, я думаю, никогда и не остановится, ибо постоянно меняется и само общество. Расовые и религиозные изменения, происходящие сегодня в американском обществе, постоянно тестируют его на прочность ценностей. Я думаю, таким мощным экзаменом для американцев стали события 11 сентября, и они достойно выдержали этот удар по их ценностям. В этот день достаточно большая часть американского общества – мусульмане, в одночасье превратились, с подачи СМИ и политиков, в главных врагов американского народа, и страна впервые за многие десятилетия стояла на грани мощных межрелигиозных и расовых столкновений. Этого не произошло – во многом, благодаря зрелости американского общества, сумевшего разглядеть за «тремя соснами терроризма» целый лес мирных мусульман, граждан своей страны.

И, наконец, четвертая, возможно, главная для многих причина – это открывающиеся возможности личной са-

морализации

С легкой руки писателя Джеймса Траслоу Адамса, в 1931 году выражение «Американская мечта» (American Dream) стало невероятно популярным во всем мире. В эпилоге своей книги «Эпопея Америки» ее автор писал: «...Американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, что он заслуживает».

Каждый житель США, как и все те, кто только вступает на новую землю, вкладывают свой собственный, уникальный смысл в мечту о прекрасном будущем. «Каждый сам кузнец своего счастья» – девиз и главный принцип США. Дух предпринимательства и безграничных возможностей реализации своих самых безумных идей – это всё США. Думаю, сегодня в мире нет страны, где есть большие возможности для самореализации, чем в Соединенных Штатах.

Один маленький личный пример. Нашими соседями в университетском кампусе была семья из Испании, где супруги, оба – высококлассные специалисты, не смогли найти себе применения на родине – супруга, Лола, специалист в области искусства XIX века, а супруг, Карлос, – автор первого в Испании древнеегипетского словаря (испанский – иероглифы Среднего Царства 22–18 века до нашей эры). По их словам, путешествуя по всей Европе, они смогли найти полное применение своих талантов только в США. По подсчетам Карлоса, США постепенно, привлекая ученых-египтологов со всего мира, создавая свою школу египтологии и уникальные базы данных, стали передовым государством в мире по изучению древнего Египта, с десятками фа-

культетов и центров по всей стране.

США, как страна, созданная иммигрантами, страна с безграничными возможностями, где все зависит от твоих способностей и трудолюбия, является главным магнитом планеты, притягивающим миллионы талантливых людей со всего света. США и создавались как страна, привлекавшая людей лучшими условиями для реализации своего потенциала. История США – это, прежде всего, истории успеха миллионов иммигрантов со всего мира.

Такие иммигранты, как Альберт Эйнштейн, «отец» водородной бомбы – Эдвард Теллер, один из создателей теории игр – Джон фон Нейман, один из разработчиков теории цепной ядерной реакции – Лео Сциллард, и многие другие стояли у истоков создания целых школ по физике, математике, экономике и других наук в США и фактически создали мощный фундамент для будущих инновационных открытий и технологических новинок.

Среди «мозгов», которые изменили не только США, но и мир, можно назвать, например, эмигранта из Австрии Юджина Клейнера, который *de facto* создал всемирно известную Кремниевую долину – центр высокотехнологичных разработок. При участии Клейнера стартовали такие компании, как Netscape, Sun Microsystems, Amazon, Lotus и другие. Бежавший в 1956 году из Венгрии Эндрю Гроув создал и вывел на ведущие позиции в мире компанию Intel.

США сегодня, по сути, гигантская «штаб-квартира» всего, что олицетворяет современный мир бизнеса и передовых технологий. «...По данным Форбс за 2016 год, в списке 2000 крупнейших публичных компаний мира 587 компаний при-

надлежат США, на втором месте, с большим отрывом, Япония – 219 и Китай – 200. Доминирование в мире связано еще и с тем, что основные рейтинги определяют американские рейтинговые агентства, страховки, в основном, осуществляют компании из США, юридические компании из этой страны ведут сделки, здесь же обеспечивают услуги интернета и социальных сетей, разрабатывают программное обеспечение, создают стартапы. В США находятся крупнейшие инвестиционные банки» [88].

Впрочем, люди едут в США за своей американской мечтой не только из-за желания разбогатеть. Миллионы людей из разных стран мира, в том числе и из богатых стран Европы и Азии, видят за океаном те возможности, которых на родине просто нет. Кого-то манят миллионы Уолл-стрит или огни Голливуда, а кого-то – богатейшие архивы американских университетов и научных центров. Американская мечта у всех разная, но всех объединяет одна страна, которая дает уникальные шансы осуществить свои мечты.

Глава 3

Что сегодня волнует американцев больше всего?

Британский классик Чарльз Диккенс однажды произнес гениальную фразу об американцах и их отношении к Америке, которая, впрочем, справедлива и для многих других народов и стран. Он сказал: «Если послушать жителей США, то их страна всегда находится в депрессивном состоянии, стагнации, вызывающем тревогу кризисе и по-другому никогда и не было». Фраза, произнесенная английским классиком, вероятно, после его путешествия в Америку в 40-х годах XIX века, на мой взгляд, актуальна и по сей день.

Достаточно критическое отношение к собственной стране у американцев каким-то удивительным и вполне гармоничным образом сочетается с высочайшим патриотизмом и твердым убеждением, что США – это лучшая страна на планете. Любой, кто попытается это опровергнуть, может быть, по крайней мере, непонятым, а по большому счету – это самая прямая и короткая дорога получить в глазах американцев характеристику невоспитанного и неприятного человека.

Другая характерная черта американцев, которая вызывает только уважение – это неписаное табу на критику своей

страны перед иностранцами. Многие жители постсоветских стран забывают эту прописную истину, думая, что самобичевание каким-то образом поднимает их личный статус в глазах иностранцев. Все как раз наоборот, человек, критикующий свою страну налево и направо, как правило, не вызывает никакого уважения и понимания. Поэтому мой совет: не критикуйте понапрасну ни свою страну, ни страну, в которую вы направляетесь, даже если на то, как вам кажется, есть веские причины.

По моим наблюдениям, многие иностранцы, приезжающие в Соединенные Штаты на длительный период или навсегда, как правило, не имеют ясного представления о том, куда они приехали. Подобного рода «новоприбывших» можно разделить на разные категории. Среди них есть и те, кто изначально враждебно или скептически, как это ни парадоксально, настроен по отношению к стране пребывания. Таких я встречал немало, и был очень удивлён подобным двуличием, когда человек одной рукой брал все блага, которая предоставляла ему страна, а другой – показывал этой стране и всему народу средний палец руки. Главный их меседж был таков – как все здесь, в США, плохо, и как хорошо у них на родине.

Однако главная категория, и она же самая многочисленная – это люди, как я их называю, с «розовыми очками». Это – такая категория иммигрантов, чьи представления о США сформированы на основе романов и исторических рассказов, а главное – красочных приключенческих и фантастических фильмов Голливуда об Америке, где в конце каждого фильма происходит счастливый, извините за каламбур, хэп-

пи-энд. Их восприятие США – исключительно положительное, по-детски восторженное и наивное.

Американцы, зная это, даже разработали целую систему, как реагировать на этот культурный шок. Например, иностранным студентам сразу после начала занятий презентуют отдельную лекцию, с детальным расписанием всех фаз адаптации новоиспечённого студента в США и действенными методами реагирования. Многолетние исследования показали, что таких фаз адаптации к жизни в США – несколько, и каждая требует своего «психологического лечения». Так, например, после первого «медового месяца» знакомства с Америкой эмоции студентов от восторженной быстро переходят в фазу «не все так уж и классно в этой хваленой Америке, и что я здесь вообще делаю?». «Внезапно» чужеземец приходит к осознанию, что реальная действительность в США далека от голливудских фильмов, она более жесткая, местами – неприятная и неприветливая. Где-то через полгода жизнь опять входит в свою колею, культурный шок проходит, налаживается английский, жизнь приобретает разные оттенки, не только черные и белые.

Полностью адаптировавшись к жизни на американской земле, многие начинают вольно или невольно американизироваться, что дает возможность прочувствовать, чем живет и дышит американский житель, что его волнует, что радует, что он хотел бы поменять?

На первый взгляд, попадая в плен вечно тревожной новостной ленты, можно впасть в «очарование» проблем международной жизни и подумать, что их, как и бывших советских людей, серьезно беспокоят Гондурас и международное

положение. Пожив достаточное время в США, понимаешь, что это – далеко не так. Среднестатистический американец в этом плане сильно отличается от среднестатистического казахстанца или россиянина. Без всякой иронии скажу, что мы больше знаем мир, больше интересуемся тем, что происходит в других странах, у нас действительно шире географический кругозор. И без всякой критики скажу, что американцу в принципе глубоко безразлично, что творится в дальних и ближних странах. Да, их неподдельно тревожат и международный терроризм, и наркотрафик, и вирус Эбола, и транснациональная коррупция, но только с учетом того, как это может коснуться страны и их лично.

Обычного американца, с его жизненным маршрутом дом-работа-дом, с выездами в уик-энд на природу и семейными праздниками, тревожат самые что ни на есть классические проблемы: здоровье, деньги, работа, дети, безопасность. Эти жизненные вопросы, волнующие практически всех на планете, как это ни банально, так же заботят и всех рядовых американцев, от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и от Чикаго до Майями. Базовые ценности – неизменны и универсальны. Другое дело, что в каждой стране, а тем более с учетом размеров и географии США, возникают свои нюансы, и тем эти страны и интересны. К примеру, такая известная организация, как ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), объединяющая самые развитые экономики мира, находит следующие важные отличия США от других развитых стран мира.

Первое. Соединенные Штаты имеют самый высокий уровень бедности среди членов организации – 17%. К примеру,

Дания имеет 6%.

Второе. Население США имеет самый высокий уровень ожирения среди развитых экономик, достигнув 36%. К примеру, Япония имеет самый низкий уровень – 3%.

Третье. Продолжительность жизни в США отстает от ведущих стран организации, по крайней мере, на 4 года – 79,3 года в США по сравнению с 83,7 годами в Японии.

Четвертое. Среди стран ОЭСР с самыми высокими доходами США являются самой неравной страной в распределении богатства, с текущим коэффициентом Джини в 0,41.

Пятое. США являются страной с самым высоким тюремным населением среди развитых стран мира. На 100 тысяч населения США приходится 716 заключенных, в то время как в скандинавских странах этот показатель достигает всего от 65 до 75 заключенных» [89].

Список можно продолжать и дальше. Сегодня США – страна, где общество разделено глубокими линиями не только по имущественному, но и по расовому, религиозному и идеологическому признакам. Победа Трампа способствовала тому, что расизм становится чуть ли не нормой в еще вчера казавшейся навсегда победившей это зло Америке. Не случайно все чаще говорят о «разделенной Америке».

В этой главе я посчитал нужным остановиться на тех проблемах, которые, на мой взгляд, наиболее волнуют рядовых американцев. Хотя очевидно, что этот круг проблем намного шире: у разных групп американского социума они разные, но есть и такие, которые тревожат исключительно всех, даже, наверное, финансовых воротил с Уолл-стрита. И проблема эта – безработица.

3.1 Безработица: у страха глаза велики?

Американцы называют проблему безработицы как самую главную в США – 24%, по опросу, проведенному Институтом Гэллапа [90], где она стоит даже выше, чем такие проблемы, как доверие к правительству, расовые отношения и нелегальная иммиграция.

Со стороны это выглядит достаточно неоднозначно. Во-первых, сегодня экономика США, после финансового кризиса 2008 года, вновь на подъеме. Низкие цены на нефть в целом отразились на экономической ситуации в США позитивно, поскольку способствовали дальнейшему развитию транспортной, сервисной, строительной и других отраслей. По данным бюро США по учету трудовых ресурсов, «...уровень безработицы составил в 2016 году всего около 4,9%, или около 7,8 миллионов американцев трудоспособного возраста. Это намного меньше среднестатистического уровня безработицы в США в 5,82% с периода 1948 до 2016 годов, с рекордным пиком безработицы в 10,8% в 1982 году и самым низким уровнем в 2,5% в 1953 году. США определяют «естественный» уровень безработицы, определяющий экономическую целесообразность использования трудовых ресурсов, в 5%, поэтому нынешние 4,9% вполне в эту норму укладываются» [91].

Во-вторых, американский рынок труда – один из самых больших и диверсифицированных во всем мире. Если вы захотите найти специалиста по самым необычным вопросам, то в США вы его непременно найдёте. Начиная от специ-

алистов по редким инфекциям до знатоков давно исчезнувших языков мира. Невероятно развитый и емкий рынок труда притягивает миллионы высококвалифицированных и редких специалистов со всей планеты.

В-третьих, создание новых рабочих мест всегда является наивысшим приоритетом любого президента США. На эти цели каждая администрация выделяет гигантские средства и, в итоге, каждый месяц в США появляются десятки тысяч новых рабочих мест. Например, «...в течение 2016 года в стране ежемесячно появлялось в среднем 180 тысяч новых рабочих мест, а в 2015 – в среднем 229 тысяч. Избранный президент Трамп также обещает создать 25 миллионов новых рабочих мест за 8 лет президентства. Для этого ему будет необходимо создавать в среднем около 260 тысяч новых рабочих мест ежемесячно в течение 8 лет, что очень трудно, но достижимо» [92].

Однако специалисты по рынку труда считают, что проблема безработицы в США – более серьезная, чем это кажется на первый взгляд. Впечатляющие цифры по борьбе с безработицей – это все-таки, опять же, как со средней температурой по больнице. За красивыми цифрами остается не совсем непонятным – сколько нужно создавать рабочих мест ежемесячно для достижения полной занятости? Кроме того, необходимо знать: сколько человек в данный момент работают на полный и неполный рабочий день, каков расовый, возрастной и гендерный состав безработицы, и сколько населения сидит на социальных пособиях (welfare)?

Некоторые эксперты всерьез говорят о том, что красивая цифра безработицы в 4,9% может быть обманчивой,

«...поскольку не учитывает людей, которые уже не ищут работу. Более точный показатель числа работающих американцев – коэффициент участия в рабочей силе: процент всех работающих взрослых граждан трудоспособного возраста. Этот показатель достиг максимума в 2000 г., когда превышал 67%, но с тех пор упал до 63%. Особенно явным спад был среди мужчин. В 1954 г. на рынке труда присутствовали 98% американских мужчин в расцвете сил (в возрасте от 25 до 54 лет); сегодня эта цифра упала до 88%» [93].

Эксперты говорят, что для достижения цели полной занятости в США необходимо создавать 300 тысяч новых рабочих мест ежемесячно. То есть даже Трамп с его амбициозной программой борьбы с безработицей до идеальной нормы не дотягивает.

Вообще, красивые и большие цифры о новых рабочих местах завораживают умы. Однако для того, чтобы иметь полную картину относительно вопроса занятости, надо иметь данные не только о количестве создаваемых рабочих мест, но и о том, сколько рабочих мест было закрыто за тот же период, а также, сколько из этих рабочих мест будут постоянными, а сколько – временными, на неполный рабочий день.

«...Если рассматривать разброс по штатам, то, согласно последним данным, самый низкий уровень безработицы зафиксирован в мае 2016 года в штате Южная Дакота (2,5%), самый высокий уровень – на Аляске (6,7%).

Сегодня, помимо официально зарегистрированных 7,8 миллиона безработных, еще около 7 миллионов американцев вынужденно работают неполный рабочий день. Понятно, что такие люди еле сводят концы с концами, или, как

говорят сами американцы, живут от зарплаты до зарплаты (live from paycheck to paycheck).

Еще 48 миллионов американцев работают на низкооплачиваемых работах. То есть работают на минимальных ставках, которые разнятся от штата к штату (к примеру, в Калифорнии в 2016 году она составляла 10 долларов в час). Обычно это работа в обслуживающем секторе: в фастфудах, по уборке территорий, сельском хозяйстве и т. д. В большинстве своем – это новоиспеченные граждане США или же нелегальные рабочие, то есть те, кто вынужден работать за минимальную плату.

С точки зрения расовых различий, текущая статистика такова: среди белых граждан безработных 4,1%, испаноговорящих – 5,6%, азиатов – 4,1%, афроамериканцев – 8,2%.

Около 1,9 миллиона американцев не могут найти работу более полугода. Эту группу граждан государство называет длительно безработными (long-term unemployed)» [94].

Высокие расходы на жизнь заставляют многих американцев трудиться даже будучи в пенсионном возрасте, который, кстати, в США – один из самых высоких в мире: 66 лет, как для мужчин, так и для женщин. Другой момент, который стоит упомянуть, это отсутствие жесткой возрастной дискриминации, существующей во многих других странах. Количество трудящихся людей пенсионного возраста с каждым годом увеличивается: если в середине 80-х годов только 18% людей, достигших пенсионного возраста, продолжали работать, то сегодня эта цифра увеличилась до 29% и продолжает расти. В США человек в возрасте 60 лет не считается и не считает себя стариком и обычно строит большие

планы на будущее. И это вполне нормально, с учетом возросшей средней продолжительности жизни до более чем 80 лет. В Кеннеди школе со мной на потоке училось достаточно большое количество американцев за 50 и 60. В основном это были состоятельные или даже богатые люди, которые обеспечили себе финансовую независимость и хотели посвятить себя работе на выборных должностях в своих городах.

Понятно, что активной позицией старшего поколения не всегда бывают довольны те, кто испытывает самые большие трудности в трудоустройстве – а именно, молодое поколение, видящее в них конкурентов. Проблема нахождения стабильной высокооплачиваемой работы особенно бьет по молодежи, по студентам, только окончившим вузы. Это, конечно, универсальная проблема, но в США специфика заключается в том, что большинство молодых людей для обучения в колледже и университете берут банковские ссуды, которые, несмотря на все льготные периоды и преференции, висят на них тяжелым бременем долгие годы. И у многих эти кредитные суммы достигают внушительных размеров, вплоть до сотен тысяч долларов, как, например, за обучение на медицинском факультете. В целом в США совокупный студенческий долг возрос до колоссальной суммы в 1,2 триллиона долларов.

Остановимся на теме кредитов: среднестатистический американец буквально окружен разными долгосрочными и краткосрочными кредитными обязательствами, будь то жилье, машина, образование – свое и детей. Поэтому угроза безработицы – самое страшное бедствие для любого американца, если, конечно, он не из списка Форбс. Нет дохода,

и тебе нечем платить по обязательствам, по медицинской страховке, по ипотеке и т. д. Очень скоро ты быстро скатываешься вниз по социальной лестнице.

Конечно, «...сегодня безработица уже не звучит как приговор. На самый крайний случай есть подушка безопасности в виде социального пособия. В США размер пособия по безработице колеблется от 50 до 70% от получаемой ранее зарплаты, в то время как в ряде стран Европы он равен 80–90%. Средняя продолжительность выплаты пособия по безработице в США – 6 месяцев. Для сравнения, в большинстве стран Западной Европы выплаты продолжаются целый год, в некоторых странах – до 5 лет. В Бельгии, например, без ограничения срока» [95].

На мой взгляд, система социальной помощи уязвимым слоям населения выстроена в США достаточно прагматично. С одной стороны, человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, всегда есть куда обратиться. С другой, система не стимулирует людей жить на соцпособия, вести иждивенческий образ жизни, хотя в США есть большая прослойка населения, умудряющегося существовать именно таким образом.

Вообще, рефлексирюя на критику системы социальной помощи в США – эту систему можно назвать как угодно – жесткой, забюрократченной, сверхпрагматичной, но ее корни растут еще со времен отцов-основателей и протестантской этики первых покорителей северо-американского континента: в почете – дисциплина и труд, также подразумевается, что каждый должен рассчитывать только на себя. Если ты способен работать, государство не обязано тебе помогать.

В этом плане социально-экономическую систему США трудно назвать поощряющей иждивенчество, чем, кстати, страдают многие богатые страны Европы. В США ситуация скорее противоположная, и зиждется она, как это ни удивительно, на уже несколько изъеденных коррозией социального государства принципах протестантской этики старой Англии, Германии и скандинавских стран. Миллионы иммигрантов, покинувших свои дома в Старом свете, на новой земле могли рассчитывать только на себя, свои способности, трудолюбие и капельку везения – что погода принесет тебе в этом году хороший урожай и тебя не застрелят в каком-нибудь конфликте с соплеменниками или с индейцами.

Безграничные, плодороднейшие земли и свободные законы позволяли новым жителям трудиться, зарабатывать и даже богатеть. В те времена многие добивались такого экономического благосостояния, достичь которого на прежней родине было просто невозможно. Здесь я не говорю об искателях приключений и моментального обогащения на золотых приисках по всей территории США, и других любителей быстрой наживы. Большинство иммигрантов связывало свою жизнь с землей, фермерством, тяжелым трудом и верой в счастливое будущее если не для себя, то хотя бы для своих детей и следующих поколений. Поэтому у этого большинства особой нужды в помощи со стороны государства не было. Да и формирующееся еще государство не было в состоянии помогать своим гражданам. Работы, а значит, и хлеба, хватало всем. Действовало своеобразное неписаное соглашение между обществом и государством «Я не нуждаюсь в помощи со стороны государства, и оно не мешает мне обогащаться в

рамках закона». Главным принципом организации американского общества было – каждый сам кузнец своего счастья.

«Идиллия» продолжалась до «черного октября» 1929 года, когда в США начался самый затяжной экономический кризис, продлившийся до 1939 года. Великая Депрессия стала точкой отсчета, кардинально поменявшей политику США в оказании помощи миллионам американцев, оставшимся без работы. В середине кризиса почти 1/3 работоспособных американцев не имели постоянного заработка и остро нуждались в помощи со стороны государства. Здесь уже было не до сантиментов и разговоров о высокой морали и чести, о том, что помогают только лодырям и инвалидам. Впервые масштабная помощь со стороны государства понадобилась миллионам американцев, и государство не могло не отреагировать.

Начавшаяся с президента Гувера, но фактически сформировавшаяся при президенте Рузвельте, в США начала действовать «...программа социальной помощи населению. Правительство начало использовать свои средства и власть для создания рабочих мест в рамках проектов общественно-полезных работ – охрана окружающей среды, строительство плотин, ремонт дорог и общественных зданий, электрификация сельской местности. Программ приняли столько, что невозможно было запомнить их все. Главное, американцы знали: правительство начало оказывать им практическую помощь. Среди программ, введенных во времена депрессии, была и программа социального страхования «Социал секьюрити» (Social security), принятая в 1935 году. Она обеспечивала небольшой регулярный ежемесячный доход

пенсионерам, страхование по безработице и утрате трудоспособности, помощь из общественных фондов неимущим, пособие на детей, и стала основной программой социального обеспечения в Соединенных Штатах» [96].

Политику Рузвельта продолжили и другие президенты, среди которых и Джон Кеннеди, и его последователь – Линдон Джонсон, при котором, кстати, и зародились и вышли в свет идеи «Великого общества» и «Войны с бедностью». В рамках этих двух программ предусматривался кардинальный пересмотр медицинской помощи уязвимым социальным слоям США. Появились такие программы, как медицинское страхование на случай болезни для пожилых (Medicare) и бедных (Medicaid) граждан. Программа «Великого общества» включала не только медицинскую помощь, но и всевозможные денежные пособия бедным, образовательные гранты и т. д. и сработала замечательно, плоды этой программы пожинают до сих пор. Так, после начала реализации программы процент американцев, живущих в бедности, упал почти наполовину. Именно в период президентства Джонсона реализовались идеи Джона Кеннеди, которые, в конечном итоге, дали старт грандиозным изменениям в американском обществе. Хотя Линдон Джонсон и не обладал, даже наполовину, теми харизмой и талантом, как Джон Кеннеди, будучи демократом и выходцем из южного консервативного штата Техас, он умел находить язык и с Мартином Лютером Кингом, и с расистски настроенными элитами южных штатов, и со спецслужбами.

В политике снижения уровня безработицы, помимо социальной помощи и прочих экономических инструментов,

в США довольно серьезно подходят к повышению квалификации работников, что особенно важно в условиях смещения центра тяжести на рынке труда в интеллектуальную сторону. Повышение квалификации не ограничивается только краткосрочными тренингами и семинарами. Многие организации, к примеру, инвестируют в своих сотрудников огромные средства, отправляя их на получение магистерских степеней и оплачивая не только обучение, но и стипендию с проживанием. Для организации это – вопрос необходимости постоянного повышения производительности труда в целях выживаемости в остро конкурентном мире. Для сотрудников – вопрос не только получения более высоких зарплат и лучшей карьеры, но и определенной гарантии не остаться без работы в случае увольнения.

Сегодня, если поднимать проблему безработицы в США, надо говорить о том, что рынок труда меняется кардинально. Технологический прогресс, помимо явного и безусловного влияния на рост экономического благосостояния и могущества США, сыграл довольно злую шутку с рынком труда в этой стране. С одной стороны, «...в США началась четвертая промышленная революция, характерными чертами которой являются: проникновение интернета во все сферы хозяйства, развитие экосистемы интернета вещей и связанных с ними технологий искусственного интеллекта, нейронных сетей, 3D-принтинга// аддитивных технологий, робототехники, электромобилей и др. Благодаря технологиям и роботизации производств, растет производительность труда, экономика страны – на подъеме.

С другой, рост богатства и прибыли в США не транслиру-

ется автоматически, как это было раньше, в создание новых рабочих мест. К примеру, в 1990 году три самых больших автогиганта в Детройте имели рыночную капитализацию в 36 миллиардов долларов США и 1,2 миллиона рабочих мест. Спустя почти четверть века, в 2014 году, топ самых больших фирм в Силиконовой долине имели рыночную капитализацию более 1 триллиона долларов США и только 137 тысяч сотрудников» [97].

Или такой факт: перед самым уходом из Белого дома Барак Обама огласил весьма интересную информацию. А именно: в течение следующих 15 лет около 3 миллионов водителей грузовиков, автобусов и таксистов попросту потеряют свою нынешнюю работу, потому как будут заменены автоматами и компьютерно-управляемыми устройствами. Тем самым, – угроза потери рабочих мест идет от ускоренной автоматизации производства, а вовсе не потому, что какие-то предприятия выведены из США в Китай или Мексику.

Наблюдаемое в США сокращение рынка труда в традиционном производстве вследствие нового технологического цикла «...явление закономерное и весьма болезненное. Закономерное – потому, что на каждом витке технологических и социальных циклов происходит разрыв между старыми поколениями и методами, которыми они работали, и новыми поколениями, новыми инструментами и методами их работы. На начальном этапе это грозит кризисом перепроизводства и избытком рабочей силы, а потом начинается новый рост, появляются новые рабочие места, при этом растет не только производство, но и сложность работы.

Болезненное – потому, что существуют страхи, что вы-

сокие технологии, разрушающие привычный уклад вещей, вызовут повальную безработицу, и теоретически эти страхи не лишены основания. Сегодня в Соединённых Штатах, как и в других развитых странах, происходит так называемая новая промышленная революция, или «Индустрия 4.0.», которая предполагает ультраавтоматизацию производства, сопровождающуюся растущей ролью робототехники и искусственного интеллекта в бизнесе, правительстве и частной жизни. Подсчитано, что в мире на 10 тысяч занятых людей в среднем приходится 60 промышленных роботов» [98]. В США плотность на 10 тысяч населения – 164 робота – в 2,5 раза выше мирового уровня.

Как считают специалисты, человечество не впервые сталкивается с подобной проблемой. Технологии не только облегчают жизнь человека, они создают новые направления деятельности, более интеллектуальные, квалифицированные, творческие. Согласно исследованиям Бюро экономического анализа США и компаний Bloomberg и Deloitte, одно рабочее место в розничной торговле создает 0,8 рабочего места в других секторах экономики, а одно рабочее место в сельском хозяйстве создает уже 1,5 рабочего места в других секторах. Этот показатель в промышленности в целом составляет 4,6, а в высокотехнологической промышленности – 16! И с развитием технологий и инноваций этот показатель будет расти.

Сложность работы предполагает качественно новое образование. Именно образование и квалификация становятся неким водоразделом в вопросе нахождения работы. Чем меньше ты имеешь новых навыков, чем менее образован,

тем меньше у тебя шансов трудоустроиться и меньше доход. Конечно, так было всегда, но сегодня, в эру господства высоких технологий, это стало критично. Это, в свою очередь, ведет к некоторой девальвации высшего образования в США. Если раньше для нахождения высокооплачиваемой работы хватало степени бакалавра, то сегодня требуется все больше работников с дипломом магистра. В итоге для подготовки специалиста требуется все больше денег и времени.

Американский образовательный рынок старается поспевать за быстро меняющейся рыночной конъюнктурой, по крайней мере, это заметно в ведущих вузах страны, где программы обучения гибко подстраиваются под вызовы сегодняшнего и завтрашнего дней. Сегодня в вузах США есть фундаментальное понимание, что в погоне за технологическими изменениями нельзя делать ставку только на знания и эрудицию (knowledge), важно постоянно совершенствовать свои навыки (skills). В этой связи, в вузах США поражает количество предметов, повышающих навыки, к примеру, наука убеждения, переговорное дело, ораторское искусство и т. д. Ставка все больше делается на приобретаемые умения, помогающие в трудоустройстве при любых изменениях рынка труда.

В целом признавая наличие безработицы как проблемы американского общества, тем не менее, хочется отметить два аспекта.

Во-первых, проблема безработицы в США, со всеми ее составляющими, такими, как гендерное или расовое неравенство при трудоустройстве, острая конкуренция, в том

числе, из-за постоянного притока высококвалифицированной иностранной рабочей силы, не идет ни в какое сравнение с таковой во многих странах мира, где увольнение до сих пор является чуть ли не приговором, закрепляющим бедность. Социальная система выстроена таким образом, что с голоду никто не умрет. Более того, американская благотворительная деятельность настолько развита, что семьи или индивидуумы, испытывающие материальные трудности, никогда не останутся без поддержки со стороны общества и государства. Содействие будет оказано и в образовании детей, медицинской помощи, продуктах и жилье, что, кстати, имеет и обратную сторону, провоцируя рост иждивенчества среди определенной части населения.

Во-вторых, как я уже упоминал, американский рынок труда настолько огромен и диверсифицирован, что работа найдется для любого, достаточно мотивированного, образованного и мобильного. Последнее также является чрезвычайно важным компонентом успеха в поисках работы мечты. Американцы, кстати, являются удивительно мобильным народом, «колесящим» по всей стране в поисках хорошего заработка, и меняющим место жительства в среднем 7 раз за всю жизнь.

В-третьих, определенное количество безработных – это вовсе не упущение правительства, а здоровый индикатор наличия конкурентного рынка труда, который положительно влияет на экономику государства. В век высоких технологий и глобализации такая конкуренция только возрастает и не все готовы идти в ногу со временем. Отсюда – фрустрация, алармизм и протекционистские и антииммигрантские

настроения со стороны части населения.

3.2 Нелегальная иммиграция

Главным каналом проникновения нелегальных иммигрантов в США была и остается граница США с Мексикой протяженностью более 3 тысяч километров. Практически каждый президент США в XX и XXI веках вносил свой вклад в укрепление и модернизацию границы, где по обе ее стороны несут службу тысячи пограничников. На границе действуют 57 КПП, через которые в обе стороны ежедневно проходят порядка миллиона человек. Сегодня длина заградительных сооружений, которые начали возводить еще при Билле Клинтоне для борьбы с наркотрафиком, составляет 1078 км. Каждый последующий президент вносил свою лепту в укрепление этой границы. Дональд Трамп, который провозгласил борьбу с нелегалами в качестве одной из ключевых задач для своей администрации, планирует построить еще около 1600 км.

Граница становится все крепче и крепче, но, как это ни парадоксально, поток нелегальных иммигрантов не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. По данным американского Института миграционной политики, наибольшее число иммигрантов прибыли в США именно из Мексики. Согласно статистике за 2015 год, оттуда в США перешли 11 млн. 643 тыс. человек, или 26,9% от общего числа иммигрантов. Для сравнения: из второй по числу иммигрантов страны, Индии, в США перебрались 2 млн. 390 тыс. человек [99].

Не ошибусь, если скажу, что именно нелегальная имми-

грация разделила общество США на два больших лагеря. Аргументы ратующих за то, чтобы США оставались открытой страной для всех иммигрантов, в том числе и нелегалов, понятны: США – это страна, построенная иммигрантами, и ее успех во многом базируется именно на привлечении со всего мира самых талантливых, образованных, энергичных, не боящихся трудностей индивидуумов, настоящих пассионариев. Иммиграция в страну больших возможностей и самореализации, свобода передвижения и свобода слова – это фундаментальные ценности для американцев, это – часть американского духа. Закрытие страны для новых иммигрантов, в том числе и для нелегалов, что было бы вполне нормальным шагом для любой другой страны мира – удар по самим устоям США. Это понимают и республиканцы, и демократы, и все жители США. Так что понять сторонников открытости США можно – иммиграция по-прежнему мощный драйвер экономического развития США.

Впрочем, можно понять и противников: сохранение статус-кво с неэффективной иммиграционной политикой невозможно. Их позиция такова – европейские иммигранты построили Америку, привели ее к процветанию, новые иммигранты едут на все готовое, и уже нет такой необходимости в новом притоке иммигрантов, тем более, с развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, чуждых и религиозно, и культурно.

То есть, по большому счету, с точки зрения рядового среднего американца, а это по-прежнему в большинстве белое, европейское население, проблема нелегальной иммиграции имеет, на мой сторонний взгляд, два совершенно разных из-

мерения. Первое, формально-правовое, и второе, культурно-расовое восприятие.

В первом случае все понятно: государственная иммиграционная машина, созданная в относительно спокойные миграционные времена, оказалась не готова к такому наплыву нелегалов. Не помогли ни высоченные заборы на границе с Мексикой, ни строгая визовая политика, ни депортации миллионов нелегалов, ни смерти тысячи перебежчиков в жарких пустынях Аризоны и других южных штатах. В итоге сегодня в США уже более 11 миллионов нелегальных иммигрантов, и как решить эту проблему – никто не знает.

Все – и республиканцы, и демократы, признают, что сохранение ситуации в том виде, как это есть сегодня, когда вдобавок к многомиллионной массе нелегалов ежегодно прибавляется, по разным оценкам, от 500 до 700 тысяч новых нелегальных иммигрантов, уже невозможно, ибо нелегальная иммиграция рано или поздно приведет к большим социальным и экономическим конфликтам, а также к росту межрасовой и межэтнической напряженности.

География расселения нелегальных иммигрантов – вся страна. Однако, если посмотреть статистику по штатам, набравшим самое большое количество нелегалов, то окажется, что в топ штатов вошли – Калифорния (более 2 миллионов), Техас (700 тысяч) с Флоридой и город Нью-Йорк (более миллиона). Ситуация с нелегалами разительно отличается от штата к штату, отличается она и по абсолютному количеству, и по расово-этническому составу, а также по политике штата в отношении нелегалов. Ряд штатов имеют длительный опыт адаптации приезжих, выстраивания системы со-

циальной помощи и использования труда иммигрантов. Так, в самой большой точке концентрации нелегальных иммигрантов – в солнечной и богатой Калифорнии, с ее безграничным рынком труда, иммигранты составляют треть занятых в экономике, а их вклад в ВВП штата оценивается в 600 миллионов долларов в год! Нелегалы собирают фрукты и овощи, работают в строительстве, занимаются контрабандой наркотиков – это, в основном, выходцы из стран Латинской Америки. Азиатские нелегалы из Китая, Вьетнама и Филиппин – более закрытые сообщества, и их сфера деятельности сосредоточена в производстве разного ширпотреба, ресторанном бизнесе, проституции и т. д.

Если говорить о нелегальной иммиграции с точки зрения способов проникновения на территорию США, то и здесь есть свои отличия. Если, к примеру, латиноамериканцы попадают в США легальным путем, как сельскохозяйственные рабочие, или нелегальными тропами через границу с Мексикой, то азиатские и африканские мигранты попадают в США, в основном, вполне легально, по студенческим, туристическим, семейным визам, и потом «теряются» на бескрайних просторах страны.

Вот здесь, как мне кажется, и раскрывается вторая сторона нелегальной иммиграции, которая приобретает расовую, культурно-цивилизационную сторону проблемы. Нелегальная иммиграция – это не просто вопрос экономической безопасности. Проблема затрагивает глубинные этно-демографические и культурные изменения. Масштабная иммиграция, в том числе и нелегальная, ведет к существенному изменению расово-этнической структуры населения страны.

К примеру, «...в результате более высокой рождаемости и масштабной иммиграции темпы роста латиноамериканцев и азиатов значительно превосходят темпы роста белого населения, которое пока еще продолжает сохранять большинство. Однако ожидается, что уже к 2044 году США станут обществом «majority-minority», т. е. обществом, состоящим из расово-этнических групп, ни одна из которых не имеет большинства. В указанном году белые, возможно, окончательно потеряют свое большинство и станут преобладающим по численности одним из меньшинств, доля которого в населении к 2060 году сократится до 44%. Доля латиноамериканцев за период 2014–2016 годов вырастет с 17,4 до 28,6%, азиатов – с 5,4 до 9,3%» [100].

Полагаю, что эти прогнозы носят несколько оптимистический характер и не учитывают ряд глобальных тенденций, способных скорректировать ситуацию в развитых странах, как главных реципиентов миграции из бедных стран. Демографические перекосы в мире будут формировать гигантские беспрецедентные миграционные потоки с так называемого Глобального Юга (страны Азии, Африки и Латинской Америки) на Глобальный Север (Европа, США и Канада). Готовы ли страны благополучного Севера к миграционным вызовам XXI века? Судя по тому, как волна беженцев из Сирии и других конфликтных стран вызвала фактически паралич системы охраны внешних границ ЕС и политическое и социальное расстройство внутри Союза, то очевидно, что не готова. К такой волне мигрантов ЕС не был готов ни морально, ни финансово. Заметим, что количество мигрантов впервые со времен Второй мировой войны было действительно

беспрецедентным – Европа, а, точнее, Германия, Италия и Великобритания приняли более 1-го миллиона беженцев.

Между тем, согласно ряду прогнозов, к 2050 году из-за дефицита пресной воды и пахотных земель около 200 миллионов человек в странах Юга превратятся в так называемых «климатических мигрантов». Это в 10 раз больше всех зарегистрированных на сегодня беженцев и так называемых временно перемещенных лиц. Что будет тогда с благополучным Севером, если даже десятая часть пожелает переместиться из растущего неблагополучного Юга? А ведь именно США были и остаются своеобразным «магнитом» для мигрантов со всего мира. Воплощением своей «Американской мечты» грезят миллионы людей разных национальностей и вероисповеданий, и их число будет, судя по всему, только увеличиваться!

Именно поэтому совершенно неудивительно, что для среднего белого американца, представителя все еще большинства, перспектива в один прекрасный день стать меньшинством и оказаться в расово, ментально и культурно чуждом окружении, совсем не радует. В восприятии той части негативно настроенных белых американцев, а, как показала президентская кампания 2016 года, их немалое количество, все новоприбывшие «небелые» иммигранты, неважно, легальные или нелегальные, воспринимаются примерно одинаково – чужаки, приехавшие на готовое благополучие. Полагаю, что в общей гамме проблем, приведших Трампа к президентству, культурный аспект сыграл ключевую роль.

Однажды, будучи в Манхеттене недалеко от Центрально парка, я услышал, как пожилой белый американец, глядя с

нескрываемой ненавистью на двух полицейских-американцев азиатского происхождения, китайцев или корейцев, разговаривающих с сильным акцентом, очень громко произнес: «Эти желтые однажды уничтожат Америку». Понятно, что так думают далеко не все американцы, и вообще в США, где свобода слова – не пустое понятие, все имеют право выражать свое мнение, даже радикального характера.

Тем не менее, стремительно растущая азиатская иммиграция в США не только постепенно меняет привычную европейскую этно-демографическую картину, уменьшая число белого населения и увеличивая азиатское, но и зримо усиливает напряженность по отношению к новым американцам. «...Если до 1960 года основными «странами-поставщиками» мигрантов были европейские государства, прежде всего, Германия и Ирландия – до 1900 года, и Италия – до 1960 года (именно эти страны лидировали в абсолютном списке этнической иммиграции в США), то после этого периода вперед, помимо Мексики, вырвались именно азиатские страны, такие, как Китай, Индия, Филиппины и Вьетнам. Сегодня численность проживающих в стране людей, родившихся за ее пределами, превышает 42 миллиона (более 13% населения)» [101].

Действительно, азиаты наступают. Причем и количественно, и качественно. Несмотря на то, что пальму первенства среди иммигрантов, приезжающих в США на постоянное место жительства, до сих пор удерживают латиноамериканцы, и не только из Мексики, как это принято думать, количество иммигрантов из стран Азии с каждым годом растет. Неудивительно, что именно китайцы – в авангарде

азиатского покорения Америки, их присутствие на улицах городов США становится все более и более видимым, и не только в сфере торговли и общепита, как стереотипно считают многие, но и в сфере образования, культуры, и даже в силовых структурах. 394 тысячи – именно столько студентов из Китая обучалось в США в 2015 году – это самый большой контингент среди всех иностранных студентов, обучающихся в высших и средних учебных заведениях США. И не ошибусь, если скажу, что немалая их часть нацелена на получение американского гражданства, и это – желание не только самих студентов. Их папы и мамы, бабушки и дедушки, а может, и вся родня, сделают все возможное и невозможное для того, чтобы в один прекрасный день их дети получили гражданство.

И если для состоятельных людей постсоветского пространства запасным аэродромом «в случае чего» давно стал туманный Альбион, то для китайских нуворишей, накопивших праведным и не совсем честным трудом миллионы, такой землей обетованной являются США. Не случайно, что вслед за отпрысками в США летят огромные инвестиции в недвижимость и бизнес, которые китайцы скупают как горячие пирожки, разогревая рынок недвижимости в больших университетских городах, к большому неудовольствию рядовых покупателей, включая и профессоров этих вузов, и к огромной радости продавцов и риэлторов. Американские риэлторы говорят: «Если ты хочешь сделать деньги, покупай там, где покупают китайцы, потому что они ускоряют цены». К слову, «...в 2015 году Китай стал главным внешним покупателем американской недвижимости, вложив

только за этот год 28,6 миллиарда долларов США» [102].

С тем, что ситуация с нелегальной иммиграцией, несмотря на все попытки ее решения, медленно выходит из-под контроля и что надо что-то делать, согласны все: и сторонники либеральной линии, видящие в иммиграции определенные экономические блага для США, и сторонники жесткой линии, настаивающие на проведении бескомпромиссной анти-иммиграционной политики. Фактор успеха Дональда Трампа в президентской кампании 2016 года во многом зиждется на проблеме нелегальной иммиграции. Его популистская, но, в то же время, поддерживаемая многими американцами позиция была проста – во всем виноваты нелегалы и их пособники – демократы, отдавшие все производство страны на откуп Китаю и прочим странам развивающегося мира, и тем самым лишившие миллионы простых американцев работы и будущего.

Кстати, если в вопросе о нелегальной иммиграции, или даже шире – в вопросе о запрете небелой иммиграции в США победят сторонники кардинальных, расистских мер, что маловероятно, но все же, то ничего нового в истории США не произойдет. Как уже отмечалось ранее, «...история США полна таких примеров, когда принимались законы, ограничивающие миграцию китайцев или в целом азиатов. К примеру, упомянутый уже ранее Акт об исключении китайцев 1882 года, или в 1924 году был принят закон об «азиатах», а также закон Джонсона-Рида об иммиграции, которые свели поток иммигрантов-«азиатов» практически к нулю» [103].

Впрочем, есть и абсолютно противоположная точка зре-

ния на эту проблему. К примеру, экс-глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен считает, что «в условиях острого дефицита трудовых ресурсов Америке выгоднее не сражаться с нелегалами, а разрешить работодателям активно экспортировать рабочую силу из-за рубежа. Благодаря этому, потенциальные нелегалы получают возможность въезжать в США на законных основаниях, и нелегальный иммиграционный поток иссякнет сам собой» [104].

Вообще, тема нелегальной иммиграции сильно политизирована и в ней много страшилок, эмоций, и мало трезвого анализа ситуации. Проблема иммиграции затрагивает не только нелегальных мигрантов, она – гораздо шире. Реформа иммиграционной политики уже много лет является одним из основных раздражителей в отношениях между демократами и республиканцами, между президентом и Конгрессом, между штатами и федеральным центром.

Несмотря на то, что американцы отдают себе отчет в том, что нелегальные иммигранты делают работу, за которую граждане вряд ли возьмутся, многие полагают – и не всегда беспочвенно, что именно иностранцы забирают их работу, а налоги уходят на социальное содержание нелегалов и их семей.

Эта проблема имеет глобальный аспект, она разделила Европу, способствовала беспрецедентному выходу Великобритании из ЕС. Проблема нелегальной иммиграции затрагивает многие страны мира, в том числе, и Казахстан, и Россию, как главных реципиентов трудовой миграции на постсоветском пространстве, и Индию, где оседают миллионы бангладешцев, и Южную Африканскую республику,

куда стекается поток со всего континента.

Однако, в отличие от стран, где полиция берет мзду и закрывает глаза на нелегалов, в США, при всех недостатках полицейской системы, эта система более транспарентна, менее подвержена коррупции, и в отношениях с населением, в том числе и с нелегалами, главную роль играет презумпция невиновности. В отличие от стран, где человек заранее подозревается в чем-то нехорошем, противоправном, в США игра идет по принципу – у нас нет доказательств, что ты нелегал, и значит, нет оснований тебя задерживать. Я много раз наблюдал, как на центральной площади Кэмбриджа, да и в других частях Бостона, в определенных местах постоянно собирались явно нелегалы, их было очень легко распознать по одежде, походке и другим признакам. В основном это были так называемые латиносы (граждане стран Латинской Америки), мужчины молодого и среднего возраста.

Миллионы нелегалов живут в США десятилетиями, работают, создают семьи, заводят детей, которые, по законам Соединённых Штатов, автоматически становятся гражданами США. Дети нелегальных мигрантов, как граждане, пользуются всеми преимуществами и правами гражданина, они поступают на учебу, им присваивается, как всем гражданам, номер Социального страхования (Social Security number), служат в армии, имеют право голоса, и нередко добиваются больших успехов. Я помню, как в год завершения моей учебы в университетской газете и по телевидению прошла новость, что одна из выпускниц, завершавшая свое обучение в Гарварде, пригласила на торжественный выпускной вечер свою маму, выходку из Латинской Аме-

рики, которая уже много лет проживает в США на нелегальном положении. Мама успешно добралась до Гарварда, встретила со слезами на глазах успешное завершение учебы дочери, и даже дала интервью, рассказав о нелегкой судьбе нелегальных мигрантов в США и вызвав надежду на лучшую жизнь их детей!

Однако при всем таком, скажем, человеческом отношении к нелегалам в США, это, конечно, все-таки глянцевая сторона жизни нелегалов, вершина айсберга, потому что в большей части их жизнь далека от американской мечты, и миллионы семей живут в ежедневном страхе депортации, безработицы, страхе заболеть, учитывая недоступность для нелегалов (не их детей) медицинских услуг. Кстати, многие семьи нелегалов не пользуются социальной помощью, боясь обнаружить себя и быть депортированными.

Проблема детей нелегальных иммигрантов вообще стала отдельной проблемой для властей, так как, по некоторым данным, в США с родителями-нелегалами сегодня проживают более 5 миллионов детей, из которых 80% являются американскими гражданами, так как они родились уже на территории США. Проблема в том, что при депортации многие родители вынуждены оставлять своих детей в США, где их забирают в приемные семьи, что, наверное, лучше, чем ехать в страны, где продолжаются насилие, войны и голод. Но правовая коллизия в том, что депортация родителей тем самым ломает так называемый принцип воссоединения семей, прописанный в миграционной политике США.

Администрация Обамы дважды пыталась решить данное правовое и моральное противоречие, и частично ей это уда-

лось. «...В июне 2012 года президент Обама без согласования с Конгрессом своим указом запретил депортацию нелегальных иммигрантов, прибывших в страну с детьми (до 16 лет). В указе подчеркивалось, что речь не идет о предоставлении постоянного статуса – разрешение дается сроком на два года, затем оно может быть продлено.

Второй раз Обама попытался решить проблему указом, изданным в ноябре 2014 года, согласно которому, разрешение на временное проживание в стране могли бы получить около 5 миллионов нелегальных иммигрантов, имеющих детей-граждан или постоянных резидентов. Эта попытка была менее успешной – реакция контролируемого республиканцами Конгресса была весьма жесткой, президента обвинили в превышении полномочий, а 27 штатов подали в суд иски против федеральных властей, назвав указ антиконституционным» [105].

У Барака Обамы в его предвыборной гонке тема иммиграционной реформы была одной из ключевых, и после прихода в Белый дом он действительно очень активно взялся за решение этих проблем, доставшихся ему в наследство от многих десятилетий правления других президентов, в том числе и республиканцев, которые традиционно придерживаются жестких антииммиграционных взглядов.

Администрация Обамы вышла с достаточно интересным пакетом иммиграционной реформы. План по реформе «сломанной» миграционной системы, который предложила администрация Обамы, состоит из пяти основных направлений [106]:

- Продолжение усиления и укрепления безопасности

границы;

- Наказание работодателей, нанимающих недокументированных рабочих;
- Возможность получения гражданства;
- Упорядочение легальной иммиграции;
- Иммиграция и экономика.

Увы, но все попытки Обамы решить вопрос нелегальной иммиграции закончились полным провалом. Отчасти это объясняется запущенностью проблемы, насчитывающей многие десятилетия. Все приходящие президенты пытались её решить, но воз и ныне там. Отчасти провал объясняется нежеланием действовать решительно и наживать врагов среди различных этнических меньшинств, правозащитных организаций, чьи голоса и мнения всегда важны в период предвыборных кампаний.

Отчасти неуспех демократа Обамы объясняется противодействием в этом вопросе республиканцев, занимающих в отношении нелегальных иммигрантов жесткую позицию, четкую и простую – депортация. Но тогда возникает вполне резонный вопрос: почему они не решали этот злободневный вопрос, когда сами были в Белом доме в течение многих лет? В конце концов, более 11 миллионов нелегальных иммигрантов со всех концов земли появились в США не за один день!

Проблема, на самом деле, не имеет простых решений, как это кажется на первый взгляд. По всей видимости, сложившаяся ситуация с нелегалами продлится довольно долго и на решительные меры, направленные на депортацию всех нелегалов, а их, как уже было сказано, более 11 миллионов

человек, не пойдет ни одна администрация, будь то республиканцы или демократы. Это вызовет настоящее потрясение в обществе, а экономические потери в тех сферах, куда уже инкорпорированы огромные массы нелегалов, в том же сельском хозяйстве, уборке урожая, сервисном бизнесе, строительстве, промышленности, будут огромными, ряд производств просто встанут.

В целом, создается ощущение, что никто не знает, с какой стороны подойти к решению этой проблемы. Все понимают, что полумеры здесь не помогут, а радикальные меры могут взорвать американское общество, где нелегальные иммигранты стали составной его частью. Даже Трамп, пришедший к власти на антииммиграционной риторике, вынужден был умерить свой пыл.

Манипулируя на страхах и предубеждениях, Трамп отлично играет на желании найти ответ на вопрос, возникающий у многих американцев, прежде всего, у тех, кто чувствует себя «выкинутым за борт» глобализации, и относительно бедных слоев белой Америки: в чем причина проблем американцев и кто виноват? Ответ Трампа прост – виноваты нелегальные, и легальные тоже, небелые иммигранты. Хотя на самом деле в экономическом плане нелегальные мигранты не представляют для американцев угрозы на рынке труда, так как они в основном заняты в малооплачиваемом, низкоквалифицированном его сегменте, куда ни один из американцев никогда не сунется. Среднестатистический американец, если нет хорошо оплачиваемой работы, предпочтет сидеть на государственном пособии, чем пахать за те же деньги.

Как показывают исследования, настоящими конкурента-

ми для белого американца без высшего образования, коих большинство, являются образованные легальные иммигранты, уровень образования среди которых гораздо выше, чем в среднем у граждан США. Здесь мы можем остановиться и перейти к другой ключевой проблеме американского общества – проблеме растущего неравенства.

3.3 Растущий уровень бедности и экономического неравенства – как ключ к победе Дональда Трампа

Триумфальная победа в ноябре 2016 года Дональда Трампа, названного самым необычным политиком-президентом современности, человека с неоднозначной репутацией, застала весь мир и большинство американцев совершенно врасплох. Мне кажется, в своей победе до конца сомневался и сам Трамп. Но произошло то, что произошло, и 45-м президентом США стал именно он, а не Хиллари Клинтон, которая, наоборот, уже заранее праздновала победу и готовилась к президентству.

Между тем, были и те, кто сумел рассмотреть за открытым популизмом и пафосом Трампа, а также другого, так называемого внесистемного кандидата, 74-летнего социалиста Берни Сандерса, реальные проблемы американского общества. Если некоторые эксперты расценили победу Трампа как предвестник заката американской демократии, то другие увидели в ней демонстрацию отличного состояния демократической системы США. Американская политическая машина еще раз продемонстрировала способность реагировать на несоответствие между проводимой элитой полити-

кой и ожиданиями и запросами со стороны общества.

Можно много рассуждать о диктатуре большинства, несовершенстве избирательной системы США, но надо уважать выбор американцев и постараться понять, почему все произошло именно таким образом. По мнению самих американцев, люди пришли на выборы и проголосовали не столько за популизм Трампа, сколько против той политики, которую проводила американская политическая элита, как республиканская, так и демократическая, в последние десятилетия.

При этом, по мнению многих экспертов, наиболее ярким итогом «провальной» политики властей США стало углубление социального неравенства. За последние десятилетия узкая прослойка богачей (1% от всего населения) стала жить еще лучше, в то время как доходы большинства американцев продолжали стагнировать или даже сокращаться.

Падение или стагнация доходов затронули, в первую очередь, именно средний класс – опору американской демократии. Американцы длительное время жили как нация, состоящая в основном из семей среднего класса, не богатых, но и не бедных, могущих позволить себе вести комфортную, уверенную в завтрашнем дне жизнь. Кроме того, у среднего класса была вера, что их дети должны будут жить еще лучше. Средний класс был в подавляющем большинстве белым, состоящим из потомков разных волн иммиграции из Европы. Именно средний класс был большинством, основой государства и общества, символом социального равенства, и неудивительно, что практически все делалось с оглядкой на мнение и интересы среднего класса. Это была идиллия, воплощение американской мечты, картина-магнит, увлекающая

щая миллионы новых иммигрантов со всего света. Голливуд сотнями фильмов активно поддерживал этот имидж крепкого, счастливого, белозубого и трудолюбивого американского среднего класса как вечного двигателя экономики США.

Однако ход истории оказался не в пользу работающего среднего класса. Сегодня среди развитых стран мира США держат пальму лидерства по неравенству в распределении доходов. Индекс Джини (показатель степени расслоения общества, где в случае полного равенства коэффициент будет равен 0, а в случае полного неравенства – 1), является универсальным, хотя не бесспорным мерилем неравенства, «...у США он составляет 0,41, что свойственно, скорее, развивающимся (Ямайка, Филиппины), чем развитым государствам. Для сравнения: в Швеции индекс Джини – 0,250, Норвегии – 0,258, Австрии – 0,292. В странах с самой высокой степенью неравенства коэффициенты Джини колеблются между 0,630 (Намибия) и 0,524 (Парагвай)» [107].

«...Еще более высокий уровень неравенства наблюдается в городских агломерациях, то есть там, где есть концентрация получателей высоких или низких доходов. К примеру, в городской агломерации Майами, где расположены многочисленные международные банки и штаб-квартиры крупных национальных и транснациональных корпораций, научно-исследовательские институты и предприятия биотехнологической промышленности, коэффициент Джини очень высок (0,512). Не удивительно, что доходы некоторых жителей мегаполиса экстремально высоки. У 5% домохозяйств они составляют как минимум 200 тыс. долл. в год. Напротив, у почти 9% жителей годовой доход не превышает

10 тыс. При этом товары и услуги здесь на 5% дороже, чем в среднем по стране. Высокий уровень неравенства наблюдается и в других крупнейших агломерациях США, таких, как Нью-Йорк (0,547), Чикаго (0,528), Лос-Анджелес (0,536)» [108].

Когда конкретно началась экономическая эрозия американского среднего класса, сказать трудно. Хэдрик Смит, автор мирового бестселлера «Кто украл Американскую мечту» говорит о 2000-х как начале новой эры для среднего класса США, когда эта опора американского общества начала превращаться в «новых бедных». Хотя он же утверждает, что история обеднения среднего класса США началась в семидесятых. Приводятся такие цифры. С 1948 по 1973 год продуктивность американских рабочих выросла на 96,8%, и вполне адекватно этому росла и зарплата – 93,7%. Но уже с 1973 года и до 2011, в то время как производительность выросла на 80,1%, зарплата среднего рабочего выросла всего лишь на 4,2%, вместе с компенсациями – на 10%. Хэдрик Смит называет эти три десятилетия путем в никуда» [109].

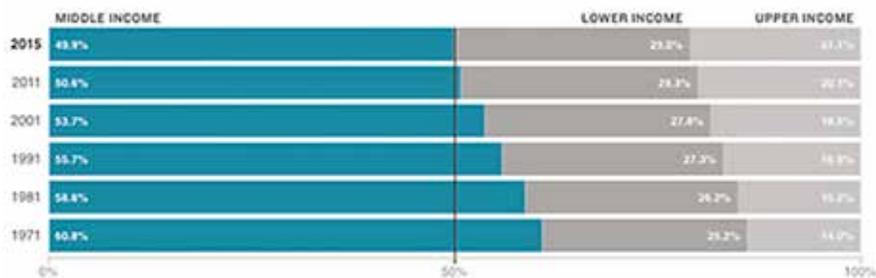
Можно уверенно сказать только одно – что основными вехами этого стали расцвет глобализации, технологический прогресс, во главе которого и стояли, по иронии судьбы, США, и массовый вывоз американского производства за рубеж. А вот год, когда средний класс из большинства стал в США меньшинством, вернее, опустился ниже 50%, можно определить более или менее точно. Авторитетный исследовательский центр «Пью ресерч» (Pew Research Center) провел масштабное исследование того, как на протяжении десятилетий менялась структура населения США, с фоку-

сом на средний класс. Эксперты пришли к выводу, что 2015 год стал тем годом, когда впервые за долгое время средний класс опустился ниже 50% от всего населения США.

Менее половины взрослого населения сегодня средний класс

Less Than Half Of Adults Now Middle Class

The middle class, which has long made up the majority of the U.S. population, finally dipped below 50 percent in 2015. Pew defines middle-class income as at least two-thirds of the U.S. median household income, but no more than double the median.

Notes

Some years may not add up to 100 percent due to rounding.

Source: [Pew Research Center](#)

«...Благодаря закрытию заводов, переносу производств в другие страны, в основном, азиатские, а также прочим экономическим факторам, численность среднего класса составила в 2015 году 120,8 миллиона взрослых, в сравнении с 121,3 миллионами американцев с доходами ниже и выше среднего. Подсчет о принадлежности граждан к какому-либо классу составлен по следующей формуле: если годовой доход семьи, состоящей из трех человек, граничит между 42 тысячами долларов и 126 тысячами, то семья принадлежит к среднему классу. Все, что ниже 42 тысяч, означает принадлежность к классу ниже среднего и, соответственно,

выше 126 тысяч – к выше среднего. Используя эту формулу, Пью Центр заметил, что в 1971 году 2 из 3 американских семей принадлежали к среднему классу и с того времени средний класс постоянно сокращался, до сегодняшних 49,9%. Процент жителей с доходом ниже и выше среднего класса также менялся, достигнув на 2015 год 29% и 21%, соответственно. Помимо этих сухих цифр, исследователи заметили очень важную вещь, характеризующую рост социального неравенства в США. Да, утверждает Пью Центр, с 1971 года доходы всех американцев в среднем выросли на 34%. Но и это – как со средней температурой по больнице: доходы семей выше среднего класса выросли на 47%, в то время как доходы семей ниже среднего – только на 28%» [110].

По данным международного объединения организаций по борьбе с бедностью Oxfam, «...за последние 30 лет зарплаты половины населения США не выросли, в то время как доход одного процента самых состоятельных людей в стране увеличился на 300 процентов. 8 супербогачей мира, большинство из которых – граждане США (глава Microsoft Билл Гейтс, глава испанского дома моды Inditex Амансио Ортега, американский финансист Уоррен Баффет, мексиканский магнат Карлос Слим, владелец Amazon Джефф Безос, создатель Facebook Марк Цукерберг, владелец Oracle Ларри Эллисон и бывший мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг) владеют таким же богатством, что и 3,6 миллиарда жителей, или около половины населения Земли» [111].

По данным Harvard Business Review, «...в 1978 году CEO крупнейших корпораций зарабатывали в 35 раз больше, чем средний рабочий. Сегодня это соотношение: 300 к 1.

Количество долларовых миллионеров в мире с 2000 года увеличилось на 164%. Около 35 миллионов жителей нашей планеты являются долларовыми миллионерами, из них 41% – это граждане США. Еще одно интересное исследование провел центр изучения образования и рабочей силы Джоржтаунского университета, который пришел к выводу, что количество высокооплачиваемых мест – растет, а число среднедоходных мест – стагнирует. Сегодня экономика США имеет больше 1 миллиона высокооплачиваемых мест, в то время как рынок труда со средним доходом все еще не восстановился и имеет на 900 тысяч вакансий меньше. Главный вывод университетских экспертов свидетельствовал о том, что неравенство растет и по причине того, что высокодоходные места появляются в подавляющем большинстве для претендентов с высшим образованием. Так, из 2,9 миллиона высокооплачиваемых мест 2,8 миллиона были заняты работниками со степенью минимум бакалавра» [112].

Глобализация, символами которой являются ряд брендов американской экономики, таких, как Макдоналдс или Кока-Кола, и стала той движущей силой, которая изменила социальную структуру страны. Если мы ответим на вопрос, кто же являются главными бенефициарами последней стадии глобализации и свободной торговли, то многое станет понятным, в том числе, и то, что происходит во внутренней политике США, да и в других странах развитого мира.

Как показывает исследование, проведенное Гарвардской Бизнес-школой, к большому удивлению многих, главный куш получил не средний городской класс, который на протяжении многих веков был главным бенефициаром развития

технологического процесса, а самые богатые жители развитых стран, так называемый Топ-1% и, неожиданно, самые бедные жители развивающихся стран! Да, пирог благосостояния американцев за последние десятилетия значительно вырос. Но вырос он, в основном, за счет доли тонкой прослойки супер-богачей, и в некоторой степени – за счет образованного класса американцев с доходом выше среднего.

Однако есть и другое мнение. Ричард Ривс из института Брукингса приводит данные, что «основным бенефициаром экономического роста в США стала так называемая верхняя прослойка среднего класса (upper middle class), а именно верхние 20 процентов населения. Ривс говорит, что «в то время, как между 1979 и 2013 годами средний доход для 80% населения вырос всего на 42%, для верхних 19% он вырос на 70%. Именно этот высший средний класс является самым главным получателем (и, естественно, хранителем) выгод от налоговых льгот на высшее образование и частные дома. По данным Ривс, высший средний класс получает от налоговых льгот около 450 миллиардов долларов дохода, тогда как 40 нижних процентов американского населения – всего 1/3 от этой суммы» [113].

Как отмечает один из самых ярких критиков сложившейся политической системы США, Фрэнсис Фукуяма, «...к большому сожалению, движение финансов и капитала из развитых экономик к развивающемуся миру привело не к новым экономическим дивидендам для среднего класса США и Европы, а к существенным потерям для них. Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. По некоторым оценкам, в результате конкуренции, создаваемой импортом ки-

тайских товаров, США с 1999 по 2011 год потеряли от 2 до 2,4 миллионов рабочих мест. Разница в стоимости рабочей силы между Соединенными Штатами и многими развивающимися странами настолько велика, что трудно себе представить, какая политика могла бы защитить массу рабочих мест, не требующих высокой квалификации. Любая промышленно развитая держава, включая страны, которые куда больше привержены идее защиты своей производительной силы (например, Германия и Япония), в течение нескольких десятилетий переживает снижение относительной доли производства в ВВП. Даже Китай начинает терять рабочие места из-за автоматизации и производителей с более низкой себестоимостью продукции в таких странах, как Бангладеш и Вьетнам.

Фукуяма объясняет победу популиста Трампа тем, что «доходы рабочего класса на протяжении жизни последнего поколения снижались – особенно резко для белых мужчин без высшего образования. Для этой группы лозунг Трампа «Вернем Америке величие!» имеет реальный смысл – интересно, что, Фукуяма, являясь оппонентом Трампа, говорит, что, наконец, – ...после нескольких десятилетий, американская демократия реагирует на усугубление неравенства и экономического застоя, с которыми сталкивается большая часть населения. Социальное положение снова в центре американской политики – оно важнее других водоразделов, таких, как расово-этнические, проблемы гендерного равенства, сексуальной ориентации, географии, доминировавших на последних выборах» [114].

Джозеф Стиглиц тоже усматривает причину успеха Трампа

па в неравенстве и стагнации доходов среднего класса. «... Распределение доходов на самом нижнем уровне шкалы, такое, как было 60 лет назад, с учетом инфляции. Однако, по мнению экономиста, Трамп абсолютно неправ как в отношении диагноза неравенства, так и в отношении лечения этой проблемы. Деиндустриализация американской экономики произошла бы и без свободной торговли с миром: занятость в промышленности падает в глобальном масштабе. Ущербоность торговых соглашений для интересов США объясняется не тем, что торговые партнеры обхитрили Америку, а тем, что американская торговля формируется, прежде всего, с учетом интересов крупных корпораций» [115].

В оценке экономического неравенства есть и социопсихологический аспект, и он очень важен – и с точки зрения электорального поведения того же среднего класса, может, уже и не большинства в американской социальной стратификации, но все еще первого среди равных, и с точки зрения его восприятия мировой и американской экономической ситуации. Поведенческая психология утверждает, что «даже если твоя жизнь улучшается в абсолютном плане, как это и произошло со средним классом США (люди стали жить намного лучше, чем их родители), ты, тем не менее, усматриваешь в этом очень мало психологических преимуществ, если твоя жизнь не улучшается так же быстро, как жизнь твоих соседей. Поэтому неравенство имеет такой мощный негативный эффект для национальной психики» [116].

Победа Трампа на выборах президента США, а также Брекзит в Великобритании, популярность Марин Ле Пен во Франции, Герта Вилдерса в Нидерландах и пр. показали и

другое: что противников постиндустриализации общества много не только вне пула развитых стран, но и в самих этих странах. Очевидно одно, что популизм всех мастей, от лево-радикалов в Европе до праворадикалов, таких, как Трамп, будет и дальше процветать и приводить на выборы миллионы рассерженных граждан – до тех пор, пока 8 миллиардеров будут владеть половиной богатства мира. Трамп – это зеркало постиндустриальной контрреволюции и антиглобализма уже в развитых странах мира. Проблема же, на мой взгляд, заключается в том, что, выражая чаяния миллионов граждан, играя на их чувствах, 45-й президент США пока что не имеет четкого видения, альтернативной концепции, как претворить свои предвыборные обещания. Ибо, претворив их, он, как бизнесмен и бенефициар глобализации, станет одной из первой жертв этой борьбы.

3.4 Black lives matter, или работает ли еще американский «плавильный котел»?

Утром 19 ноября 2015 года я обнаружил в своей почте сообщение от полиции Гарвардского университета о ЧП, произошедшем на кампусе, точнее, в Гарвардской юридической школе. В одном из главных корпусов этой школы ночью кем-то были заклеены черной лентой портреты профессоров-афроамериканцев. В школе, которая стала одним из оплотов либерального мышления в США и выпускником которой является первый черный президент США Барак Обама. Шум и возмущение долго витали в аудиториях и коридорах по всему Гарварду, в том числе, а может, прежде

всего, в нашей Кеннеди школе, наиболее политизированной, либеральной и многонациональной. Хотя, надо признать, были и те, кто отнесся к случившемуся достаточно индифферентно, вроде как «it's not a big deal» (ничего серьёзного). Возможно, для некоторых моих сокурсников это и не было проблемой, но тема расизма в Гарварде стала известна по всей стране и вызвала широкие дебаты.

Американская пресса тогда писала о возрастающем числе инцидентов на почве расовой ненависти по всей стране, в частности, на университетских кампусах. Но главным трендом в сложных межрасовых отношениях в американском обществе становятся, кстати, не физические столкновения или открытые проявления расизма, как это случилось в Гарвардской юридической школе. С такими случаями легче всего бороться, и открытые проявления расизма до появления Трампа сокращались.

Сегодня расизм в США чаще принимает скрытую форму. Проявляется это, прежде всего, в расовой изоляции, когда белые предпочитают быть с белыми, черные – с черными, и т. д., и выражают полное пренебрежение к остальным. В беседе один белый американец так объяснил мне ситуацию: «...я не буду никогда говорить публично «ниггер» или призывать к насилию против других рас, не вступлю в Ку-Клукс-Клан, но я не хочу быть в обществе черных, я их просто не люблю». Такая расовая изоляция происходит в США повсеместно – в школах, университетах, на рабочих местах. Скрытый расизм сегодня выражается и в отказах на прием на работу, продвижение по карьерной лестнице, занятие руководящих должностей, прием в престижную школу, клуб,

и т. д.

В Советском Союзе дружбы народов не получилось, и в этом смысле ситуация в США очень схожа. Расовые отношения трудно решать чисто механически, через улучшение экономики. Афроамериканцы, белые, азиаты в США, в основном, пересекаются в общественных местах, на работе, и им до сих пор мало места в человеческих отношениях. Не знаю, может это и естественно, но уровень межрасовых коммуникаций не может не сказываться на стабильности в стране, и опыт СССР, распад которого произошел, в том числе, и по причине плохих межэтнических отношений, должен стать поучительным.

Поднимая проблему живучести расизма в США, меньше всего хотелось бы экстраполировать эту болезнь на всё американское общество, замазать всех одной краской. Конечно, американцы в большинстве своем, что называется, «переболели» расизмом. Американское общество успешно продвинулось в этом направлении, наверное, дальше всех на планете. В стране давно уже нет рабства, расовой сегрегации, запретных мест для цветных, отдельных скамеек и школ, расового или этнического квотирования для учебы и работы. Хотя «давно», наверное, не слишком верное слово. Более точно можно сказать «чуть более полувека», то есть небольшую часть истории США.

Борьба за равноправие, несомненно, принесла свои большие и видимые успехи. Но в какой-то момент эта борьба и фанатично внедряемая политкорректность начали работать в минус, еще больше усугубляя межрасовые отношения. Теперь уже белое большинство начало испытывать дискрими-

нацию меньшинства. Если кто-то был первым на увольнение или понижение – это был белый, а, точнее говоря, белый мужчина. Даже возникли шутки, что лучше всего в США быть черной женщиной-инвалидом с нетрадиционной ориентацией.

Как итог, сегодня многие интерпретируют «победу» равноправия по-своему. Некоторые представители белых американцев говорят прямым текстом «...мы считаем их (черных или всех цветных) равными в правах, но жить все-таки хотели бы отдельно от них».

Триумфальная победа Трампа в ноябре 2016 года еще более катализировала проблему ксенофобии и расизма. Сложные и противоречивые вопросы межрасовых отношений, которые долгие годы успешно замалчивались и камуфлировались под толстым слоем политкорректности, вновь вышли, прорвались на поверхность общественно-политической жизни в США. Ожили все «дремавшие» доселе праворадикальные организации, в том числе и знаменитый Ку-Клукс-Клан.

А ведь казалось, что появление в 2008 году на политической сцене, сначала – в качестве сенатора, а потом – и президента США молодого и энергичного афроамериканца, с нетипичным даже для черного населения страны именем Барак Хуссейн Обама, успешно перевернуло последнюю страницу целой главы сложных, в основном, позорнейших отношений между белым большинством и так называемым «цветным» населением Америки.

Без преувеличения, ветер перемен ощущался в первое время президентства Обамы практически повсеместно, в медиа, в росте положительных оценок американцами меж-

расовых отношений, выросших по разным данным «...с 40% в 1992 году до 52% в 2009. Именно столько американцев думало, что можно искоренить дискриминацию полностью» [117].

Однако оказалось, что в стране, которая еще недавно казалась таким эталоном гармоничного сосуществования представителей практически всех народов на земле, расовые предрассудки и неприязнь живут и бурно процветают. «...Известный исследовательский центр по изучению общественного мнения, Институт Гэллапа, измеряет отношение белых и черных американцев к расовой проблеме на протяжении более 50 лет и на основе недавних исследований пришел к выводу, что различия продолжают сохраняться на достаточно высоком уровне. По таким вопросам, как обе группы относятся к вопросу расовой дискриминации, необходимости новых гражданских прав, к правоохранительной системе» [118].

Масло в огонь подливают и СМИ. Постоянно тиражируемая СМИ картина убийств чернокожих белыми полицейскими вызывает ответную бурю протестов и насилия. Сколько за всю историю США было убито полицейскими, законно и незаконно, чернокожих сограждан, подсчитать, наверное, не возьмется никто. Но в последнее время такие инциденты стали происходить с пугающей частотой. Трагические события второй половины 2014 года, особенно всколыхнувшие Америку, когда в штате Миссури полицейский расстрелял безоружного чернокожего подростка, а также ряд очень схожих по сценарию событий, когда белые полицейские убивали афроамериканцев, практически одновременно случив-

шихся в других городах и штатах, вновь со всей остротой подняли в американском обществе вопрос злоупотребления оружием со стороны полицейских.

Одностороннее видение проблемы ведет к некоему искаженному, однобокому восприятию действительности. Черпая информацию только из СМИ, можно прийти к выводу, что полиция США только и занимается убийствами своих чернокожих сограждан. Но если посмотреть статистику, например, подготовленную Гвардиан, по детализированному количеству американских граждан, убитых полицейскими в 2015 году, то окажется, что «...из 1146 жертв полиции США «всего лишь» 306 были афроамериканцами и большинство убитых были белые – 581. Вместе с тем, с точки зрения количества убитых на миллион афроамериканцев и белых, картина получается уже совсем другой. Частота убийств полицейскими будет 7,27 афроамериканцев на 1 миллион и 2,93 белого населения, то есть более чем в два раза. Здесь надо учесть, что в основном жертвами полицейских становились люди, нападавшие на полицейских, часто с оружием в руках» [119].

Но самое интересное, что «в 6095 случаях убийств чернокожих американцев в 2014 году в подавляющем большинстве, по некоторым данным, около 97%, их убийцами были такие же чернокожие американцы» [120].

Очевидно, что объяснить происходящее всего лишь расовыми предрассудками было бы большим упрощением. Если взять хотя бы ту же статистику за 2015 год, то окажется, что самое последнее место в списке убитых американцев по расовой принадлежности занимают азиатскоамериканцы –

28 человек. Можно, конечно, говорить об относительно малой численности азиатов в США, но с точки зрения частоты они также на последнем месте – 1,34 убийства на один миллион азиатского населения США. То есть, объективности ради, говорить о некоей тотальной ненависти и предвзятости белых полицейских ко всему цветному населению абсолютно неправильно. Так в чем же дело?

Во-первых, полиция в США вообще не привыкла церемониться ни с кем, кто нарушает закон. Расовый признак здесь вторичен. И надо сказать, что за это полицию в США и уважают. Полиция в США – это основной институт безопасности в глазах общества, полицию здесь не боятся и не переходят на другую сторону улицы, а знают, что, в случае чего, полицейский – главный помощник и защитник. Уровень доверия к полиции в США выше, чем ко всем другим институтам власти, даже президентской. Это говорит о многом.

Другое дело, что предрассудки, имеющие место в отношении афроамериканского населения, произрастают из сложившегося века назад неравноправного социально-экономического положения чернокожего населения в США. За долгие годы создался устойчивый имидж, восприятие черного населения США как необразованного, бедного, склонного к криминалу и насилию.

Даже в благополучном Бостоне, одном из наиболее развитых городов США, есть районы, куда без особой надобности лучше не заходить, такие, как Роксберри или Джамайка Планта, с преимущественно чернокожим населением. Что говорить о других, менее экономически развитых городах США, где черное население является устойчивым символом

криминала и неблагополучия.

Хотя, в контексте проблемы межрасовых отношений в США, идея белого превосходства остается стержневой, сегодня предрассудки и расовую неприязнь можно встретить и в местах компактного расселения черного или испано-язычного населения.

Расизм перестал быть исключительно белым. Ведь изначально белый расизм породил в американском обществе не только Мартина Лютера Кинга, с его концепцией ненасильственного сопротивления и мирного сосуществования с белым большинством, но и радикальных сторонников ответа на дискриминацию черных. Самым известным из них стал «...афроамериканский исламский проповедник Малколм Икс – создатель организации Нации Ислама и главный идеолог так называемой концепции «черного превосходства и расизма». Была у черных расистов даже такая дикая идея, как отделение ряда южных штатов от США и создание «Республики Новой Африки» [121].

Однако было бы слишком упрощенным – смотреть на межрасовые проблемы американского общества только сквозь призму социально-экономических различий евро- и афроамериканского населения США. Картина межрасовых конфликтов в американском обществе не ограничивается только лишь сложными отношениями белого большинства и черного меньшинства.

В числе постоянных – можно сказать, исторически постоянных объектов дискриминации находятся и коренные народы США, и растущее латиноамериканское население, и азиатскоамериканское население. О последнем известно мень-

ше всего, хотя этот феномен заслуживает своего отдельного внимания, в том числе и потому, что в США появляется казахская диаспора, являющаяся частью одной из наиболее быстро растущих, азиатоамериканской части населения страны. Азиатоамериканцы – это, прежде всего, китайцы, индийцы, корейцы, японцы, вьетнамцы, филиппинцы, тайцы и прочие представители, в основном, Юго-Восточной Азии.

Для себя с большим удивлением открыл, что азиатоамериканцы, численно увеличиваясь, становятся и самой быстро растущей группой-объектом для преступлений на почве расовой ненависти, так называемых hate-crimes. Расистские нападения на выходцев из Азии по количеству на 100 тысяч населения уже вытеснило количество аналогичных нападений на афроамериканцев, латиноамериканцев, коренных жителей, евреев и т. д. Для меня это было удивительно по двум причинам.

Прежде всего, традиционно азиатоамериканцы считаются наиболее законопослушной и неконфликтной группой в США. Китайцы, индийцы, корейцы, вьетнамцы и другие выходцы из Азии стараются жить мирно и обособленно, не привлекая внимания посторонних. Даже азиатские этнические криминальные группировки, такие, как, например, знаменитые японская Якудза, китайская Триада ведут свои криминальные дела в основном внутри своих сообществ.

Видимо поэтому азиаты, хотя и становятся часто подвергаемой дискриминации расой, все еще мало фигурируют в официальных статистиках и исследованиях. Например, «...проведенное ФБР исследование по преступлениям, со-

вершенным на расовой, религиозной, этнической и нетрадиционной сексуальности почве, названное как «11 запахов предубеждений», не выявило таких преступлений в отношении азиатов. Нападения или угрозы 11 категорий были направлены против чернокожих, белых, латинос, мусульман, евреев, гомосексуалистов и т. д.» [122].

Кроме того, именно азиатоамериканцы считаются самой экономически успешной расовой группой в США. «...Азиаты имеют более высокие доходы, чем все другие группы в США, в среднем зарабатывая \$68,088, что намного больше, чем у белых американцев с их \$54,857 и почти в два раза больше, чем у афроамериканцев с \$35,341» [123].

Еще один немаловажный факт, отражающий большой потенциал азиатского населения США. В среднем азиатоамериканцы более образованны, чем в среднем население страны. По исследованиям журнала «Экономист», 49% американских азиатов имеют степень бакалавра по сравнению с 28% в среднем по Америке. Растущая иммиграция с Азии, возможно, еще сильнее увеличит образовательный разрыв с другим населением США, так как новые иммигранты еще более образованны – 61% новых иммигрантов имеют степень бакалавра.

Получается занятная картина – азиатоамериканцы, экономически успешная часть американского общества, меньше всех просят и нуждаются в помощи со стороны государства, менее конфликтны, по крайней мере, с посторонними, и, тем не менее, именно они вызывают самую большую агрессию со стороны других рас и этнических групп!

Причин такой расовой ненависти достаточно много.

Во-первых, дискриминация азиатов имеет глубокие исто-

рические корни. Много говорится и пишется о дискриминации черного населения Америки, чуть меньше – о выходцах из Латинской Америки и совсем мало – об азиатах. Между тем, история США имеет немало темных пятен относительно ее азиатских граждан. К примеру, заключение под стражу и организованный правительством США вывоз из западных штатов вглубь страны в концентрационные лагеря, как неблагонадежных, почти 120 тысяч граждан японского происхождения во время Второй мировой войны. В то время, как не было фактов массовой дискриминации граждан США немецкого или итальянского происхождения в этот же период. Это был, на мой взгляд, целенаправленный расизм на государственном уровне, последствия которого чувствуются до сих пор.

Вторая причина, на мой взгляд, связана с экономической успешностью азиатов в США. Сегодня наблюдается, к примеру, настоящая экспансия выходцев из Индии – в бизнесе, IT-индустрии, медицине, образовании, китайцев – в сфере предпринимательства, питания, недвижимости и т. д. Профессиональная успешность всегда вызывает у определенной, менее успешной части населения отрицательные чувства, дает почву для расизма, причем не только со стороны белого населения.

Дело в том, что, в отличие от белого и черного населения страны, массовая миграция азиатского населения, прежде всего китайцев, в США началась относительно недавно, формально – после отмены поправок о национальных квотах в 1965 году, но фактически в 80–90-х годах XX века, которая с каждым годом все больше набирает обороты. Из больших

азиатских групп только японское население США мигрировало в основной своей массе до Второй мировой войны. Новые мигранты часто не воспринимаются ни со стороны белого населения, ни со стороны афроамериканцев как «настоящие» американцы, которые и построили Америку. Поэтому сформировалось довольно устойчивое отношение и предубеждение к азиатам, как к понаехавшим на все готовое.

Сегодня все чаще звучит мнение о том, что знаменитый «плавильный котел» уже не справляется с задачей формирования единой американской нации из разных расово-этнических групп. Более или менее хорошо справляясь с перемалыванием белых европейцев, хотя и очень разных, но расово и цивилизационно близких, где-то с начала 70-х годов «котел» начал давать серьезные сбои, когда в США хлынула волна с Азии, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Новые иммигранты, в большинстве своем, стали воссоздавать на новой родине традиционные социальные структуры, этнические гетто, самыми известными из которых являются Чайна-тауны. Формально они становились американцами, но фактически по-прежнему жили в своих этнических мирках, где нет острой необходимости взаимодействовать с внешним миром, знать английский, т. е. ни о какой интеграции в американское общество не могло быть и речи. По крайней мере, она откладывается на те поколения, которые, родившись и обучившись в школах и университетах, смогут успешно встроиться в американское общество.

На самом деле, на мой взгляд, все суждения о «сломанном котле» не имеют серьезных оснований, если смотреть на текущую ситуацию в ретроспективном ключе, вспоминая, что

схожие стадии встраивания разных этнических групп происходили со многими выходцами из стран Европы, с теми же итальянцами, ирландцами, поляками, греками и т. д. Пройдет время, и китайцы с корейцами, и индусы с пакистанцами, в конце концов, смогут стать интегральной частью американского общества. Я уверен, что подавляющее большинство новых иммигрантов искренне стремятся стать американцами, социализироваться, принять американские ценности, не забывая при этом и свои национальные. Многие новые граждане становятся даже еще большими патриотами США, чем «старые».

За исторически короткое время американское общество сделало гигантский шаг в общественном развитии. Минуло всего лишь чуть более полувека с момента исторической речи I have a Dream (У меня есть мечта) лидера движения за равноправие афроамериканцев, доктора Мартина Лютера Кинга 28 августа 1963 года и избранием 44-м президентом США первого афроамериканца. И минуло всего чуть больше полувека, когда в октябре 1965 года президент США Линдон Джонсон подписал революционный «Иммиграционный акт», отменяющий систему, ориентированную на преимущественно «белую» иммиграцию в США, с жёстким квотированием «цветной» иммиграции.

Исполнилась ли мечта Мартина Лютера Кинга, Джона Кеннеди и всех других идеалистов, мечтающих о равном справедливом обществе для всех? На этот вопрос, наверное, никто не сможет ответить однозначно. В какой-то мере, безусловно, да. В США еще живо поколение, помнящее расовую сегрегацию в южных штатах страны, отдельных школах,

о местах в ресторанах и автобусах для цветного населения, абсолютно бесправного. И наоборот, выросло многочисленное поколение американцев, для которых расизм является постыдным рудиментом прошлого и абсолютной дикостью.

На взгляд человека, много лет прожившего в Польше и целое студенческое лето проработавшего в Великобритании, бок о бок с англичанами, испанцами и чехами, межрасовые отношения в Европе не идут ни в какое сравнение с США. Как ни считай Францию или Англию полиэтничными странами, с высоким уровнем толерантного отношения к другим расам и этническим группам со стороны коренного населения, Франция – это страна, в первую очередь, французов и Англия – это страна англичан. По этому поводу я вспоминаю изречение одного гражданина Великобритании африканского происхождения, сказавшего следующее: «...когда я прилетаю в США, то любому гражданину США, независимо от его расового происхождения, говорят Welcome Home, а когда я прилетаю в Британию, мою родину, никому и в голову не придет сказать мне такую фразу!».

Этногеографическая картина в США стремительно меняется. Очень скоро белое большинство перестанет быть таковым, и с этим ничего не поделаешь. Белые американцы, как все еще большинство, это понимают и принимают. Они также понимают, что расизм в США – это тупик и прямой путь к развалу многонациональной страны, которую создали иммигранты со всего мира, в стране, где не протестантство, католичество, ислам и буддизм, а свобода человека и его права являются основной объединяющей всех религией.

3.5 Терроризм и исламофобия

По данным социологических исследований, проведенных Институтом Гэллага в 2015 году, «...угроза массовых террористических атак все больше тревожит американцев, а именно 51% опрошенных» [124]. Тревога простых американцев вполне объяснима – на фоне роста угрозы терроризма по всему миру. Однако, в Глобальном индексе терроризма за 2012 год «...США занимают лишь 41-е место среди государств мира по количеству терактов, совершенных на их территории. Для сравнения: Россия в этом мрачном рейтинге занимает 9-е место из 158, выше России только Ирак, Пакистан, Афганистан, Индия, Йемен, Сомали, Нигерия и Таиланд. Казахстан, к слову, занял еще более безопасное место – 47-е» [125].

Однако, теракты 11 сентября 2001 года в США, образование такой супертеррористической организации, как ИГИЛ, череда террористических атак с многочисленными жертвами, произошедших в последние годы в Европе (в Париже, Ницце, Брюсселе и т. д.), способствовали тому, что терроризм в США стал ассоциироваться у американцев с преимущественно внешней угрозой, а сами террористы – с мусульманами. Общемировая проблема исламофобии не обошла и США.

Хотя богатая история терроризма в США насчитывает сотни громких террористических актов, начиная с произошедшего 14 апреля 1865 года убийства президента США Абрахама Линкольна, которые совершались право- и леворадикальными, националистическими группировками и одиночками, именно исламистские террористические организации вышли в последние годы на первый план. 11 сен-

тября 2001 года стало неким апофеозом их деятельности. Последовавшие за этим другие громкие теракты, такие, как, к примеру «Бостонский марафон» в 2013 году и резня в Орландо в 2016 году, совершенные выходцами из мусульманских стран или мусульманами-американцами, еще больше укрепили веру простых американцев в некую «исламскую террористическую угрозу», «исламский фронт против западной цивилизации».

Вместе с тем, теракты последних лет, всколыхнувшие все американское общество, вскрыли много недочетов в системе национальной безопасности страны и в отношении распространения радикальной религиозной идеологии, в частности. Только после трагедии 2001 года американцы узнали, что террористические группировки пустили в их стране очень глубокие корни. Так, по оценкам Центра политики безопасности (Center for Security Policy), 80% мечетей в США контролировались «ваххабитами». Ряд стран Ближнего Востока щедро спонсировал распространение радикальных течений в исламе среди мусульман США.

Американцы, активно, со свойственным им прагматизмом взявшиеся за нейтрализацию лиц и организаций, вставших на прямой путь террора и экстремизма, очень осторожно подходят к демонтажу исламистских структур, объясняя это, как минимум, двумя обстоятельствами.

Во-первых, США дорожат принципами религиозной свободы и не хотели бы огульного обвинения «ваххабизма» в терроризме. Так, Джон Хэнфорд, занимавшийся в Госдепартаменте США международными вопросами свободы религии, представляя новый ежегодный доклад Госдепар-

тамента о свободе вероисповедания в мире, особо остановился на ваххабизме и заявил, что «США не считают его изначально преступным течением в исламе и придерживаются «взвешенного подхода». Вопрос стоит не о религиозных убеждениях человека, а о том, как он их исповедует – не толкают ли они его на причинение вреда другим и на совершение терактов. Не случайно в официальной терминологии американцы разделяют такое вроде бы цельное понятие, как экстремизм, градируя его на «просто» экстремизм и насильственный экстремизм и, тем самым, говоря, что любой, кто пока не встал на путь причинения насилия, не может рассматриваться как преступник.

Во-вторых, Соединенные Штаты и Саудовскую Аравию связывают давние отношения партнерства и любые действия против «ваххабитских» структур могут быть истолкованы как антисаудовские, а Саудовская Аравия, как известно – один из ключевых партнеров США на Ближнем Востоке и в целом в мусульманском мире» [126].

В целом мусульмане постепенно становятся заметной частью американского общества и в демографическом, и в религиозном плане. Ислам, как и практически во всем мире, выходит на одно из первых мест по динамике роста числа последователей в США. Вообще, следует учитывать особенности законодательства США – например, вопрос статистики религиозной принадлежности запрещен законодательством США и потому официальной статистики на этот счет просто нет. По некоторым данным, в 2015 году в США проживали 3,3 миллиона мусульман всех возрастов, что составляет около 1% населения страны. Работа 2014 года

«Изучение религиозного ландшафта» (на английском и испанском языках) показала, что 0,9% взрослых американцев идентифицируют себя как мусульман. По результатам опроса 2011 года среди американских мусульман, проведенного на английском, арабском, фарси и урду, в стране проживают 2,75 миллиона мусульман, из них 1,8 миллиона – взрослых. Этот же опрос показал, что большинство (63%) американских мусульман – иммигранты. Согласно демографическому прогнозу, к 2050 году мусульмане составят 2,1% населения США и станут второй по численности религиозной группой страны, не считая людей без религии (в настоящее время эту позицию занимают иудеи).

Лично для меня было открытием, что ислам в США долгое время был преимущественно черным или, говоря политкорректнее, афроамериканским. Дело в том, что в период долгих сотен лет афроамериканцы, насильно привезенные из Африки, не знали своих корней, происхождения, не имели фамилий. В итоге, большинство черных рабов брали фамилии своих рабовладельцев. Поэтому предрасположенность афроамериканцев к исламу объясняется как поиск черного населения США своей независимости – и в этническом, и в религиозном отношении – от белой расы. Кстати, известный факт, что многие афроамериканцы пришли к исламу через тюрьмы. С учетом того, что 40–45% от всех приверженцев ислама в США составляют афроамериканцы, растущая исламофобия может принять откровенно расистский характер, с нападениями, убийствами и массовым насилием, причем по обе стороны «баррикад».

Помимо афроамериканцев, «...другими крупными групп-

пами являются выходцы из Южной Азии (Пакистан, Индия, Бангладеш), составляющие примерно 25% в структуре американских мусульман. Третьей по численности этнической группой среди мусульман США являются арабы, выходцы из Египта, палестинцы и ливанцы (около 15%). Можно также выделить достаточно компактную группу выходцев из Ирана (3,5–4%). В последние годы в США заметно растет число латинос-мусульман: в 2011 году они, согласно опросу имамов 524 мечетей (из более чем 1200 по всей стране), составили 12% всех новообращенных. Этим объясняется высокая плотность мусульманского населения в Техасе и Флориде. На быстрый рост числа мусульман влияет и растущая иммиграция из исламских стран: если в 1992 году в Штаты въехало около 50 тысяч мусульман, то в 2009 году – уже 115 тысяч» [127].

Быстрорастущее исламское население США на фоне роста угрозы террористических атак со стороны ИГИЛ и других организаций не могла не повлиять на умонастроения в американском обществе. После 11 сентября США захлестнула настоящая волна исламофобии.

Интересно, что, согласно опросу, американцы-республиканцы сильнее демократов озабочены исламским экстремизмом в мире (о сильной озабоченности говорят 67% опрошенных республиканцев и 40% демократов) и в США (64% и 30%, соответственно). Декабрьский опрос 2016 года показал, что республиканцы чаще демократов согласны с утверждением, что ислам больше других религий поощряет насилие (70 и 26%, соответственно). Большинство американцев (57%) согласны с тем, что в США существует сильная дискриминация мусульман, но в этом вопросе партии

также разделены: среди демократов так считают 69%, а среди республиканцев – 40%. По итогам опроса, проведенного в январе 2016 года, около половины американцев (49%) полагают, что, по крайней мере, «некоторые» мусульмане в США настроены антиамерикански. Приверженцев этого мнения больше, чем тех, кто считает, что так настроены лишь «немногие» мусульмане или «ни один».

За последние 14 лет партийность позиций по этому вопросу заметно усилилась (см. график), но, согласно февральскому опросу 2017 года, большинство американцев не считают, что мусульмане в США массово поддерживают экстремизм. Около 40% придерживаются мнения, что поддержка экстремизма невелика, а 15% – что её нет вообще. Около 25% полагают, что заметное число американских мусульман поддерживает экстремизм, и 11% – что степень поддержки очень велика» [128].

Расизм, фобии, настороженность у простых людей с момента терактов 11 сентября 2001 года выросли несоизмеримо. Это чувствуется до сих пор, спустя много лет, когда прилетаешь в США. По очень пристальному контролю в пограничной зоне аэропорта, по особому вниманию ко всем, кто въезжает по паспортам стран так называемой повышенной террористической опасности, в том числе и группы «Станов», куда, к нашему большому сожалению, входит и Казахстан. Страны из категории «Стан» имеют у среднего американца, скорее, отрицательную коннотацию и вызывают живые ассоциации, связанные с бедностью, коррупцией, террором и общей небезопасностью. Да, конечно, за последние годы знания о Казахстане в США сильно выросли, и это

связано не только с Боратом, хотя его вклад пока остается осязаемым. Многие молодые, образованные американцы знают Казахстан, скорее, как перспективный рынок для развития бизнеса, как страну, куда можно вкладывать инвестиции, и это не может не радовать.

Мусульмане стали объектами повышенного внимания и дискриминации везде, где бы они ни находились: в школах, мечетях, на работе, в общественных местах, ну и, конечно же, в аэропортах, где граждан с арабской, мусульманской внешностью выделяют и досматривают с особенной тщательностью. Даже спустя много лет настороженность ко всему, что связано с исламом, вызывает порой острую и неадекватную реакцию у простых граждан США. К примеру, СМИ нередко транслируются сюжеты, когда с самолета ссаживаются люди, которые просто говорили между собой на арабском языке. Дошло даже до казуса, на борту рейса American Airlines задержали подозрительного человека, который делал, по мнению других пассажиров, какие-то очень подозрительные записи у себя в блокноте и имел характерную ближневосточную внешность. Одна из пассажирок предположила, что он может быть террористом, и потребовала, чтобы его вывели из самолета. Впоследствии оказалось, что этот «подозрительный» человек – итальянец, уважаемый профессор математики Пенсильванского университета, а его «подозрительные» записи были ни чем иным, как дифференциальными уравнениями!

Хотя, как это часто бывает, когда за тремя соснами не видят леса, эксперты говорят о том, что террористическая угроза для США кроется не столько в «исламских» террори-

стических организациях, сколько в новом феномене, характерном для всего мира – так называемых «волках-одиночках». Как говорят о таких террористах аналитики ведущего американского мозгового центра «Heritage Foundation», «...их трудно предугадать, если вообще возможно, потому что о будущих терактах знают только они или очень узкий круг лиц, их мотивами движут самые различные обстоятельства, зачастую далёкие от любых религий» [129]. Как в случае с орландским стрелком и другими инцидентами, такими «волками-одиночками» движут в основном мотивы личного плана, неудавшаяся личная жизнь, проблемы на работе, ну и, конечно, психические отклонения. Такие одиночки, совершая теракт, как правило, хотят привлечь как можно больше внимания, и самое лучшее в этом случае – встать под знамена уже известных террористических организаций, таких, как ИГИЛ, Аль-Каеда и т. д.

В результате сегодня перед спецслужбами США, перед правительством страны стоит большая задача: как в противостоянии с реальной угрозой не дать распространиться в обществе другой угрозе – исламофобии, и связанными с ней межрасовыми и религиозными проблемами.

3.6 Здравоохранение США: назревшие реформы

Американская система здравоохранения оставляет двойственное впечатление.

С одной стороны, живя в США, особенно в Бостоне, городе, где находятся лучшие клиники и врачи не только страны, но и всего мира, где медицинский туризм – одна из самых

больших статей дохода бюджета города и штата, нельзя не отметить налаженную, высокоорганизованную и качественную работу медицинской системы. На здравоохранение тратятся огромные деньги. «...Статья на здравоохранение в бюджете США на 2016 год заняла второе место – 28%, или в два раза больше, чем на национальную оборону. По расходам на медицину США занимают первое место в мире – 1,004 триллиона долларов из 3,95 триллиона долларов всего бюджета США на 2016 год» [130].

FY 2016 Program Spending

Source: Office of Management and Budget - Table 3.2

Профессия врача и в целом причастность к медицине в

США являются делом престижным и высокодоходным. Неудивительно, что число занятых в отрасли – свыше 10 миллионов человек.

Именно поэтому логичны и высокие, несмотря на жесткие требования, конкурсы в медицинские школы, и огромные, даже для американцев, цены на обучение. Однако само поступление ничего не гарантирует, диплом врача получают далеко не все, селекция огромная, а у оказавшихся в числе немногих счастливицков с дипломом нет никаких гарантий трудоустройства. К примеру, в Бостоне, привлекательном месте для работы в медицине, конкуренция среди врачей огромная, достигающая до 100 человек на место. Поэтому все очень дорожат своим местом врача, которое, к слову, и почетно, и приносит большой доход. Врач – одна из самых высокооплачиваемых профессий в США, с доходами выше среднего по стране – от 150 тысяч до нескольких миллионов долларов в год у знаменитых нейро- и кардиохирургов. При этом врачи, имея высокий статус и доход, не позволяют себе вести расслабленную жизнь, постоянно обучаются новым технологиям, поглощая огромные массивы информации о новых достижениях медицины, благо 90% всей информации в мире по медицине – на английском языке.

При этом связь медицинской науки и практики в США очень тесная, и не случайно, что именно в США созданы одни из лучших в мире условий для медицинских открытий и создания новейших препаратов. Видимым итогом сложившейся ситуации является тот факт, что 18 из 25 последних лауреатов Нобелевской премии по медицине были амери-

канскими гражданами.

Однако есть и оборотная сторона престижа и высокого статуса американского врача и качественной медицины.

Эксперты объясняют проблемы здравоохранения в США тремя основными причинами:

Во-первых, несмотря на огромные вложения в систему здравоохранения, продолжительность жизни, на фоне других развитых стран мира, остается довольно низкой. Как уже упоминалось ранее, продолжительность жизни в США отстает от таковой в ведущих странах ОЭСР, по крайней мере, на 4 года.

Во-вторых, медицинское неравенство среди населения страны, обусловленное расовой принадлежностью и доходами, продолжает увеличиваться. Так, «...покрытие медицинской страховкой достигло после реформы Обамы 90,9%, заняв всего лишь 33-е место среди стран ОЭСР и обогнав только охваченную кризисом Грецию. Кроме того, продолжительность жизни у 1% самых богатых мужчин Америки достигла 87,3 года, в то время как продолжительность жизни самого бедного 1% мужчин – лишь 72,7 года, ощутимая разница в 15 лет.

Наконец, невероятно высокая стоимость медицинских услуг, которые оказались самыми дорогими в мире. К примеру, затраты США на здравоохранение достигли в 2013 году 8,713 доллара на человека, в то время как средние расходы на человека среди всех стран ОЭСР составили 3,453 доллара» [131].

Действительно, медицина, как, впрочем, и все в США, превратилась в разновидность ведения бизнеса, продажи услуг населению. Сегодня США единственное среди стран

ОЭСР государство, не имеющее централизованной системы медицинской помощи. Это привело к тому, что в США появилась огромная прослойка людей, оставшихся без медицинской помощи. Бюро переписи населения опубликовало данные, согласно которым, «...в 2009 году не имели медицинской страховки 50,7 миллиона жителей (в том числе 9,9 миллиона неграждан), или 16,7% населения» [132].

Это означает, что для миллионов американцев, не имеющих медстраховки, любая серьезная болезнь, операция грозят неподъёмными финансовыми затратами и даже банкротством. В этом плане Америка, по мнению многих, очень жёсткая, если не сказать, жестокая страна. Не удивительно, что, занимая ведущие места в создании новейших технологий и лекарств в медицине, обладая самыми лучшими врачами в мире, США, по данным CIA World Factbook, находится на 41-м месте в мире по уровню детской смертности (самый плохой показатель среди развитых стран) и на 45-м – по продолжительности жизни.

Только действительно очень богатые люди могут позволить себе лечение без посторонней помощи. Оплаты за рядовые операции, такие, как, например, аппендицит, в США могут достигать десятков тысяч долларов. Редко какая американская семья со средним достатком сможет вытянуть такие расходы в одиночку.

Как результат, единственным спасением является медицинская страховка, суть которой заключается в том, что человек платит немного, но регулярно, чтобы потом, в случае серьезной болезни, основные расходы легли на страховые кампании. Страховая компания, которую каждый выбирает

самостоятельно, помогает с медицинскими расходами, тем самым, каждый обеспечивает себе защиту от непредвиденно высоких расходов в случае, если понадобится медицинская помощь.

И здесь для человека, ни разу не сталкивавшегося с медстрахованием, начинается самое интересное, потому что средняя цена страховки на взрослого человека в США сильно отличается по цене и варьируется от 150 до 500 долларов в месяц (цены на 2015 год). Таким образом, на семью в четыре человека, именно в таком составе мы проживали в США, расходы на страхование доходят до 1000 долларов в месяц. Серьезная сумма. Для многих американцев, даже работающих – неподъемная. И это – при том, что средняя страховка, как правило, покрывает медицинские расходы лишь частично. За некоторые услуги, к примеру, за лекарства, все равно приходится доплачивать некоторую сумму.

Цены на лекарства – это отдельная острая социальная тема. Сегодня многие пациенты, даже со страховками, не всегда могут позволить себе лекарства, цены на которые находятся на несоизмеримо более высоком уровне, чем в других развитых странах. Проблема – в том, что государство практически не регулирует ценообразование, оставив этот важный вопрос на усмотрение и ответственность фармацевтического бизнеса и рынка. Такой подход резко критикуется со стороны американцев, так как в этом случае во главу угла ставится прибыль фармкомпаний, которая в итоге оборачивается огромными, неподъемными затратами и жизнями многих американцев. К примеру, известен случай, когда «...компания Джилд Сайенс (Gilead Sciences) потратила

11 миллиардов долларов на покупку патента на препарат по лечению гепатита С у одной небольшой биотехнологической компании. Возмущение многих вызвал тот факт, что Джилид Сайенс, тратя всего 1 доллар на производство одной упаковки препарата, продает его покупателям за 1000 долларов. В итоге, в то время, когда Джилид Сайенс получает ежегодный 11-миллиардный доход от продажи этого лекарства, многие американцы болеют и умирают, не имея возможности приобрести данный препарат» [133].

Проблема недоступности медицинских услуг возникла не сегодня. Многие президенты страны пытались решить ее своими способами. На мой взгляд, два президента смогли достичь в этом вопросе наиболее значимых результатов. Первым из этих президентов стал Линдон Джонсон, подписавший в 1965 году исторические программы Медикэр (Medicare) и Медикэйд (Medicaid). Первая была предназначена для граждан старше 65 лет, а также людей предпенсионного возраста, имеющих проблемы со здоровьем. Вторая – для помощи малоимущим гражданам. Эти программы стали революционными и позволили, с одной стороны, помочь миллионам американцев получить доступ к медицинским услугам, а, с другой, дали толчок к дальнейшему развитию здравоохранения в стране, существенно увеличив государственные расходы на медицину, которые сегодня, как уже было отмечено, превысили рекордные триллион долларов США и имеют тенденцию к дальнейшему увеличению.

Вторым таким президентом стал Барак Обама, который в 2010 году продвинул закон Affordable Care Act, который американцы называют ещё по-простому Обамакэр (Obamacare).

Согласно этой программе, все жители США обязаны иметь медицинскую страховку, иначе их ожидают штрафы, величина которых варьируется от штата к штату. Этот закон стал одним из самых дорогостоящих за всю историю США, так как, согласно его предписаниям, все жители США, проживающие легально и независимо от их визового статуса, и имеющие низкие доходы, могут получить бесплатную страховку от государства. Реформы в здравоохранении, рассчитанные на 10 лет, выльются для бюджета США в 940 миллиардов долларов. Чтобы снизить бюджетную нагрузку, правительство ввело новые налоги для богатых граждан и фармацевтических компаний. Последние стали основой для серьезной критики администрации Обамы со стороны бизнеса и зажиточного класса. Противники реформы говорят, что всеобщая доступность медицинских услуг приведет к большой нагрузке на систему здравоохранения, появлению очередей, большего количества пациентов на одного врача, в итоге – ухудшив ее качество.

На мой субъективный взгляд, одной из мало дискутируемых скрытых проблем коммерциализации медицины США является появление недобросовестного отношения к пациентам со стороны некоторых врачей, заинтересованных не столько в излечении своих пациентов, сколько в длительности процесса оказания им медицинских услуг. Проще говоря, чем дольше недобросовестный доктор «лечит» пациента, тем больше он получает денег.

Кроме того, на передний план для США, возможно, не так остро, как для европейских стран, выходит проблема старения населения. Сегодня, по мнению директора Стэнд-

фордского центра по изучению продолжительности жизни, «...увеличившаяся продолжительность жизни и меньшее количество детей (чем в прошлом) приводит к глобальному процессу, когда пирамида населения земли, где большинство молодых людей у основания, с незначительным количеством старых людей наверху пирамиды, превращается в прямоугольник. Впервые в истории человечества, большинство рожденных сегодня в развитых странах имеют все шансы дожить до старости» [134].

Сегодня США спасает иммиграция молодого населения со всего мира, но все же доля населения старше 25 лет непрерывно увеличивается и, соответственно, с каждым годом увеличиваются расходы по программе Медикэр. Прогнозируется, что в 2060 году доля людей старше 65 лет увеличится с нынешних 46 до 98 миллионов, достигнув 24% всего населения США. На вопрос: справится ли самый большой в мире бюджет с возрастающими нагрузками – никто пока дать ответ не может. Многие эксперты с большой тревогой и скепсисом смотрят на возможности поддержания гигантских расходов государства на здравоохранение, полагая, что дальнейшее их увеличение может привести к коллапсу существующей системы здравоохранения. По их мнению, система здравоохранения сама нуждается в «лечении» и реформах.

Таким образом, перед американским обществом и правительством стоят, на мой взгляд, две многогранные задачи. Во-первых, как сохранить качество американской медицины, обеспечив при этом доступ к ней всех нуждающихся жителей страны. Во-вторых, как сделать так, чтобы качество медицинских услуг поспевало за растущими на них огром-

ными расходами. Или все-таки качественная американская медицина так и останется уделом обеспеченных людей?!

3.7 Криминальная Америка

Когда я только начал свою учебу в Бостонском университете на курсах английского языка, и, естественно, не знал, куда смогу поступить, я раздумывал над вариантами Чикагского университета, Колумбийского в Нью-Йорке и Джона Хопкинса в Вашингтоне (школа международных исследований). Все школы были хороши – и качеством обучения, и своим месторасположением, но поскольку я приехал со своей семьей, то мне нужно было думать и об их обустройстве и безопасности. Бостон, особенно Кэмбридж, конечно, был наилучшим вариантом в этом плане, хотя и другие города казались мне достойными внимания.

На мое восприятие этого вопроса несколько повлиял один случай. Как-то раз, воспользовавшись такси – а весьма дорогим бостонским такси я пользовался только в первые недели пребывания в США, еще не зная хорошо города и системы общественного транспорта, кстати, одной из лучших в США, я разговорился с водителем-афроамериканцем. Когда я затронул тему будущего места жительства и упомянул среди прочих городов Чикаго, он вдруг неожиданно затряс головой и, повернувшись ко мне, начал эмоционально убеждать меня отказаться от этой рискованной затеи. Как выяснилось, в этом городе убили его сына, чуть не убили других сыновей, и вся семья была вынуждена уехать из Чи-

каго. Я, конечно, понимал, что в его истории было много эмоций, что в каждом городе мира, не только в США, есть свои криминальные районы, и Чикаго – не самый опасный город Америки, но что-то екнуло в груди, и, как говорится, осадок остался.

Именно поэтому на вопрос: опасно ли жить в Америке? – единственным правильным, на мой взгляд, ответом, может быть – зависит, где ты живешь! В США ежегодно публикуются, например, топ-10 самых опасных городов.

К примеру, в 2013 году список самых опасных топ-10 городов США, составленный аналитиками ФБР, выглядел следующим образом:

10. Кливленд, штат Огайо (население: 393 781). Уровень бедности: 34,3%, убийств в 2012 году: 84;

9. Балтимор, штат Мэриленд (население: 625 474). Уровень бедности: 25,1%, убийств в 2012 году: 219;

8. Нью-Хейвен, штат Коннектикут (население: 129 934). Уровень бедности: 30,1%, убийств в 2012 году: 17;

7. Бирмингем, штат Алабама (население: 213 266). Уровень бедности: 32,0%, убийств в 2012 году: 67;

6. Стоктон, штат Калифорния (население: 299 105). Уровень бедности: 25,8%, убийств в 2012 году: 71;

5. Мемфис, штат Теннесси (население: 657 436). Уровень бедности: 27,2%, убийств в 2012 году: 133;

4. Сент-Луис, штат Миссури (население: 318 667). Уровень бедности: 27,0%, убийств в 2012 году: 113;

3. Окленд, штат Калифорния (население: 399 487). Уровень бедности: 21,0%, убийств в 2012 году: 126;

2. Детройт, штат Мичиган (население: 707 096). Уровень

бедности: 40,9%, убийств в 2012 году: 386;

1. Флинт, штат Мичиган (население: 101 632). Уровень бедности: 40,6%, убийств в 2012 году: 63.

Этот список обновляется каждый год, он далеко не статичный и понятно, что география преступности этими городами не ограничивается. Каждый более или менее крупный город в США имеет свои криминальные районы. Но все самые криминальные города США, несмотря на их географию, разные расовые, климатические и прочие условия, объединены общими характеристиками. Во-первых, расцвет криминала тесно увязан с экономическими проблемами. Бедность и безысходность рождают асоциальное поведение и преступность. Помимо экономических проблем, опасные города продемонстрировали крайне низкий уровень образования населения. Во всех этих городах процент взрослых с законченным аттестатом средней школы не превышает 80%, при общем показателе по стране – 86%.

Самый классический пример – Детройт, который считается столицей автомобильной промышленности США и долгое время являлся одним из самых богатых и привлекательных для жизни городов Америки. Три автомобильных гиганта – Форд, Крайслер и Дженерал Мотор кормили почти половину города, с населением, приближавшимся в середине XX века к 2-м миллионам. Казалось, так будет всегда, ведь Америка – автомобильная нация, и все американцы, как истинные патриоты США, любят машины своего производства. Но патриотизм закончился там, где начался личный экономический интерес. Японские и европейские машины оказались дешевле, лучше и экономичнее

в эксплуатации.

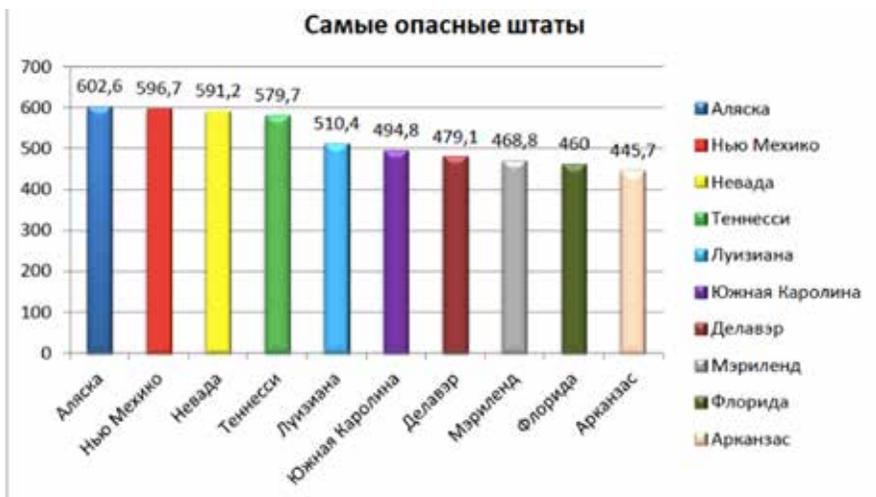
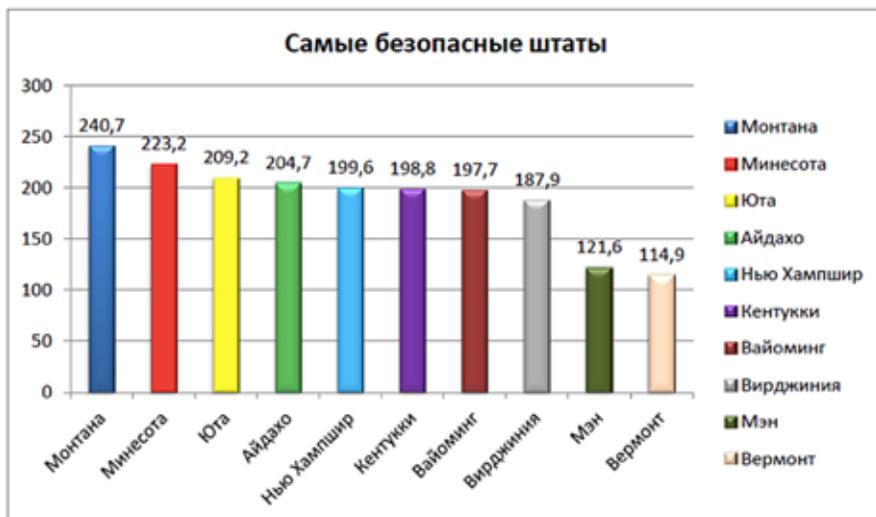
Сегодня, после кризиса американкой автоиндустрии, не выдержавшей конкуренции с экономичными европейскими и японскими автомобилями, город покинули более половины жителей. Переживаемые экономические трудности, безработица привели к расцвету криминала в этом городе когда-то больших надежд. По данным ФБР, «...каждый пятидесятый житель Детройта совершает тяжкое преступление, а за чертой бедности в опасных городах находится до трети населения, почти во всех городах свирепствует безработица. В семи из них она перевалила отметку в 10%, а в Детройте уровень незанятого населения составил более 18%. При среднем уровне бедности в США в 15%, в таких местах, как Детройт и Флинт, этот показатель превысил 40%. Даже в Окленде на пороге нищеты проживают свыше 20% населения, хотя Калифорния считается самым богатым штатом Америки» [135].

Исследования проводятся не только по самым опасным городам США, но и по штатам. В разрезе статистики самых опасных и безопасных штатов по количеству преступлений, совершенных за 2013 год на 100 000 человек, «...Юта находится в списке самых безопасных штатов. В том числе, это связано с относительно низким уровнем расслоения общества: в 2013 году только 12,7% жителей Юты жили ниже черты бедности. Как и в других относительно безопасных штатах, в Юте сравнительно мало жителей живет менее чем на 10 тысяч долларов в год, или больше, чем на 200 тысяч долларов в год» [136].

В разрезе той же статистики, самым опасным штатом

США неожиданно оказалась Аляска. Видимо, суровые условия притягивают суровых людей!

Самые безопасные и опасные штаты за 2013 год

Ежегодно ФБР публикует отчет с громким названием

«Преступность в США». К примеру, в отчете за 2014 год говорилось, что за год было зафиксировано 1 миллион 165 тысяч 383 преступления с применением насилия (убийств, грабежей, насилия и т. д.). Намного больше было преступлений, связанных с имуществом – 8 миллионов 277 тысяч. ФБР привело данные, что по всей стране было осуществлено 11 миллионов 200 тысяч арестов, включая аресты за транспортные нарушения» [137].

С учетом такого гигантского количества арестов, совершаемых ежегодно, совершенно неудивительно, что мировое лидерство страны, как это ни печально, проявляется также и в негативном, а именно – в количестве осужденных и отбывающих наказания в тюрьмах граждан. Причем не только среди развитых стран, но и во всем мире. При населении в 320 миллионов, что составляет около 5% жителей всего мира, «...на 2015 год на долю США приходится четверть всех заключенных всей планеты! А именно – 2,3 миллиона человек» [138].

Именно такая армия граждан США вполне трудоспособного возраста, находящихся в местах заключения вместо плодотворной и полезной работы во благо страны, обходится для властей в гигантскую сумму. К примеру, для мэрии Нью-Йорка их содержание обходится ежегодно в 168 тысяч долларов на каждого заключенного, деньги, на которые можно 4 года учиться в престижном университете США.

Причем сесть в тюрьму в США очень и очень просто, люди сидят за преступления, за которые в других странах не то, чтобы штраф не выписали, а даже не обратили бы внимания. Например, «...известен случай, когда в штате

Флорида арестовали и осудили бизнесмена Аби Шойенветтера, одного из крупных импортеров морепродуктов во Флориде, который провел шесть лет за решеткой за неподобающую транспортировку лобстеров: он перевозил их в целлофановых пакетах, а не в коробках, как того требовало законодательство Гондураса – страны происхождения морепродуктов. Дело в том, что в США действует так называемый закон Лейси, позволяющий судить человека в Штатах, если он нарушает природоохранное законодательство другого государства» [139].

Криминологи и правоведы из других промышленно развитых стран говорят, что их поражает количество выносимых в Америке приговоров и длительность сроков заключения. Многие эксперты критикуют американскую правоприменительную практику в отношении неадекватно суровых наказаний за несущественные правонарушения. Слишком большое количество заключенных несет как финансовые затраты, так и социальные. По самым скромным подсчетам, содержание заключенных достигло уже 80 миллиардов долларов ежегодно. Эксперты говорят, что 10-летнее заключение стоит в десять раз дороже, чем однолетнее. Но оно вряд ли будет в 10 раз эффективнее. Более того, одно из исследований обнаружило, что каждый дополнительный год в тюрьме повышает шансы преступного рецидивизма на 6%. Далее, многомиллионная армия настоящих и бывших заключенных, среди которых много безработных, повышает уровень национальной бедности на целых 20%!» [140].

Возникает закономерный и простой вопрос: в чем при-

чина такого драконовского отношения к своим гражданам? Ответы имеют разные грани видения.

Один из ответов – стране, куда стекался народ всех мастей, в том числе и беглые преступники, авантюристы со всего мира, нужны были суровые законы. Именно суровые законы и, самое главное, эффективная правоприменительная практика не только предотвратили хаос в стране иммигрантов, но и скрепили и зацементировали основы нового государства.

Другой наиболее распространённый ответ – практически свободный доступ населения к оружию.

Для США вопрос свободного доступа к оружию, в том числе и массового поражения, крайне злободневный и давно приобретший статус политического. Даже самые осторожные попытки наложить запрет на автоматическое оружие после серии массовых убийств всегда приводили к самому жесткому отпору со стороны лоббистов, прежде всего, супер влиятельной Национальной стрелковой ассоциации. Но винить во всем лоббистов было бы слишком упрощенным подходом.

Начнем с того, что право иметь и носить оружие – это конституционное право любого гражданина США, зафиксированное во второй поправке (Second Amendment to the United States Constitution) к Конституции США еще в конце XVIII века. На начальном этапе становления Соединенных Штатов, в условиях относительной слабости государственных институтов, разнородности населения, быстро меняющихся границ и правил, граждане должны были сами обеспечивать свою безопасность, и государство давало им

такую возможность в виде права на оружие. Это право настолько укоренилось в американском обществе, что до сих пор никакие преступления, произошедшие в истории США и приведшие к массовым расстрелам невинных граждан, часто – детей, не привели ни к каким заметным изменениям. К примеру, в период президентства Обамы произошла серия чудовищных расстрелов детей и взрослых с применением автоматического оружия. За один только 2012 год несколько одиночных стрелков выкосили чуть ли не сотню ни в чем не повинных жертв. 14 декабря 2012 года 20-летний Адам Лэнза убил 27 человек, находящихся в здании начальной школы Сэнди Хук в городе Ньютон, штат Коннектикут. Среди убитых были 20 детей начального школьного возраста, 6 учителей школы и его собственная мать. Попытка администрации Обамы решить вопрос запрета автоматического оружия провалилась.

Еще один интересный момент: из 30 тысяч ежегодных смертей от оружия 20 тысяч приходится на самоубийства. То есть здесь видна явная нестыковка между желанием иметь оружие для самообороны и ростом суицидов с применением оружия.

Инициаторы второй поправки и представить себе не могли будущие массовые преступления, во многом спровоцированные правом граждан США на свободное владение оружием. Главной идеей второй поправки было создание в новом американском государстве, свободном не только от Британии, но и от любой политической деспотии, обороноспособного населения – как важного элемента в выстраиваемой отцами-основателями США политической системы

сдержек и противовесов. То есть, проще говоря, вторая поправка позволяет реализовать право народа на восстание, упомянутое в тексте Декларации независимости, в том случае, если правительство США грубо нарушит права американцев и Конституцию.

Конечно, определённые ограничения на приобретение оружия существуют и в США. Оружейный магазин – это не Макдональдс и просто так оружие не приобрести. Однако в результате крайне либеральной политики «...около 265 миллионов единиц стрелкового оружия различной степени поражения гуляет по США. При этом всего 3% жителей США владеют примерно 50% от этого объема оружия, находящегося в личном пользовании. Среди 55 миллионов владельцев оружия большинство располагают от одной до трех единиц. Однако ученые выделяют особую группу «супервладельцев», на каждого из которых приходится от семи до 140 единиц. Их в стране около 7,7 миллиона и типичным владельцем такого суперарсенала оружия является белый мужчина, бывший военный, без университетского образования, живущий в сельской местности» [141]. От себя я бы еще добавил, что скорее из южных, чем северных штатов. Именно там, на просторах Техаса и Аризоны, носить при себе оружие – такое же привычное и рутинное дело, как носить мобильный телефон. В северных штатах, в том же Массачусетсе, я такого не встречал.

Времена давно изменились, но вторая поправка настолько укоренилась в крови и менталитете многих американцев, что любые посягательства на это право воспринимаются как посягательство на демократию и американскую иден-

тичность. Это – правда. Но такая же правда, что ущербность второй поправки все больше и больше вызывает острую критику как внутри страны, так и далеко за ее пределами. При этом в качестве сравнения часто приводится опыт еще одной англоязычной страны – Австралии.

«...В Австралии 28 апреля 1996 года произошла трагедия, ставшая поворотным моментом в истории этой страны. В этот день человек с оружием в руках открыл стрельбу по туристам на морском курорте Порт-Артур, Тасмания. До момента его задержания он убил 35 и ранил 23 человек. Это стало самым ужасным массовым убийством в истории Австралии. Спустя всего 12 дней после этой трагедии правительство Австралии совершило беспрецедентный шаг. Под руководством нового премьер-министра от консерваторов Джона Говарда (John Howard) оно объявило о поддержанном обеими партиями соглашении между властями страны и местными правительствами о введении жестких мер по контролю над оружием.

Спустя два десятилетия после изменений в законодательстве их результаты вполне очевидны: этот закон оказался по-настоящему действенным. Так, по данным издания *Washington Post*, с 1995 по 2006 год число убийств, совершенных при помощи огнестрельного оружия, снизилось на 59%, при том, что число убийств, совершенных без применения огнестрельного оружия, в целом не изменилось. Резкое снижение числа самоубийств с использованием огнестрельного оружия оказалось еще более значительным – 65%. Как показывают исследования, такое снижение числа убийств и скупка огнестрельного оружия тесно связаны между собой.

В связи с этой статистикой, можно привести еще один поразительный факт: в течение десятилетия, предшествовавшего трагедии в Порт-Артуре, в Австралии произошло 11 случаев массовых убийств. С момента принятия нового закона в стране не было совершено ни одного подобного преступления» [142].

Есть и другие примеры, когда запрет оружия приводил к резкому уменьшению злоупотребления им, массовых убийств, и даже самоубийств. Но США в этом вопросе стоят особняком, здесь часть общества все еще свято верит во вторую поправку, как символ американской демократии.

Строгое наказание и, самое главное, угроза неотвратимости наказания имеют и много положительных сторон.

Одна из проблем, которая является настоящим бичом для Казахстана – это вождение в пьяном состоянии. В США пьяные за рулем – не меньшая проблема, но борются с ней гораздо эффективнее и намного строже. Возможно, потому и эффективнее, что строже. Статистика по смертности в ДТП показывает, что число таких смертей в США из года в год неуклонно снижается, несмотря на рост числа автомобилей – сегодня по стране колесят более 1 миллиарда автомобилей. В отличие от Казахстана, где смертность растет стремительными темпами и который вышел в мировые лидеры по числу погибших в ДТП на сто тысяч населения. К примеру, если «...в 2014 году зафиксировано 34 тысячи погибших в ДТП на американских дорогах, то в Казахстане по вине водителей, в том числе и пьяных, погибло 2,5 тысячи человек. Однако, в расчете на 100 тысяч населения, в США ежегодно в результате ДТП гибнет 14 человек и страна заняла 97-е

место из 193 в рейтинге смертности на дорогах, в то время как Казахстан с 24,2 погибших на 100 тысяч занял первое место по количеству ДТП на постсоветском пространстве и 64-е – в мире» [143].

И хотя ситуация по наказаниям и предельной допустимости алкоголя в крови разнится от штата к штату, в среднем в США пьяных водителей наказывают достаточно сурово. К примеру, попался в первый раз, но содержание алкоголя в крови не превысило норму вдвое – лишение «прав» на срок от 90 до 180 дней и штраф в 500 долларов, а вот если выпил больше или попал в ДТП – получи электронную отметку в водительском удостоверении и в идентификационной карточке (это вместо паспорта) и тебя до конца дней не возьмут на работу в госучреждение или крупную компанию, на службу в армию!!! Поймали во второй раз (без ДТП!) – посиди в тюрьме (до четырех лет), а в третий раз – прокурор потребует срок в 5–7 лет. А в штате Огайо за ДТП со смертельным исходом нетрезвому водителю грозит смертная казнь. На мой взгляд, именно такие меры и останавливают от пьянства за рулем, а не общие благие пожелания, увещевания и смешные штрафы. Как показал пример печально известного казахского антигероя Усенова, не все понимают человеческую мораль, кому-то нужен и кнут, и даже электрический стул.

Жесткие законы и такое же неукоснительное следование букве закона не дают криминальной ситуации совсем выйти из-под контроля. США, возможно, и не занимают почётные первые места по уровню безопасности, как почти все страны Европейского союза, Япония и Сингапур, но ситуация с

преступностью все же далека от стран Латинской Америки, где мафиозные группировки в ряде государств, таких, как Колумбия, Гондурас и Сальвадор, давно уже являются чуть ли не «вторым правительством» со своими армиями и миллиардными бюджетами.

Кстати, географическая близость к латиноамериканскому «очагу высокой преступности», откуда непрерывным потоком идет постоянная массовая иммиграция, безусловно, влияет на уровень преступности в США. Как бы США ни пытались, и физически, и технически оградиться от такого опасного соседства, какие бы высокие стены и барьеры не воздвигали на границе с Мексикой, иммиграция в Соединенные Штаты, в том числе и преступная, не прекращается. В Соединённые Штаты из Латинской Америки сквозь всевозможные лазейки идет, плывет, летит вся разношерстная криминальная публика, наркотики, оружие, деньги и т. д. Этот поток движется многие годы и десятилетия. Неудивительно, что в США сформировалась целая сеть высокоорганизованных латиноамериканских преступных группировок. Среди самых известных – Банда с 18-й стрит (18th Street Gang), Нация расы (La Raza Nation) – мексиканцы, Латиноамериканские короли (Latin Kings), Мара Сальватруча, что на сленге значит «бригада сальвадорских бродячих муравьёв», кстати, самых ядовитых в мире (Mara Salvatrucha), и т. д.

В основном эти группировки сконцентрированы в Калифорнии и прилегающих к Мексике штатах – Аризоне, Нью-Мексико, Техасе. В течение длительного времени, из-за жесточайшей и кровавой конкуренции между мафиоз-

ными кланами, они постепенно из мест основной концентрации продвигались дальше на север и восток США, деля сферы влияния в распространении наркотиков, нелегальной иммиграции, рэкета и проституции.

Сегодня, к примеру, одна из самых свирепых криминальных группировок – Мара Сальватруча, насчитывающая более 10 тысяч членов, активна уже в 40 штатах США. Эта банда, имеющая еще и другое название «MS-13», делает ставку на рэкет, в основном, среди нелегальных и легальных граждан США латиноамериканского происхождения, и в случае отказа – убивает их без всяких колебаний. Их девиз: «Убивай, насилуй и контролируй». Их жестокие расправы над своими жертвами по всей стране вызвали в последнее время такой сильный общественный резонанс, что новый президент США Дональд Трамп, придя к власти, не замедлил громогласно объявить войну против латиноамериканских криминальных группировок» [144].

Все как во многих голливудских фильмах, мафия – это насущная реальность, быт. Не только латиноамериканская, но и знаменитая итальянская мафия, а также японская, афроамериканская, нигерийская, китайская мафии – это реальные группировки, порой насчитывающие до 35 тысяч человек, как, к примеру, Латиноамериканские короли и афроамериканская банда Крипс. Криминальная Америка, которую мы видим в многочисленных голливудских фильмах – это не режиссёрские выдумки, а реальная жизнь, которую, захав в определенные районы, например, Лос-Анджелеса или Нью-Йорка, можно наблюдать своими глазами.

Как криминальная сторона Америки отражается на жизни

простого обывателя? Шансы стать жертвой маньяка-убийцы или погибнуть в перестрелке бандитов всегда есть. Но они малы даже для США, страны, известной знаменитыми серийными убийцами и вооруженными маньяками. Больше шансов быть ограбленными на улице или дома. Но гораздо чаще в жизнь среднестатистического обывателя криминал вторгается в основном не оружием и грабежами, а наркотиками и махинациями с кредитными карточками.

Последнее стало настоящей эпидемией для США, где банковская система настолько развита, что с каждым годом оборот бумажных денег уходит в прошлое. За все время пребывания в США у меня в кармане было только несколько долларов на всякий случай, в то время как основными средствами платежа были несколько кредитных карточек на все случаи жизни. Удобно и выгодно. Но удобство кредиток легко превратить в минус, с учетом разрастающегося и усложняющегося мошенничества с кредитными карточками.

По мнению экспертов, проблема мошенничества с кредитками в США достигла своего пика. Дело в том, что «в Соединенных Штатах среди остальных развитых стран мира до сих пор в обиходе присутствуют кредитные карты с магнитными полосами и подписями. Как итог, США являются лидером по уровню подделок кредитных карт, а, к примеру, в 2012 году продавцы, банки и пользователи кредитных карт понесли в Америке убытки в размере более чем 5 миллиардов долларов. Данная сумма составляет половину от общемирового показателя. Неудивительно, что, согласно опросам Unisys Security Insights, которые были опубликованы в 2014 году, около 59% американцев боятся, что их бан-

ковская карта подвергнется мошенничеству, страх потерять деньги – выше страха перед международным терроризмом. Отсутствие серьезных элементов защиты ставит безопасность банковских услуг под вопрос. С наличием проблемы согласны все, но решать ее начали только крупные игроки, вроде JP Morgan Chase и Bank of America, которые начали устанавливать более современные банкоматы и системы защиты» [145].

Не менее злободневной остается для США проблема распространения и потребления наркотиков. Наркомания и наркобизнес давно превратились в реальную угрозу национальной безопасности. В настоящее время, по словам заместителя главы Управления по борьбе с наркотиками США Джека Рили, в Америке от последствий приема опиоидных запрещенных веществ ежедневно умирают 120 человек. Всего же, по сообщению американского Центра по контролю и профилактике заболеваний, в настоящие дни смертность людей от употребления запрещенных веществ значительно превосходит смертность от перестрелок и ДТП.

Портрет наркомана не имеет больших расовых различий, колются и белые, и черные, и азиаты. Но, как и во всем мире, наркомания – удел, прежде всего, бедных людей. По информации американских медиков, «...чаще всего систематически употребляют героин жители страны в возрасте от 18 до 25 лет, у которых годовой доход составляет менее 20 тысяч долларов» [146].

К примеру, опрос молодежи штата Нью-Мексико по проблемам рисков и жизненной стойкости (Youth risk and resiliency survey), в котором приняли участие 770 подрост-

ков, показал, что «за 30 дней, предшествовавших опросу, порядка 50% респондентов употребляли алкоголь, 18% – марихуану, 8% – кокаин, 5% – метамфетамин» [147].

Проблема молодежной и подростковой наркомании и связанными с ней преступностью и смертностью стала настолько актуальной, что одним из главных критериев выбора школы в США, особенно хай скул (high school), является, наряду с хорошим образованием, уровень наркомании в той или иной школе. Как видите, район проживания и здесь имеет большое значение.

Впрочем, конечно же, нет и не может быть абсолютно безопасного или же, напротив, абсолютно опасного места для проживания в США. «Кирпич на голову» в виде шальной пули от разборок бандгруппировок, нож от психически больного маньяка или гоп-стоп от местной шпаны любой может найти в любом месте Америки. Как нам прямо сказали представители университетской полиции в первый год обучения в Бостоне: «Вы проживаете в одном из наиболее безопасных городов Соединенных Штатов – Бостоне, и Кэмбридж – это самая безопасная часть Бостона. Но не забывайте, что вы живете в большой городской агломерации, и здесь живут совершенно разные люди с разными устремлениями, в том числе и криминальными. Поэтому осторожность должна быть всегда. И, действительно, СМС-уведомления о различных происшествиях в тихом академическом Кэмбридже, в виде ограблений, сексуальных насилий и перестрелок, я получал довольно регулярно. В первое время такая информированность с непривычки заставляла немного нервничать, рисовать в уме страшные картины про-

исходящего. Ведь в Казахстане подобные рассылки свидетельствуют о серьезных ЧП: терактах, взрывах, стихийных бедствиях и т. д. Но потом подобная информированность, наоборот, позволяла чувствовать себя более безопасно. Высокое оперативное реагирование полиции на любые, в том числе и мелкие, правонарушения, говорило мне не только о возможных опасностях, возникающих на пути домой, в университет, или обратно, но, что более важно, свидетельствовало о том, что полиция заботится обо мне, контролирует ситуацию и предпринимает все меры для безопасности граждан. Такая невидимая забота со стороны полиции позволяла мне практически каждый вечер, а темнеет в Бостоне довольно рано, зимой – уже в 5 вечера, спокойно выходить с моим маленьким сыном на вечерний моцион, гуляя по разным закоулкам в нашем районе Кэмбриджа.

Глава 4

Заканчивается ли век Америки?

Внешняя политика является продолжением внутренней политики любого государства. Эта аксиома особенно справедлива для Соединённых Штатов. Современная Америка такова, что для нее проблемы внутренние сейчас уже неотделимы от проблем внешней политики: «...Американская экономика за последние тридцать лет слишком глобализировалась, чтобы можно было даже думать о реструктуризации экономики внутренней, не затрагивая внешнеэкономических обязательств, а с ними – и внешнеполитических обязательств и «обстоятельств» [148].

Не случайно почти любая внутренняя проблема, поднимаемая в американских президентских кампаниях, практически всегда несла солидную внешнеполитическую или внешнеэкономическую составляющую. Так было при Бушах, Клинтоне, Обаме, и особенно ярко эта взаимосвязь проявилась при Трампе. Идея возврата промышленных производств назад в Америку, проблема нелегальной иммиграции, терроризма и киберугрозы – Америка должна решить эти проблемы, в том числе, и прежде всего, через внешнеполитические механизмы.

Победа Трампа моментально породила множество оце-

нок и версий того, насколько изменится политика Вашингтона в международной сфере. Оценки были полярные: от сохранения статус-кво до политики «новой изоляции». Неизвестное всегда порождает спекуляции. Если в отношении Хиллари Клинтон коридор прогнозов был достаточно узок и внешнеполитический курс экс-госсекретаря США был в целом предсказуем и понятен, то появление Трампа на мировой арене было сродни «черному ящику» в популярной игре «Что? Где? Когда?». Очень часто подобные прогнозы строились на достаточно поверхностном понимании механизмов внешней политики США, роли президента в принятии решений в этой сфере и не всегда корректных аналогиях с опытом других стран.

Дабы избежать спекуляций, важно иметь общее представление о том, как осуществляется внешняя политика США, кто ее основные субъекты, каковы механизмы принятия внешнеполитических решений.

4.1 Кто проводит внешнюю политику США?

Если во внутренней политике президент США сильно ограничен эффективной и разветвленной системой сдержек и противовесов, законами штатов, то на внешнем поле он обладает более широкими полномочиями и пространством для маневра. Эти полномочия ему гарантирует Конституция США, согласно которой, президент – как глава правительства и главнокомандующий армии и флота – является центральным институтом в проведении внешней политики.

Более того, роль президента в институциональном меха-

низме американского государства постоянно возрастает. Безусловно, «...пик концентрации полномочий в руках президента уже пройден – возврат к «имперскому президентству» (1945–1974 гг.) практически невозможен. Но нынешнее «восстановленное президентство» примерно соответствует «имперскому» по двум из трёх критериев (уровень военных полномочий и проведение секретных операций)» [149].

У президента США есть и другие рычаги влияния на внешнюю политику, в виде назначений на ключевые должности в своей администрации в сфере внешней политики – главу государственного департамента, послов, советника по национальной безопасности, а также проведения и подписания международных переговоров. Фактически, именно президент, как глава исполнительной власти, и проводит внешнюю политику с помощью формальных и неформальных рычагов влияния, коих у главы США предостаточно, и главным из которых является Государственный департамент во главе с государственным секретарём.

К слову, Госдепартамент, который является, по сути, первым в иерархии среди остальных министерств и ведомств США, был основан в 1789 году. Первым госсекретарем стал ни кто иной, как Томас Джефферсон, автор Декларации независимости США, президент страны (1801–1809 гг.).

Помимо Госдепа, у президента есть и другие инструменты внешнеполитического влияния – в лице Пентагона и разведывательного сообщества, созданного после террористических атак 11 сентября 2001 года, куда входят, помимо всем известного ЦРУ (CIA), министерства национальной безопасности (Department of Homeland Security), армейской

разведки (Defense Intelligence Agency), и десяток других разведывательных структур.

Главой Пентагона обязательно является гражданское лицо, а, точнее, по закону, гражданин не может быть назначен министром обороны США в течение семи лет после освобождения от действительной службы в качестве офицера регулярных частей Вооружённых сил США. На момент написания книги им являлся Эштон Картер, бывший профессор Гарвардской Кеннеди школы. Я уже говорил ранее, насколько гибка и мобильна система взаимодействия академической и политической сфер в США. Карьера Эштона Картера, профессора, который возглавил самую мощную армию мира, один из ярких тому примеров.

Упоминая огромную роль Пентагона и разведки во внешней политике США, надо понимать, что США вышли из Второй мировой войны как ядерная держава с глобальными интересами и влиянием, где военная сила стала мощнейшим инструментом проведения внешней политики. Насколько мощным, можно понять, сравнив ежегодные бюджеты США на традиционную дипломатию (Госдеп) и военные расходы (Пентагон). Так, в 2016 году из федерального бюджета было выделено на Госдеп, включая ЮСАИД (the U.S. Agency for International Development) – 50,3 миллиарда долларов, в то время как на оборону в 2015 году было выделено 598,5 миллиардов. Почти 12-кратная разница! При Трампе тренд на увеличение разницы в финансировании военной силы увеличился.

На этом фоне, не случайно, в последнее время возрастает роль Совета национальной безопасности, созданного сразу после Второй мировой войны. В Совет, состоящий из 19

членов, куда, помимо президента и вице-президента, входят госсекретарь, министр обороны, председатель начальников штабов армии, советник президента по национальной безопасности и т. д. Этот Совет и принимает коллегиально фактически все ключевые решения по внешней и внутренней политике страны с точки зрения национальной безопасности. Интересно, что аппарат Совета постоянно разрастается и заметно повторяет структуру Госдепа.

У президента США, помимо кадровых и институциональных рычагов влияния, есть еще и такой важный инструмент влияния на внешнюю политику, как заключение международных договоров. Президент США, как «главный дипломат» государства, практически единолично решает, какие переговоры и с каким государством стоит вести, какие договора заключать. Президент выбирает переговорщиков, определяет переговорную стратегию и лоббистов для одобрения договоров в Сенате. Президент может даже отклонить одобренный Сенатом договор, если ему не понравятся правки, сделанные Сенатом. Международный договор не будет официально признан, пока президент его не подпишет. Кроме того, президент США обладает властью признания или не признания правительства иностранного государства» [150].

Ну и, конечно же, в оценке влияния института президентства на внешнюю политику важен и личностный фактор – кто именно является президентом, его политический опыт, ценностные ориентиры, особенности психологии. Несмотря на принадлежность Клинтона и Обамы – к демократам, а Бушей с Трампом – к республиканцам, их внешнеполити-

ческие линии поведения заметно отличаются друг от друга.

Американские эксперты, базируясь на солидном историческом анализе, различают «...три основных лидерских стиля президентов США. Первый – Delegates, то есть президенты, в принятии политических решений и их практических имплементаций предпочитающие делегировать полномочия своей администрации. Франклин Рузвельт и Рональд Рейган считаются образцами такого стиля руководителей. Второй стиль – Micromanagers. «Микроменеджерский» стиль предполагает активную роль президента с вниманием во все детали и мелочи принятия решений и самыми известными примерами этого стиля считаются президенты США Линдон Джонсон и Джимми Картер. Последний стиль – Charismatic Leaders, или харизматичные лидеры, классическими примерами которого стали президенты Джон Кеннеди и Бил Клинтон. Оба президента обладали экстраординарными коммуникаторскими способностями, личной харизмой и умением пользоваться медиаресурсами для создания имиджа молодых, энергичных и активных руководителей» [151].

В понимании механизмов принятия внешнеполитических решений нельзя не принимать во внимание и такой ключевой момент, как президентские предвыборные кампании. Важные внешнеполитические проблемы регулярно становятся темами предвыборных дебатов. Мало желать сделать что-то полезное для Америки, проводя внешнюю политику, надо еще всегда держать в уме, как именно потенциальные шаги или, наоборот, отсутствие действий отразится на предвыборной кампании.

Вот как описывает этот процесс известный американ-

ский эксперт Анджела Стент, долгое время проработавшая в структурах президентской администрации: «...желая нанести вред кандидату в президенты, или другим действующим политикам, политические соперники обвиняют их в недостаточной защите традиционно важных для американской политической культуры тем прав человека, демократии и свободы. В результате американские президенты оказываются недостаточно «договороспособными», так как их внешняя политика чрезвычайно зависима от внутривнутриполитического цикла» [152].

Любой кандидат, даже избравшись президентом, уже думает о втором сроке и старается не допускать в свой первый срок слишком уж радикальных или непопулярных действий во внешней политике, могущих навредить его переизбранию. Во втором сроке президент уже более свободен в своих шагах и старается войти в историю с реальными достижениями. К примеру, сверхосторожный Обама именно во втором сроке достиг во внешней политике самых серьезных результатов, среди которых стоит отметить и дипломатический прорыв в «иранском вопросе», и размораживание отношений с Кубой, дипотношения с которой были прерваны более полувека назад, и улучшение отношений с союзниками, как в Европе, так и в АТР.

В системе президентской власти есть еще один интересный неформальный орган, который стоит отметить с точки зрения понимания природы американской власти. Практически каждый президент США время от времени нуждается в советах своих близких друзей, соратников вне официального круга, пытаясь в принятии решений взвесить и

формальные, и неформальные стороны, посмотреть на проблему всесторонне и максимально объективно. Уверен, что такая потребность, а, возможно, и практика есть у каждого президента любой страны мира, но американцы сумели и эту инициативу полуформализовать. «...Седьмой президент США, Эндрю Джэксон (1829–1837 гг.) и стал первым президентом, который ввел в практический оборот деятельность такого совета друзей, за которым закрепилось название «Кухонный кабинет» (Kitchen Cabinet), потому что группа друзей президента, прежде чем попасть к нему в кабинет, вынуждена была идти через кухню Белого дома» [153].

Хотя со временем значение «Кухонного кабинета» уменьшилось, тем не менее, влияние этого неформального круга общения все еще продолжает жить и процветать. Кстати, многие, будучи входящими в ближайший круг президента, сделали впоследствии неплохую карьеру. Например, Кларк Клиффорд, входивший в «Кухонный кабинет» Кеннеди и Джонсона, был впоследствии назначен главой Пентагона. Оценить же влияние «Кухонного кабинета» на процесс принятия решений, в том числе, и во внешней политике президента США, не представляется возможным – по причине неформальности и закрытости общения в этом кругу. Хотя, очевидно, что его влияние может быть не маленьким, хотя бы потому, что президент США, хотя и считающийся самым могущественным человек мира, тоже человек, со своими слабостями, эмоциями и в окружении доверенных людей он также подвержен влиянию.

В анализе института президента не случайно активно затрагиваются и персональные, человеческие качества. Ибо здесь,

как и везде, кроются и сильные, и слабые стороны. Американцы в течение своей недолгой истории, как это уже было отмечено в начале этой книги, сумели, создавая институциональные рамки государства, минимизировать человеческий фактор в большой политике. Поэтому вполне логично, что США не были бы США, если бы не уравнивали конституционно и сферу внешней политики, минимизировав тем самым человеческий фактор в принятии судьбоносных для страны решений со стороны президента. Так, конституция США разделяет широкие полномочия во внешней политике страны между тремя ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной. Каждая из ветвей имеет свою систему сдержек и противовесов. К примеру, «...президент имеет право наложить вето на закон, Конгресс может отменить президентское вето 2/3 голосов Конгресса, а суды могут объявить законы, принятые Конгрессом или президентом, неконституционными.

Именно Сенат играет ключевую роль в системе сдержек и противовесов в реализации внешней политики президента. В частности, в конституции говорится о наделении Сената силой «Совета и Согласия» в заключении международных договоров, и такими же полномочиями в назначении послов и других высокопоставленных чиновников, назначаемых президентом» [154].

Кроме того, президент обязан регулярно представлять Конгрессу США стратегию национальной безопасности, где изложены основные параметры внешней и оборонной политики страны.

Сенат и задумывался отцами-основателями как элитарный клуб, реальный противовес силе и весу президента, а

члены Сената, в отличие от Палаты представителей, должны были быть избавлены от народного избрания и, тем самым, независимыми от общественного мнения в решении важных государственных задач. Так и было до 1913 года, когда сенаторы избирались не народным голосованием, а законодательными собраниями своих штатов.

Сенат, по сути, может наложить вето на любой международный договор и ключевые назначения президента на пост госсекретаря, послов, других высокопоставленных дипломатов. Так, к примеру, назначение на должность посла должно пройти утверждение через Сенат простым большинством. Тем самым, конституция дает штатам страны право на не прямое, через своих представителей в Сенате, влияние на осуществление внешней политики федеральным правительством. Хотя, как уже упоминалось, президент обладает широкими полномочиями, и история США знает немало случаев обхода ограничений Сената в чрезвычайных ситуациях, объясняющихся интересами национальной безопасности. Например, Обаму очень часто критиковали за военные действия в Ливии, когда президент обошел необходимое в этих случаях одобрение со стороны Сената на использование американской военной силы за рубежом.

С 1789 года Сенат отклонил двадцать один международный договор, наиболее известный из них – Версальский договор, голосование против которого прошло в Сенате США в 1919 и 1920 годах. Как следствие, США не присоединились к Лиге Наций (предтече ООН). Неприсоединение США к Лиге Наций стало огромным личным поражением для 28-го президента США Вудро Вильсона, по иронии судьбы, став-

шего одним из инициаторов создания этой международной организации.

Палата представителей формально не имеет конституционно прописанных отдельных полномочий по внешней политике, хотя, на самом деле, ее полномочия достаточно большие. Начиная с полномочий объявлять войну с иностранными государствами (вместе с президентом и Сенатом) до обращения внимания федерального правительства на проблемы в международных делах, которые беспокоят американское общество.

Здесь представляется интересным понять, почему отцы-основатели Соединенных Штатов разделили власть во внешней политике между президентом и Сенатом, но не Палатой представителей. «...Они верили, что меньший по количеству Сенат будет лучше понимать и вникать в деликатные особенности процесса внешней политики. Александр Гамильтон выразился очень точно, говоря, что «точные и объемлющие знания о внешней политике, постоянная и систематическая приверженность тем же взглядам, равномерная чувствительность национального характера, быстрота и секретность несовместимы с такой разнообразной и многочисленной организацией» [155].

Таким образом, по меткому замечанию корифея внешней политики США Збигнева Бжезинского, «...в правительстве США не существует единого органа, планирующего и координирующего американскую внешнюю политику. Теоретически эту роль должен играть Совет по национальной безопасности, но в реальной жизни СНБ настолько занят текучкой, обеспечивая обмен информацией между президент-

ской администрацией, Госдепом, ЦРУ и т. п., что на стратегическое планирование не хватает ни времени, ни сил. В результате процесс принятия внешнеполитических решений становится децентрализованным, фрагментированным и, следовательно, подверженным воздействиям извне» [156].

Подытоживая, можно сказать, что процесс принятия внешнеполитических решений в Соединённых Штатах сложен и многогранен, в него вовлечены десятки правительственных организаций, начиная от президента, Государственного департамента, Пентагона, министерства финансов и заканчивая министерством сельского хозяйства. Сильные позиции президента уравниваются законодательной властью, прежде всего, Сенатом, а также Верховным судом и лоббистскими группами влияния.

В целом, «...политический процесс в США предполагает соучастие нескольких уровней власти, общества и бизнеса. Политические решения проходят долгий путь от пункта политической повестки дня президента или партии до действующего законопроекта. Механизм принятия решений в США схематично напоминает паутину, в то время как, к примеру, в России – пирамиду. Пространство власти в США структурировано, в то время как в России – персонифицировано. В США высокая степень преемственности курса, наследование идей и в целом властные структуры от администрации к администрации работают в общих концептуальных рамках. Во внешней политике США президент – лишь один из ее структурных элементов, а успех его администрации зависит от того, как он сможет выстроить взаимодействие со всеми элементами (Конгресс, партии, СМИ, общественные

организации, бизнес, влиятельные лоббистские группы и т. д.), вовлеченными в процесс принятия и реализации политических решений» ([157]).

Вместе с тем, Президент США вместе со своим аппаратом продолжает играть ключевую роль в принятии внешнеполитических решений, хотя его влияние невозможно сравнивать с ролью президентов тех стран, где внешняя политика решается самим президентом в узком кругу доверенных лиц. Это – к тому, что, когда прогнозируются вопрос о том, куда пойдет «внешнеполитический корабль» США после избрания президента, надо иметь в виду, что насколько бы сильным и авторитетным или, наоборот, абсолютно непредсказуемым не был «капитан», сложность конструкции «корабля» не даст ему делать то, что, ему вздумается. Система сдержек и противовесов, хотя и в меньшей степени, чем во внутренней политике, действует и во внешней политике США, где президент страны – всего лишь главный среди равных.

Кроме того, очень важно понимать, что, кто бы ни пришел к власти в Белом доме, государственный аппарат живет достаточно автономной жизнью, где главную роль играют уже ранее принятые стратегические документы, планы сотрудничества, обязательства в международной сфере. Очень часто новый президент в первые годы в Белом доме, пока идет выстраивание новой команды, продолжают кадровые перестановки, вдобавок к этому, окруженный международными обязательствами бывшего президента, вынужден ограничиваться лишь громкими заявлениями и намерениями по поводу внешней политики.

Плохо это, или хорошо, но таковы реальности функционирования внешнеполитической и, в целом, политической системы США. Попытки механически экстраполировать на США другие модели внешней политики, особенно стран, где президенты являются ключевым, а иногда и единственным звеном принятия решений, часто приводят к неправильным ожиданиям и интерпретациям в процессе выстраивания отношений с Вашингтоном.

4.2 Лоббизм во внешней политике США

Освещая закулисы внешней политики США, невозможно отдельно не остановиться на таком феномене, как лоббизм – важнейшем инструменте влияния на процесс принятия политических решений в Белом доме и Конгрессе. Само определение «лоббизм» происходит от слова «лобби», которое впервые появилось в текстах англиканской церкви в 1553 году и обозначало место для прогулок священнослужителей. В 1640 году «лобби» называли уже узкий коридор для прогулок членов Палаты общин. Из Англии это понятие перешло в США, сохранив политическую окраску.

«...Сегодня лоббизм стал одной из наиболее важных составляющих американской политической системы, во многом благодаря этому явлению в США осуществляется практическое взаимодействие власти с обществом и бизнесом. В значительной степени за счет финансовых возможностей лоббистских структур функционирует мощный «рынок мысли» Америки, который является одним из ее глобальных преимуществ. Именно при помощи инструментов лоббизма

США получают такой масштабный набор качественных решений для государственной политики, которые делают эту страну хозяином всех ключевых сценариев национального и международного развития и ставят ее в выигрышное положение ко всем остальным странам мира. Причем за последние несколько десятков лет его значение резко возросло, что отразилось на доходах профессиональных лоббистов. В 1976 году средний оборот лоббистской фирмы в США составлял 86 тыс. долларов в год, а уже спустя 30 лет эта цифра выросла до 1,3 миллиона долларов. За этот же период средняя стоимость успешной избирательной кампании в Сенат США возросла с 609 тысяч долларов до 8,8 миллиона долларов» [158].

Я не ошибусь, если скажу, что нигде в мире, ни в какой столице не существует столько лоббистских групп, как в Вашингтоне и его округе. Оно и понятно, ведь именно здесь принимаются ключевые решения в мировой политике, затрагивающие интересы практически всех стран мира. И кому-то ведь надо влиять на принятие решений в интересах своих «материнских» государств и правительств. Сегодня в США зарегистрировано, по разным данным, около 1800 лоббистов из почти 110 стран мира. Возможно, эти цифры не совсем точные, но, в любом случае, они впечатляют, с учетом того, что все эти организации – реальные и обладающими немалыми финансовыми и, возможно, и политическими ресурсами.

Лоббизм в США стал настоящей бизнес-индустрией. Большой спрос породил соответствующее предложение. Как в каждом прибыльном бизнесе, здесь крутятся огром-

ные деньги, связи. Хочешь встретиться с кем-то из влиятельных – плати, хочешь пролоббировать какое-то решение – плати, хочешь, чтобы конгрессмены подняли какой-то важный для тебя вопрос – пожалуйста, только плати.

Однако здесь надо отметить одну очень важную особенность – процесс лоббирования иностранных интересов в Америке становится все более и более прозрачным и подконтрольным. Сегодня лоббистская деятельность, не только иностранная, очень жестко регулируется законодательством США. Лоббисту приходится регулярно предоставлять полную отчетность, на что именно пошли полученные из-за рубежа средства, с какими представителями власти и по какому поводу лоббист встречался, какие цели преследуются, и как они связаны с интересами иностранных клиентов. То есть это сильно отличается от того понятия лоббизма, которое присутствует у людей постсоветского пространства, когда при слове «лоббизм» мы отчетливо слышим «коррупция». На самом деле, сегодня, после череды оглушительных скандалов с участием лоббистов, арестов и отставок многих политических деятелей, лоббизм приобрел в США более или менее цивилизованную форму.

При этом одну из ключевых ролей в американском профессиональном лоббизме сегодня играют интеллектуалы, или «мозговые центры» (think tanks). Наоборот тоже будет верным, так как расцвет лоббизма в США и привел к расцвету мозговых центров, так как со стороны бизнеса и политики появился огромный спрос на качественное аналитическое сопровождение лоббистской деятельности. Именно мозговые центры – по заказам лоббистов, которые,

в свою очередь, получали заказы от определенных групп интересов, разрабатывали необходимую для принятия политического решения аргументацию и проведения в жизнь той или иной идеи во внутренней и внешней политике Белого дома. Так, «...общепризнанным является, например, тот факт, что политику Джорджа Буша-младшего на Ближнем Востоке во многом определяли именно неоконсервативные «мозговые центры», опиравшиеся на финансовую поддержку могущественных нефтяных корпораций вроде ExxonMobil».

Отдельно стоит упомянуть и о значительном влиянии на процесс принятия внешнеполитических решений в США авторитетных правозащитных организаций, таких, к примеру, как «Международная амнистия» (Amnesty International) или же «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch). Правозащитные организации, к мнению которых и в Белом доме, и в Конгрессе, и в Госдепе США прислушиваются, оказывают свое влияние или через общественное мнение, или через прямое участие в разработке внешнеполитических решений» [159].

Ни президент, ни Конгресс, при всем желании и политической целесообразности, не могут игнорировать негативное общественное мнение, складывающееся под влиянием ежегодных отчетов «Международной амнистии» или «Хьюман Райтс Вотч» о странах, где регистрируются значительные нарушения прав человека. В 90-х годах XX века влияние правозащитных организаций особенно негативно сказывалось на двусторонних отношениях США с постсоветскими странами.

Конгресс ежегодно принимает огромное количество резолюций и обращений, подготовленных, по сути дела, лоббистами, представляющими интересы иностранных государств. Кроме того, общей практикой стала организация «советов» (caucus), в которых сенаторы и члены Палаты представителей представляют различные этнические группы. Например, одним из наиболее крупных образований такого рода является Совет Конгресса по Индии (Congressional Caucus on India and Indian Americans), насчитывающий более 150 членов (из которых, кстати говоря, ни один не является индийцем по происхождению). Сопредседателем аналогичного сенатского Совета в свое время была Хиллари Клинтон.

Я воочию убедился в силе внешнего лоббизма на примере скандального визита в Вашингтон в марте 2015 года премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, куда его пригласили сенаторы-республиканцы для выступления по иранской проблеме, даже не поставив в известность президента Обаму. Белый дом выступил с острым заявлением о недопустимости подобных несогласованных действий со стороны израильского руководства, но Нетаньяху, с его мощным произраильским лобби в Сенате, грозные выпады Белого дома откровенно проигнорировал.

Такое трудно представить во многих странах мира, не только на постсоветском пространстве, но и в демократиях Европы. В США же власть децентрализована, и полномочия Сената и, в целом, Конгресса настолько велики, что процесс принятия важных внешнеполитических решений, переговорный процесс Госдепа с иностранными странами

часто затрудняются именно наличием разных интересов и точек зрения на происходящие события, наличием мощных лоббистских групп, в том числе, и защищающих интересы иностранных государств.

Важно отметить, что отнюдь не все этнические группы, проживающие в США, создают свои политические лобби. Один из ведущих специалистов по этому вопросу, Джеймс Линдси (James Lindsay), определил ряд условий, способствующих превращению иммигрантской группы в *bona fide* – этническое лобби. «...Во-первых, иммигранты, прибывшие в Америку как политические беженцы (например, кубинцы), организуют этнические лобби чаще, чем иммигранты, перебравшиеся в Америку по «экономическим» причинам (как, например, итальянцы). Во-вторых, иммигранты из стран, конфликтующих со своими соседями (Израиль, Армения), лоббируют интересы «материнской» страны гораздо активнее, чем иммигранты, прибывшие из «благополучных» стран (Норвегия, Швеция, Германия). В-третьих, наиболее сильные политические лобби формируются экономически успешными этническими группами (евреи, армяне, индийцы, греки). В-четвертых, этнические лобби наиболее успешны в своей деятельности, когда преследуемые ими цели поддерживаются американскими политическими элитами. И наоборот, этнические лобби, как правило, не достигают своих целей, если считается, что эти цели идут вразрез с национальными интересами США» [160].

Линдси также настаивает на необходимости не преувеличивать влияние этнических лобби на официальную

внешнюю политику Вашингтона, даже таких всемирно знаменитых, как еврейское или армянское лобби. В обоих случаях лобби добились значительных успехов во внешней политике США, например, в политике США на Ближнем Востоке. Но, как упоминает американский исследователь, Израиль не добился отмены поставок Пентагоном высокотехнологичного оружия в арабские страны, как не смог и убедить Вашингтон перенести свое посольство из Тель-Авива в Иерусалим.

Лоббизм, ставший неотъемлемой и важной составляющей политической жизни США, далеко не у всех американцев вызывает положительные чувства. Как реакция на расцвет лоббизма, в последнее время в США начали возникать так называемые «пиратские партии», выступающие на стороне правозащитных и других общественных организаций против лоббистов, продвигающих интересы крупного национального и транснационального капитала. Самая известная из них – это Пиратская партия США (United States Pirate Party). В основном деятельность «пиратов» сосредоточена вокруг киберпространства, свободы Интернета, прозрачности и подотчётности власти. По мнению «пиратов», расцвет лоббизма в США – это неспособность (и нежелание) государственной власти противостоять интересам крупного капитала. С учетом того, что европейские «пиратские партии» успешно участвуют и выигрывают в избирательных кампаниях всех уровней, в США в перспективе подобные антилоббистские движения, пользующиеся популярностью, также могут найти свою нишу в политической системе страны» [161].

4.3. Какая внешняя политика отвечает национальным интересам Америки?

И тактически, и стратегически мнения о том, какой внешнеполитический курс является наиболее выгодным для США, могут сильно различаться. К примеру, видение госдепартамента может, и часто – отличается от видения Пентагона, а на экспертном уровне мнение о подходах и целеполагании Генри Киссинджера резко отличается от такового относительно Джеффри Сакса. Дискуссии и политические практики между сторонниками мягких и жестких подходов, между реалистами и либералами, были, есть и будут продолжаться, пока существует демократия в США. Но если все-таки попытаться сделать некое условное обобщение генеральной линии США в отношении всего мира, то можно было бы прийти, по меньшей мере, к трем ключевым постулатам.

Рах Americana – наследие «холодной войны», или модель безопасности современного мира?

Сегодня экономическая и финансовая система мира устроена таким образом, что именно США являются главным центром принятия решений и ее конечным бенефициаром. Ни одна экономика мира не выиграла от глобализации столько, сколько США, с их открытостью, духом предпринимательства, демократическими институтами. Становление доллара США как основной глобальной валюты, формирование под прямым управлением Вашингтона институтов международной финансовой системы (МВФ, Всемирный

банк), соглашения о свободной торговле (ГАТТ, а затем и ВТО), фактически и стали основой для глобального экономического доминирования Запада, и, прежде всего, США. Поэтому логично, что внешняя политика США нацелена на сохранение и дальнейшее укрепление мировой экономической и политической мощи Америки.

С другой стороны, и это тоже надо отметить, США были и остаются самым большим и желанным рынком для экспортоориентированных экономик мира.

Ни японское, ни корейское экономическое чудо не могли бы состояться без доступа к рынку США, без американской экономической и военной помощи. В последние десятилетия во многом именно доступ к рынку США обеспечивал экономический рост Китая. Это, кстати, и стало одним из основных аргументов прихода к власти Трампа, который не устает говорить, что в торговле между США и Китаем созданы неравные условия, не в пользу Америки.

Экономическая и военная мощь позволяет США проводить такую глобальную дипломатию, которую она считает нужной и правильной. Очевидно, что американская гегемония устраивает далеко не всех, а если точнее, ряд глобальных игроков все более настойчиво пытаются оспорить приоритетное право Вашингтона определять мировую повестку, предлагая свои схемы международных отношений XXI века.

Причем это касается не только Китая, России, исламского мира, но и самых ближайших европейских союзников, в частности, Германии, Франции и восточноевропейских стран. С одной стороны, сложившийся «...иерархический

характер союза с Америкой и суперподчинение лидеру позволили снять ответственность за международную безопасность с плеч европейских политиков. С другой стороны, возникает так называемая «ловушка сильного союзника», когда асимметрия интересов и существенное различие потенциалов ведут к тому, что более сильный продвигает свои интересы за счет более слабых» [162].

Перманентно возникающие между европейскими странами и США противоречия интересов из-за разных позиций по тем или иным острым вопросам международной политики, в частности, по Ближнему Востоку, Украине и России, ведут к критике внешней политики, проводимой Вашингтоном. Американские санкции в отношении России входят в определенное противоречие с интересами целого ряда стран Европейского союза по импорту российского газа. Но пример ситуации вокруг Ирана наиболее показателен. Полный пересмотр политики США в отношении Ирана после избрания Трампа послужил основанием для острой реакции со стороны ряда европейских стран. Европейские страны были категорически против ревизии соглашений по Ирану, сделанных при администрации Обамы. Европейские союзники США не видели ни экономического, ни политического смысла в новой санкционной политике Вашингтона в отношении Ирана.

Интересно, что критика относительно роли и места США в мировом порядке все громче звучит и внутри США. Основная линия разлома проходит между сторонниками уменьшения роли США на мировой арене и сосредоточения ресурсов на внутренних проблемах Америки – так называе-

мыми неоизоляционистами, и между теми, кто считает, что внутреннее развитие неразрывно связано с лидирующей миссией США в построении нового безопасного и демократического мира – так называемыми идеалистами. Впрочем, такие внутренние расхождения для американского общества абсолютно не новы: «...Борьба между желанием выходить на мировой простор в качестве важного игрока и стремлением сконцентрироваться на внутренних задачах, а от окружающего мира по возможности отгородиться, составляла содержание споров о курсе Соединённых Штатов с момента их основания» [163].

Однако, тем не менее, идейные расхождения и соперничество разных внешнеполитических подходов позволяют американскому истеблишменту находить разумные балансы и решения во внешней политике. А чтобы эти внутриэлитные расхождения среди американского истеблишмента не стали помехой для развития США, в конце 40-х годов XX века при Гарри Трумэне сформировался так называемый «...межпартийный внешнеполитический консенсус, который базируется на четырех столпах:

1. Неоспоримость «глобального лидерства»;
2. Приверженность укреплению и распространению «либерального международного порядка»;
3. Признание неразрывной связи между влиянием, безопасностью и процветанием Соединенных Штатов, с одной стороны, и их доминированием в «либеральном международном порядке» – с другой;
4. Необходимость распространения демократии. Это, в свою очередь, предполагает сохранение (и даже приумно-

жение) глобального присутствия США и их вмешательство в урегулирование большинства международных и даже внутригосударственных проблем и кризисов» [164].

Данный консенсус действовал достаточно долго и эффективно – и в идеологическом противостоянии с социалистическим блоком во главе СССР, и в постсоветский период. В этой политике были и взлеты, и перегибы, и серьёзные просчеты. К примеру, исходя из вышеприведенного внешнеполитического консенсуса, краеугольным камнем внешнеполитической доктрины США на долгие годы стало активное распространение демократических ценностей по всему миру. Естественно, что это не было просто какой-то альтруистической миссией Белого дома и Госдепа, как это может показаться на первый взгляд. Вашингтон действовал хотя и по спорному, но вполне понятному принципу: «демократии не воюют между собой», поэтому в их распространении Вашингтон видел основу как глобальной, так и национальной безопасности США. Однако, с тем, что распространение «демократических» ценностей на неподготовленную почву неокрепших государств, особенно постсоветского пространства, вызывало больше политической нестабильности в международных отношениях, в конце концов, согласились и сами американцы.

Критики американского «дирижирования» международными отношениями уверены, что с момента распада биполярной системы международной безопасности США принесли в мир больше хаоса и проблем, чем продвинулись по пути глобальной безопасности. Знаменитый американский профессор, гуманист Ноам Хомский утверждает, что «имен-

но США несут главную ответственность за появление таких монстров современности, как ИГИЛ, и других террористических организаций. По его мнению, вторжение в Ирак в 2003 году спровоцировало межконфессиональный раскол, приведший к дестабилизации иракского общества. В результате возникла ситуация, при которой финансируемые Саудовской Аравией радикалы смогли стать субъектом региональной политики. Именно в таких условиях смогло появиться «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), впоследствии трансформировавшееся в «Исламское государство» (ИГ)» [165].

Впрочем, спор между сторонниками идеализма, основанного на вере в глобальную миссию США как проводника демократических ценностей и универсальность либерально-демократических принципов во внешней политике США, и сторонниками реализма, ратующими за признание национальных интересов других стран и политических систем, деидеологизацию внешней политики США, понятное дело, идет не только в сугубо академической среде. И в Белом доме, и в Капитолии, и, само собой, в Госдепе процесс принятия внешнеполитических решений происходит, с переменным успехом, в основном, между этими двумя подходами. С одним существенным замечанием: какой бы размер ни принимали эти расхождения, все стороны, будь то республиканцы или демократы, негласно придерживались единой генеральной линии вышеупомянутого внешнеполитического консенсуса.

Победа Трампа в 2016 году «подвела» своеобразный итог 25-летнему глобальному доминированию США и фактически бросила серьезный вызов устоявшимся правилам поведения

Вашингтона на мировой арене. «Оказалось», что большая часть американцев имеет принципиальные различия с традиционной вашингтонской элитой по вопросу о том, какой должна быть внешняя политика США. Не случайно у тонко прочувствовавшего настроения масс Трампа «...одной из главных отправных точек внешнеполитических воззрений стало отрицание связи между величию США и их лидирующей ролью в либеральном международном порядке (американская система союзов, торгово-экономических блоков и международных экономических институтов), с одной стороны, и стремлением трансформировать мировую систему в соответствии с американскими интересами и ценностями – с другой» [166].

Трамповский победивший лозунг «Сделаем Америку вновь великой» (*Make America Great Again*) стал ярким свидетельством того, что в США, впервые за 25-летнее лидерство, одержали победу «неоизоляционистские силы», уверенные в том, что настала пора переключить громадные, но безграничные ресурсы страны на внутренние проблемы, которые и разрушают американское величие. Трамп и его сторонники фактически поставили под сомнение один из главных принципов внешнеполитического консенсуса – о связи между доминированием США в мировом порядке и развитием страны.

Более того, Трамп говорит о сложившейся системе глобального доминирования США как огромной и ненужной финансовой нагрузке для бюджета страны, а также о том, что иностранные союзники США решают свои вопросы безопасности за счет Америки. К примеру, одним из часто поднимаемых Трампом вопросов было недовольство американцами тем, что США тянет фактически все расходы союзников на оборону за

счет американских налогоплательщиков. Безопасность союзников США слишком дорого обходится американцам. В ходе предвыборной кампании часто упоминалось, что США взяли на себя львиную долю расходов по содержанию европейского блока НАТО, а большинство европейских стран откровенно манкируют обязанностью платить в кубышку европейской безопасности.

По признанию президента европарламента Мартина Шульца, если в 2001 году страны ЕС потратили на нужды обороны 251 миллиард евро, то в 2012-м – только 190 миллиардов, то есть почти на четверть меньше. Справедливости ради надо сказать, что с такими выкладками о «львиных расходах» США согласны не все. Эксперты приводят данные, что действительно США являются самым большим финансовым донором в НАТОвский бюджет, но их доля составляет не 72%, а 22%, дальше идут Германия – с 14,5%, Франция – с 11% и Великобритания – с 10,5%. Огромная же цифра в 72% получается при подсчете стоимости военных операций США в Афганистане и Ираке.

Однако интересно, что все, о чем громко и гротескно говорит сегодня Трамп, администрация Обамы на протяжении 8 лет тихо претворяла в жизнь. У администрации Обамы, где госсекретарями служили опытные политики (Хиллари Клинтон и Джон Керри), присутствовало понимание глобального перенапряжения сил США, необходимости коррекции внешнеполитической стратегии, растущего протекционизма в настроениях рядовых американцев. Если отбросить все пропагандистские штампы и эмоции и трезво посмотреть на факты и цифры, то можно увидеть, что на самом деле присутствие США в мире в период правления Обамы постепенно сокращалось. Внеш-

неполитическое наследство, доставшееся Обаме от прежних президентов США, особенно Буша-младшего, было чрезвычайно сложным. «...США основательно завязли в непопулярной войне в Ираке, не удалось добиться решающих успехов в Афганистане, продолжалось ослабление позиций на Ближнем Востоке» [167].

44-й президент США потратил немало усилий и смог выйти из большинства затратных военных конфликтов. Прежде всего, из Афганистана и Ирака, которые стоили бюджету США гигантских денег. По данным исследования «Costs of War», проведенного Институтом международных исследований при Брауновском университете, «...затраты США на войну в Ираке превысили 2 триллиона долларов, причем 1,7 триллиона ушло непосредственно на финансирование военных операций, а 490 миллиардов – на различные выплаты ветеранам войны. Еще почти 800 миллиардов ушло на Афганистан» [168]. Есть еще более громкие цифры. По данным Эйзенхауэрской исследовательской группы (команды ученых Бостонского и Брауновского университетов), прямые и косвенные затраты (к примеру, расходы на ветеранов войны) США на войны в Афганистане и Ираке, начиная с 2001 года, составили 4,4 триллиона долларов США!» [169].

Знали ли рядовые американцы об этих невероятных суммах? Конечно, да, и их негативная реакция на эти растраты, желание направить ресурсы на внутренние проблемы совершенно понятны.

Вообще, тема изоляционизма далеко не нова и Трамп лишь пытается влить «новое вино в старые меха». Одним из ярких представителей неизоляционизма XX века был сенатор

Уильям Фулбрайт, который на протяжении 15 лет возглавлял сенатский комитет по иностранным делам. Он стал автором знаменитой книги «The Arrogance of Power» («Самонадеянность силы»), где убедительно доказал, что «роль международного жандарма ослабляет Америку, делает ее уязвимой перед внешними врагами и внутренними проблемами. В разгар вьетнамской войны убежденный республиканец Фулбрайт настойчиво призывал правящий класс США сосредоточиться на своих внутренних проблемах и не растрачивать потенциал страны в погоне за призрачными целями на международной арене» [170]. В своей другой книге «The Crippled Giant» («Хромой великан») Фулбрайт указывает на «...необходимость для США использовать свою силу более мудро; покончить с опасной иллюзией о том, что миссия США – переделать мир по собственному образу и подобию» [171].

Американские качели – от глобального доминирования до изоляционизма вполне укладываются в новейший тренд современного развитого мира: от глобализации к национализму и протекционизму. Сегодня большинство американцев решило, что издержки глобализации и политики мирового лидера гораздо выше, чем приобретаемые выгоды.

Чем же грозит мировой политической системе возможное резкое сокращение роли США?

Прежде всего, надо учитывать, что на протяжении многих десятилетий международная система безопасности выстраивалась таким образом, что ведущую роль стабилизатора и балансира в ней играют Соединённые Штаты. Поэтому «уход» США с мировой арены грозит дестабилизацией всей системы международных отношений. Что бы ни говорили критики

США как «мирового жандарма», мир без США был бы гораздо более опасным и нестабильным, чем он есть сегодня. Само по себе наличие некоего «верховного арбитра», глобального модератора, в условиях слабости ООН, структуры, которая и должна, по идее, заниматься подобными функциями, является крайне важным для поддержания мировой стабильности. Даже намеки на ослабление, как мы видим из развития событий на международной арене, ведут к росту напряжённости между конфликтующими странами, где США выступают главным стабилизатором.

Если изоляция США примет практическую фазу, это наверняка приведет к разбалансировке многих латентных конфликтов: китайско-японских, иранско-саудовских; остро встанет вопрос о дальнейшей судьбе Тайваня, других спорных мест в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и т. д.

Как показывает история взлетов и падений мировых империй (римской, византийской, испанской, российской, советской), падение сверхдержавы резко повышает риски конфликтов, в первую очередь, в ближайшем окружении, но в случае с США это наверняка примет глобальный характер. Заменить же роль мирового полицейского ни одна из других держав быстро не сможет, для этого ни у одной из держав, будь то Китай, Россия или объединенная Европа, нет достаточных ресурсов.

Вторым важным последствием сокращения роли Америки может стать рост конфликтности самих США, как «естественная», по мнению экспертов, реакция на ослабление роли Вашингтона в международных делах. «...Осознавая свою слабость, США могут попасть в так называемую ловушку Фуки-

дида (ситуацию, когда поступки действующей сверхдержавы начинают диктоваться страхами перед растущей)». Возможная политика сдерживания Китая, России, отчасти – ЕС, будет вести к еще большей разбалансировке мировой системы безопасности» [172].

В таком случае возрастают риски военных и прочих конфликтов между США и другими претендентами на мировое лидерство. По подсчетам Грехэма Аллисона, директора Белферовского центра международных исследований Гарвардского университета, с 1500 г. война между восходящей державой и гегемоном случалась в 11 случаях из 15. Сегодня, конечно, трудно представить открытый военный конфликт США с Китаем или Россией, но история человечества говорит, что в этом мире возможно все.

Впрочем, аргументов за лидирующую роль США в глобальных делах, на мой взгляд, все-таки больше, чем таковых против. Возможно, что нахождение оптимального баланса во внутренней и внешней политике США, избавление от излишних международных обязательств, выправление диспропорций в отношениях с союзниками и перераспределение ролей в пользу укрепления большей их ответственности, с одной стороны, и сосредоточивание ресурсов страны на решении актуальных проблем – с другой, в долгосрочной перспективе будет только способствовать укреплению роли США на мировой арене.

Сила США, прежде всего, отражается в жизнеспособности американского общества и экономики. Возможно, мы станем свидетелями того, что, решив, или, по крайней мере, начав решать вопросы нелегальной иммиграции, медицинского страхования, улучшив ситуацию на рынке труда – путем не столько

возвращения традиционной промышленности из развивающихся стран, сколько создания новых высокотехнологичных производств, прорывных инфраструктурных проектов, Соединённые Штаты качественно укрепятся, обретут новую силу, новое видение, и лучшее понимание реалий международных отношений.

Все это очень важно в свете растущих проблем международной безопасности, решение которых без активной роли США видится проблематичным. Это – помимо много раз упомянутых международных конфликтов, целого спектра проблем, связанных с глобальным потеплением, сокращением водных ресурсов планеты, ядерным нераспространением, потенциальными эпидемиями опасных для всего человечества болезней и т. д.

Очевидно, что мир заинтересован в сильных США, это верно даже для самых ярых оппонентов Америки. Однако возникают вопросы: в каком мире заинтересованы сами американцы, как политическая элита Вашингтона видит мир сегодняшней, и как это отвечает американским национальным интересам? Вопросы очень непростые, неоднозначные, с множеством самых разных интерпретаций.

4.4 Союзники США: опора глобального лидерства или «безбилетники»?

Сеть союзнических отношений США, сформированная в основном после Второй мировой войны и нацеленная, в первую очередь, в период «холодной войны» на эффективное сдерживание и противодействие Варшавскому блоку государств во

главе с СССР, после распада биполярной системы фактически стала несущей конструкцией обеспечения международной безопасности. Естественно, что данный американоцентричный подход устраивает далеко не всех и периодически оспаривается другими державами, в первую очередь, Россией – как страной-правопреемницей СССР, а также бурно растущим и плохо скрывающим свои глобальные амбиции Китаем.

И Москва, и Пекин, а также другие растущие мировые силы небезуспешно пытаются переформатировать существующий американоцентричный миропорядок. К примеру, насколько в современных условиях можно говорить о «доктрине Монро», согласно которой, все западное полушарие находится в зоне естественных и монопольных интересов и влияния США? Доктрина XIX века уже безвозвратно устарела и не имеет ничего общего с современностью. Бразилия входит в хотя и достаточно аморфную, но претендующую на «альтернативный центр Западу», организацию БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китая и ЮАР). Китайское экономическое присутствие практически во всех странах Латинской Америки возрастает с каждым годом, тем самым бросая вызов американским интересам в регионе. В частности, «...китайский экспорт в Латинскую Америку вырос до 130 миллиардов долларов в 2014 году с 6 миллиардов долларов в 2000 году, по данным МВФ. Китай стал основным торговым партнером Бразилии, Чили и Перу, обогнав США» [173].

С другой стороны, в поддержании жизнеспособности сети двусторонних и многосторонних союзов во главе с США заинтересованы и сами фигуранты, как бы они ни критиковали друг друга и не шантажировали прекращением исполнения

обязательств. Например, когда европейские союзники выражают недовольство несогласованностью действий и учетом их интересов со стороны США, или Япония недовольна недостаточно жесткими позициями американцев в отношении Китая. В период предвыборной кампании Трампа он часто высказывал одну мысль, суть которой сводится к следующему: в случае нападения на союзническую Японию США обязательно придут ей на помощь. Но придет ли Япония на помощь США, если мы, США, подвергнемся атаке?! Тем самым он ставил под большое сомнение желание и возможности союзников помочь Вашингтону в форс-мажорных обстоятельствах.

И наоборот, Вашингтон, поднимая время от времени, особенно в период предвыборных президентских кампаний, вопрос о «тяжелом бремени» США по защите своих союзников, называя их «безбилетниками», тем не менее, отдает себе отчет в прямой зависимости глобальных позиций США, их безопасности и, в целом, щедрой ренты, получаемой в рамках мирового доминирования, от устойчивости функционирования военно-политических альянсов. Глобальное лидерство Вашингтона зиждется, прежде всего, на союзнических отношениях по всему миру. Какими бы не были суперсильными и всемогущими США, Вашингтон не в состоянии самостоятельно справиться с глобальными и региональными вызовами и угрозами.

При этом общественное мнение рядовых американцев склонно к поддержке тесных союзнических отношений по всему миру. Ключевую роль в этом вопросе играет то ли фактор понимания роли союзников в процветании США и ее граждан, то ли фактор США как страны иммигрантов, где живут представители практически всех стран мира. В любом случае,

в США все еще популярно мнение, что американцы должны поддерживать своих многочисленных союзников по всему миру ради своей же безопасности. Так, недавние опросы показали, что «около 70% американцев не видят никаких проблем в военной поддержке Японии и Южной Кореи. Несколько меньшим выглядит энтузиазм американцев в отношении военной помощи своим союзникам по НАТО, около 53%. Недовольство граждан США вызывает тот факт, что их страна все еще платит рекордные 72% всего бюджета НАТО» [174].

Несмотря на меньший энтузиазм американцев, особые отношения связывают Вашингтон с партнерами именно по НАТО, где союзники тесно сотрудничают по ряду глобальных проблем, в том числе:

- борьбе с терроризмом;
- противодействию с распространением оружия массового уничтожения;
- региональным проблемам (Африка, Ближний Восток, Балканы, Центральная Азия и др.).

Самый мощный тест на прочность со времен завершения «холодной войны» союзнические отношения по НАТО прошли 11 сентября 2001 года, когда США подверглись беспрецедентной атаке террористов и Вашингтон инициировал контртеррористическую операцию. И прошел он успешно. Специальную контртеррористическую операцию США, сначала – в Афганистане, а потом и в Ираке поддержали многие союзники, в числе которых были не только страны НАТО, но и Австралия, и Япония, и Южная Корея, выделившие многие миллиарды долларов и свои вооруженные силы в помощь Вашингтону. Делали они это даже вопреки мнению общественности в своих стра-

нах. Так что союзнические отношения не так уж и невыгодны, как продолжают считать многие критики.

К примеру, Япония берет на себя все больше финансовых расходов на содержание американской базы на острове. Неоценимо участие Южной Кореи в Ираке, разместившей в этой стране в 2003 году подразделение из 3500 военнослужащих. На Ближнем Востоке значительный вклад в обеспечение региональной безопасности вносят Саудовская Аравия и Иордания, главные союзники США в регионе.

Саудовская Аравия была и остается одной из главных опор политики Вашингтона на Ближнем Востоке – в силу геополитического положения, влияния в исламском мире, сильной армии, спонсируемой, в том числе, и США, крупнейших энергетических запасов. Думаю, не меньшее влияние на то, что саудиты являются американскими союзниками, оказывает тот факт, что многие бывшие выпускники образовательных программ США занимают ведущие государственные посты в своих странах. Так, 80% членов правительства Саудовской Аравии получили образование в американских университетах.

На стратегию США в регионе Ближнего Востока влияет и фактор растущих и крепнущих террористических организаций. Фактический распад Ирака, Сирии и других стран Ближнего Востока на мини-государства, контролируемые различными силами, в том числе, и террористическими, такими, как ИГ, становится долгосрочным вызовом для США.

Помимо вопросов безопасности в регионе, в контексте борьбы с терроризмом, арабо-израильского конфликта, сдерживания Ирана, ключевым фактором присутствия в регионе для США является фактор энергетический. «...На Ближнем

Востоке находится 2/3 мировых запасов углеводородов, и этот регион занимает 2-е место после Канады в списке основных поставщиков нефти в США. К примеру, с 2012 года Саудовская Аравия остаётся второй по значимости страной – экспортером нефти в США, обеспечивая приблизительно 1,06 миллионов баррелей в сутки» [175].

При этом страны Ближнего Востока являются одними из крупнейших импортеров американского оружия. Согласно данным авторитетного Стокгольмского института исследований проблем вооружений (SIPRI), «...США занимают первое место в мире по продаже вооружений – 33% от общего объема экспорта вооружений, 72 миллиарда долларов в 2014 году. Самые крупные из них – Саудовская Аравия (9,7% от всего американского экспорта), ОАЭ (9,1%) и Турция (6,6%)» [176].

Список из десяти главных получателей военной помощи США на сегодня включает: Афганистан (5,4 миллиарда долларов), Тайвань (4,9), Индию (4,5), Австралию (3,9), Саудовскую Аравию (3,5), Ирак (2,0), ОАЭ (1,5), Японию (0,5), Швецию (0,5)» [177].

Иногда отказ США в помощи используется как инструмент давления. Так, была прекращена военная помощь 35 государствам, отказавшимся подписать с США соглашения о невыдаче граждан США Международному уголовному суду (договор о создании этого суда США сначала подписали, но затем отозвали свою подпись).

Однако, несмотря на всю помощь и содействие в безопасности арабским партнерам, главным стратегическим союзником для Вашингтона является Израиль. К примеру, «...ежегодная американская военная помощь Израилю состав-

ляет 20% всего израильского военного бюджета, а в 2016 году сумма американской помощи этой стране составила 53% всей военной помощи зарубежным государствам по всему миру. Более половины военной помощи Вашингтона одному только Израилю! В целом, США оказывают значительную финансовую помощь этой стране с 1987 года, около 3 миллиардов долларов ежегодно. В 2016 году США и Израиль подписали соглашение, согласно которому, Вашингтон в течение 10 лет потратит на военную помощь Тель-Авиву минимум 38 миллиардов долларов» [178].

Впрочем, есть момент, который служит мощным объединительным фактором как для США и арабских монархий, так и для Израиля – это Иран, усиление позиций которого в последнее время – в Ираке, Сирии, Йемене, Ливане и ряде других стран – вызывает большое беспокойство и нервные телодвижения в их внешней политике. Потепление отношений между Вашингтоном и Тегераном во время второго срока Барака Обамы, после прихода к власти в Иране в 2013 году умеренного реформатора Хасана Рухани, вызвало целый ряд демаршей со стороны Израиля и внесло раскол в отношения Вашингтона и Тель-Авива. Приход к власти Трампа, который назвал договор с Ираном «худшей сделкой» в истории США, восстановил статус-кво Вашингтона – как с Израилем, так и с арабскими странами.

Попытки Обамы выстроить новую ближневосточную стратегию США через вовлечение Ирана была не лишена здравого смысла. Уже много лет система региональной безопасности, выстроенная Вашингтоном на Ближнем Востоке, подвергается острой и справедливой критике. Ставка Вашингтона на арабские монархии и Израиль не обеспечивает стабильности и

безопасности в регионе. Снятие санкций с Ирана и вовлечение этой страны в региональную систему безопасности, по мнению экспертов, в том числе, входивших в администрацию Обамы, способствовало бы более эффективному нахождению ответов на актуальные вопросы безопасности. Возможный приход Хиллари Клинтон мог бы продолжить линию на вовлечение Ирана в новую систему безопасности в регионе и сопряжение отношений между Вашингтоном и Тегераном с отношениями между США и Саудовской Аравией и Израилем, «заключенными» противниками Ирана.

Сегодня планы Белого дома существенно изменились. Однако, даже администрация Трампа прекрасно понимает, что «сильных и целостных государств на Ближнем Востоке остались единицы, а сам регион вступил в полосу длительной турбулентности» [179]. Поэтому Вашингтон будет вынужден пересматривать свою ближневосточную стратегию, в том числе с учетом иранского фактора.

Помимо Ближнего Востока, другим по очередности, но не по значимости регионом взаимодействия с союзниками является стратегически важный Азиатско-Тихоокеанский регион.

Если в XX веке основным вектором приложения внешней политики была Европа, то в XXI веке активность Вашингтона постепенно смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. И это совсем не удивительно.

Во-первых, Китай стал основным и партнером, и вызовом США в новом столетии. Пекин является главным торговым партнером США в Азии и, наоборот, для Китая США – второй после ЕС торговый партнёр, с оборотом в 2015 году в 558 миллиардов долларов. От того, как будут развиваться отношения

двух супердержав, будут всецело зависеть перспективы регионального и глобального развития.

Во-вторых, экономическая составляющая внешней политики Вашингтона основывается на том, что на АТР приходится более 50% всего глобального экспорта США, поэтому дальнейшее расширение рынков сбыта американской продукции и создание преград для проведения протекционистской политики азиатских стран, прежде всего, Японии и Китая, являются для Вашингтона ключевой задачей.

В-третьих, наравне с политикой сотрудничества – политика сдерживания Китая становится ключевой задачей для Вашингтона в новом столетии. Сдерживание китайских амбиций полностью совпадает с интересами и других стран АТР, давних крупных союзников США в регионе, таких, как Япония, Южная Корея, Индия и Австралия. Ни одна из стран АТР, за исключением, возможно, Индии, не способна противостоять амбициям Китая в одиночку, без военной помощи Вашингтона.

В целом, как и в случае с Ближним Востоком, эксперты говорят о необходимости «перебалансировки» и азиатской стратегии Вашингтона. В ее достижении предлагается использовать преимущественно две тактики. Первая – дальнейшее создание в регионе возможностей для американского капитала и наращивание регионального авторитета через замыкание точек экономического роста на собственных проектах и инициативах. Вторая – укрепление транстихоокеанского партнёрства через опору на региональных союзников: Японию, Южную Корею, Австралию, Филиппины и Таиланд. Разговоры о формировании «Тихоокеанской НАТО» в американских экспертных кругах ходят давно» [180].

Из «азиатских» союзников ключевым военным союзником и торгово-экономическим партнером США в Азиатско-Тихоокеанском регионе остается **Япония**.

В последние годы отмечается расширение объема поставок японской продукции на американский рынок, что связано с благоприятной экономической конъюнктурой в США. Японский экспорт в США представлен, прежде всего, продукцией машиностроения и электроникой.

Основной проблемой американско-японских отношений является вопрос о трансформации существующего Договора безопасности и будущего американско-японского союза. Часть американского политического истеблишмента считает, что Япония «экономит» на обороне за счет Вашингтона. Однако, по мнению другой группы политиков, вывод американских войск из страны повлек бы за собой полномасштабную милитаризацию Японии, а, возможно, и превращение ее в кратчайшие сроки в новую ядерную державу, способную оспорить американскую гегемонию в регионе.

Тем не менее, ракетная угроза со стороны КНДР подталкивают Вашингтон и Токио к более тесному сотрудничеству, что выражается в приверженности принципам совместной безопасности.

В рамках обязательств по защите **Республики Кореи** от внешней агрессии в стране имеет место значительное военное присутствие (более 30 тыс. военнослужащих). Однако США ориентируются на сохранение раскола между Южной Кореей и КНДР и делают ставку на идею воссоединения Кореи «путём размывания» и поглощения КНДР экономическими и политическими средствами.

Ракетная программа КНДР имела решающее значение в присоединении Сеула к глобальной американской системе противоракетной обороны (ПРО). Так, запуски ракет, проведенные в 2017 году с северокорейской территории, дали основание для принятия решения по размещению систем THAAD (Terminal High Altitude Area Defense).

Северная Корея, как один из главных потенциальных нарушителей глобальной и региональной безопасности, на протяжении многих десятилетий не предпринимает серьезных военных действий, потому что четко знает, что в этом случае она будет уничтожена. Военное присутствие США пока эффективно охлаждает пыл и Пхеньяна, и Пекина в регионе.

Отношения **Австралии** и Соединенных Штатов опираются на сходство в культуре, демократических ценностях и позиций в большинстве международных вопросов. С целью усиления своего влияния в АТР, Вашингтон рассматривает возможность создания американо-австралийской военно-морской базы на Кокосовых островах в акватории Индийского океана, а также лоббирует доступ к австралийским аэродромам.

США достаточно серьезно оценивают четырёхсторонний диалог по безопасности между США, Японией, Австралией и Индией. Такой формат военно-стратегического сотрудничества рассматривается аналитиками в качестве инструмента сдерживания потенциальной военной угрозы со стороны Китая.

У Индии, как государства, рассматривающего себя в качестве поднимающейся сверхдержавы, основные противоречия в региональной политике исторически складываются с Китаем. На фоне сохраняющихся территориальных споров и взаимного недоверия борьба за влияние в Южной и Юго-Восточной

Азии особенно остро начала проявляться в последние годы, с приходом к власти энергичного Нарендры Моди в Индии и Си Цзиньпина в Китае. Хотя еще в 1993 году Китай озвучил принципиальную позицию по Индийскому океану: «Китай больше не может считать, что Индийский океан принадлежит только Индии», – чем подкинул дров в разгорающийся региональный конфликт. В этих условиях, интересы Вашингтона и его важного союзника в этой части земли, Дели – сдерживать амбиции Китая – полностью совпадают. Именно в Индии США видят главного противовеса Китая в стратегически важном регионе Индийского океана.

Справедливости ради надо сказать, что, несмотря на растущую геополитическую конкуренцию, торгово-экономическое сотрудничество Дели и Пекина постоянно на подъеме, достигнув в 2015 году 70 миллиардов долларов. В последние годы Дели, особенно при правительстве Моди, заметно активизировало свою внешнюю политику на глобальной арене, не ограничиваясь, как прежде, вопросами региональной безопасности. Пытаясь улучшить свои отношения с Москвой и Пекином, Индия стала членом ШОС и БРИКС, но все-таки главным стратегическим союзником Дели были и остаются США. «...Только с 2009 по начало 2015 года товарооборот между двумя странами увеличился с 60,5 до 100 миллиардов долларов. В масштабных планах – увеличение товарооборота в пять раз – до 500 миллиардов долларов» [181].

В целом, район Индийского океана в XXI веке становится одним из главных театров не только геополитической конкуренции и соперничества, но и сотрудничества и кооперации. Союзническое взаимодействие США и Индии и их совмест-

ный дуэт против Китая – лишь часть общей картины. Индийский океан стал самым загруженным и важнейшим транспортным коридором мира. Сегодня здесь проходит более 50% мировой морской торговли нефтью, до 50% мировых контейнерных перевозок. Одним из очень интересных и перспективных направлений для Казахстана может стать реализуемый Индией и Ираном проект международного транспортного коридора Север - Юг, который свяжет государства Центральной Азии, и Казахстан в частности, с Индией и Индийским океаном через иранский порт Чехбехар.

Одним из ключевых и наиболее обсуждаемых вопросов внешней политики США в АТР является следующий: почему Соединенные Штаты не пошли, как в Европе, на создание многостороннего института коллективной безопасности подобия НАТО? Взамен многостороннему подходу Вашингтон предпочел заключать со своими союзниками в Азии двусторонние договора. Этот выбор, сделанный на начальном этапе «холодной войны», предопределил не только характер американского присутствия в регионе, но и особенности развития институциональной среды в этой части мира в последующие десятилетия. Американский профессор Виктор Ча объясняет двустороннюю дипломатию Вашингтона «...недоверием Соединённых Штатов к региональным государствам (Азии) и опасениями относительно возможного втягивания в их авантюрную политику. Стратегия двусторонних подходов требовала весомых экономических вложений США, но обеспечивала успешный контроль над внешнеполитическим поведением младших союзников. Использование многосторонних институтов снизило бы ее эффективность, создав для партнеров в альянсе возможность

коллективными усилиями саботировать американские директивы» [182].

Война в Корее в 1950 году стала толчком для кристаллизации азиатской стратегии США, но, спустя почти 70 лет, Вашингтон по-прежнему рассматривает двусторонние альянсы как ключевой компонент региональной архитектуры безопасности. Хотя, как думают многие эксперты, это не исключает в перспективе движение в сторону институционального оформления многостороннего сотрудничества в Азии с ведущей ролью США.

4.4.1 Китай и Россия – конкуренты или стратегические союзники?

Концептуальные различия в видении роли и места США на мировой арене естественным образом сказываются и на отношениях Вашингтона с глобальными игроками и союзниками, в первую очередь, Китаем и Россией. Именно вокруг этих отношений и выстраивается сегодня глобальная политика США в Европе, Евразии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке.

4.4.2 Китай – главный вызов XXI века?!

В XXI веке ход мировой истории будет во многом определяться состоянием отношений США и Китая. Для этого есть ряд причин. Первая причина – обе страны являются крупнейшими экономиками мира и ядерными державами с глобальными интересами. Вторая причина – Вашингтон и Пекин имеют жизненно важные интересы в Азиатско-Тихоокеанском реги-

оне, который становится главной ареной мировой экономики и политики в XXI веке. Интересы США и Китая в АТР часто не совпадают, что ведет отношения двух держав к постоянно-му напряжению и росту рисков вооружённого конфликта. Третья причина – США и Китай имеют разное видение мира, его устройства, что предопределено, в том числе, и разными политическими и цивилизационными системами двух стран.

Что касается отношений США и Китая к «старым» проблемам минувшего XX века, таким, как Тайваньский, Тибетский и Уйгурский вопросы, права человека, обвинения в манипуляциями с юанем, торговый дефицит, то в XXI веке к ним добавились кибершпионаж, расширение присутствия Пекина в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, увеличение военного присутствия США в АТР и планы Вашингтона по размещению ПРО в Южной Корее.

С приходом к власти в КНР Си Цзинпиня, «...Китай открыто заявил о своих глобальных амбициях, заявленных в 2014 году во внешнеполитической стратегии, известной как «дипломатия с китайскими характеристиками», и включающей в себя такие пункты, как:

1. Нацеленность на создание многополярного мира;
2. Выстраивание «нового типа отношений между основными державами» (в том числе и Китая);
3. Реализация новой политики соседства.

Китай постепенно отходит от концепции Дэн Сяопина «скрывать свои возможности и держаться в тени» и переходит к более активной внешней политике. Сегодня Китай резко меняет свою внешнюю политику, прежде всего, в стратегическом для него Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пе-

кин уже не просто критикует союзнические отношения азиатских стран с США, оспаривая роль неазиатских стран в делах Азии, как это было при Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, но предлагает альтернативные институциональные структуры и продолжает форсированную модернизацию своих вооруженных сил» [183].

Новые подходы Китая были очень четко сформулированы в заявлении Си Цзиньпина в 2014 году в Шанхае, на конференции по сотрудничеству и мерам доверия в Азии: «...дела Азии должны решаться самими азиатами». Там же Пекин вышел с инициативами о создании Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций со штаб-квартирой в Пекине, гигантских мега-проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути». Китайский мега-проект «Один пояс – один путь», по сути, стал симметричным ответом Вашингтону на его трансазиатскую стратегию сотрудничества.

Для реализации своих амбициозных планов в АТР Пекин усиливает свою военную мощь. По данным британского «World Military Balance», «...Китай в 2017 году вышел на второе место в мире по военным расходам (145 миллиардов долларов) после США (604 миллиарда)» [184].

Растущие амбиции Пекина и наступательная внешняя политика в АТР, прежде всего, в Юго-Восточной Азии, которую Китай считает зоной своих естественных национальных интересов, не могут не беспокоить США. Вашингтон всерьез опасается, что имеющиеся в регионе противоречия между Пекином и Вашингтоном, в том числе и территориальные споры в Южно-Китайском море (острова Спратли и Парасельский архипелаг), повышают риски прямых силовых столкновений.

Готовясь к худшим сценариям, обе супердержавы ускоренно наращивают свой военный потенциал, от года к году все чаще проводят учения и маневры, модернизируют военно-морские силы, тестируют новейшие вооружения в области разведки и ПВО.

Очевидно, что по мере укрепления и увеличения своего экономического могущества Китай будет все более активным в вопросах расширения своего глобального присутствия. Особенно в таких вопросах, как энергетическая безопасность, инвестиции, решение глобальных проблем: от глобального потепления до урегулирования региональных конфликтов, причем далеко за пределами КНР, в частности, Африке и Латинской Америке. В последнем случае это станет явным вызовом Вашингтону, безгранично доминирующему в Латинской Америке в рамках концепции Монро.

Смесь жесткой и мягкой силы, колоссальные валютные накопления (3,5 триллиона долларов) создали мощную базу для финансирования активной внешней политики Пекина на всех континентах. Этому же способствует необычайно гибкая экономическая дипломатия Китая на всех уровнях – от корпораций до правительства.

Для США очень важно, чтобы Китай, с одной стороны, стал частью глобального порядка при сохранении лидерства США и по их правилам, но, с другой, проводят политику сдерживания Пекина, который может подорвать систему Pax Americana. Это станет, по сути, ключевым вызовом Вашингтона в XXI веке, учитывая растущую зависимость экономики США от Китая. Торговый дефицит США с Китаем в последнее время ежегодно превышает 350 миллиардов долларов. В целом, как было

подсчитано экспертами, за 15 лет с момента вступления Китая в ВТО дефицит торговли с США достиг «ошеломляющих 3,5 триллиона долларов». Подобные цифры вдохновляют многих американских политиков и Трампа, в частности, на активное антикитайское сдерживание и внешний протекционизм в целом.

Впрочем, есть и другая сторона медали относительно роста Китая, его региональных и глобальных амбиций. Наступательная региональная дипломатия на самом деле тревожит китайских соседей, вызывая китаефобии и подталкивает их к еще большему сближению с США, создавая благоприятные предпосылки для организации «стратегического единого фронта» сдерживания Китая в регионе под началом Вашингтона. Они будут способствовать сохранению роли США в регионе АТР, в частности, как стабилизирующей, особенно со стороны стран, имеющих территориальные, политические и иные противоречия с Китаем. К примеру, по данным американских экспертов, «...в китайских военных и научных кругах поднимается вопрос о принадлежности Японии Окинавы. КНР упорно отказывается от делимитации спорной территории с Индией. Патрульные корабли КНР преследуют в нейтральных водах рыболовные суда Вьетнама и Филиппин, вторгаются в исключительную экономическую зону Малайзии» [185].

Такую опасность понимают и сами китайцы. Наличие эффективной региональной политики добрососедства видится ими как главный фактор дальнейшего «восхождения как великой державы». Китайский эксперт Ян Сюэтун говорит «о риске «чрезмерной экспансии», как это описано в концепции британ-

ско-американского гиперрасширения (imperial overstretch)», ставшего одной из причин распада СССР» [186].

При этом, в отличие от «политики сдерживания», проводимой США в отношении СССР, Вашингтон сегодня не ставит своей целью изоляцию Китая, понимая, к каким негативным последствиям для глобальной экономики это может привести. Цель, как ее формулируют американские эксперты, другая: «... утвердить гегемонию США, избежав конфронтации с Китаем» [187].

В чем США жизненно не заинтересованы, так это – в социально-политической дестабилизации и неуспехе экономических реформ в Китае. Помимо негативных последствий для всей экономики мира, подобный сценарий приведет к росту антиамериканских настроений в Китае, использованию китайским руководством антиамериканизма для повышения рейтинга своей поддержки.

Силовой конфликт не нужен и самим китайцам, с учётом их экономической зависимости от США, а также сохранения стабильности внутри Китая от стабильности в регионе АТР.

Китай понимает, что в случае нарушения статус-кво в экономической политике с США потери понесет каждая из сторон. Резкое сокращение торговли с Китаем автоматически приведет к 15–20%-ному удорожанию товаров в США, а это вызовет негативную социальную реакцию. Потеряет и Китай – как в экспортных операциях, так и в таможенных платежах. Закрытие предприятий приведет к росту безработицы в Китае, но при этом очевидно, что в США существует недостаток квалифицированной рабочей силы для создания новых производств, если они будут переведены из Китая. И в целом это опрокинет тра-

диционную формулу американо-китайских отношений: «в политике прохладно, а в экономике горячо». Пока процесс релокации предприятий весьма дорог, а для некоторых форм производства (как для той же Apple) невозможно найти аналогичное соотношение «цена/качество» вне пределов Китая» [188]. Но китайские преимущества – это вопрос времени: рабочая сила в Китае дорожает, а США активно роботизируют производства, тем самым минимизируя издержки.

У Китая в скрытом противостоянии с США есть свои серьёзные преимущества. «...Пекин использует относительную закрытость и быстроту принятия решений своей системы, чтобы затруднить реакцию руководителей США на новые инициативы и провокации. Американские действия отягощены более медленным, более плюралистичным и более публичным процессом. Но эти преимущества не будут иметь решающего характера, если США сохранят решимость, последовательность своей политики, укрепят свои отношения с союзниками и создадут двухпартийный консенсус по азиатской политике» [189].

Сегодня новая администрация в США намерена решительно выправить чудовищный дисбаланс, сложившийся в экономических и торговых отношениях с Китаем, в том числе, за счет интересов Поднебесной. Также Вашингтон намерен укрепить военное сотрудничество со своими азиатскими партнерами, хотя первоначально сам Трамп высказывался за уменьшение финансирования союзников. Как будет реагировать КНР, где у власти находится самый амбициозный, после Мао Цзэдуна, лидер, спрогнозировать трудно. В любом случае, сегодня, после ухода «мягкого» Обамы и прихода намного более жесткого и прагматичного президента Трампа, с его известными нели-

цеприятными высказываниями в отношении Пекина, для китайско-американских отношений наступают более сложные времена. В целом же, именно отношения США и Китая будут во многом определяющими в глобальной политике XXI века, именно от них будет зависеть будущая мировая политическая и экономическая архитектура.

4.4.3 Американско-российские отношения: кризис доверия

Отношения США и России можно охарактеризовать очень кратко и ёмко – хронический дефицит доверия. К сожалению. Хотя прошло 25 лет с момента распада СССР и завершения «холодной войны», нет идеологического противостояния, угроза ядерного удара друг против друга значительно уменьшилась, взаимное недоверие нынешней и бывшей сверхдержав живет и процветает. По большому счету, сегодня главным препятствием является то, что ни одна из сторон не верит, что оппонент больше не угрожает их национальным интересам и безопасности. Москва убеждена, что Запад хочет распространить свое влияние до самых границ России и даже вглубь ее территории, Запад – что применение силы и угрожающее поведение России отражает абсолютную приверженность агрессивной политике в отношении соседей.

Сегодня, когда США и Россия продолжают выяснять свои отношения на стороне: в Украине и Сирии, уровень недоверия друг к другу опустился на самый нижний предел, ниже которого уже война. Что стало причиной столь фундаментального охлаждения отношений, являются ли противоречия двух стран преодолимыми, или же США и Россия – экзистенциальные

враги и заинтересованы в пределах отношений?

На самом деле, в четвертьвековой истории американо-российских отношений были разные времена. Первые годы независимости и практически все 90-е, за исключением памятного разворота в 1998 году над Атлантикой Е. Примакова, российское руководство, политические и бизнес-элиты были полны надежд на стратегическое партнерство с США, масштабный приход американских инвестиций и технологий в российскую экономику, и чуть ли не нового «плана Маршалла» для России. Российская политическая и бизнес-элита того периода, в основном, прозападная и либеральная, видела в отношениях с США ни много, ни мало – ключ к модернизации и вхождению страны в привилегированный развитый Западный мир. Одним из ярких представителей той российской политической элиты был министр иностранных дел Андрей Козырев, которого за его «любовь» к США называли чуть ли не «представителем Государственного департамента в России».

В этой связи, возникает ключевой вопрос: почему США и в целом Запад на фоне крайне позитивного настроения и готовности идти на большие уступки, к примеру, в области разоружения, сотрудничества по терроризму и другим важным аспектам международной жизни, не смогли включить Россию в евроатлантические структуры, в частности, НАТО и ЕС? Вообще, было ли это возможно в принципе?

Вопросов в отношении Вашингтона и Москвы – больше, чем ответов, и эти ответы часто противоречат друг другу. Если попытаться их агрегировать и вывести несколько ключевых объяснений, то они могут быть изложены таким образом:

Во-первых, влияние на политику США в отношении России оказывал и во многом продолжает оказывать так называемый «комплекс победителя». Администрация Клинтона рассудила прямолинейно: «...СССР – проигравшая сторона, а значит, и Россия тоже. Ставка была сделана на односторонний внешне-политический курс, который, в частности, проявился во время войны в марте 1999 года в Югославии. Расширение НАТО также стало одним из симптомов этого подхода» [190]. Так думают не только российские, но и американские эксперты, в частности, много раз уже цитировавшийся Джеффри Сакс.

Не секрет, что внешняя политика США на российском направлении в немалой степени отягощена мифами и стереотипами, которые во многом восходят к основополагающему западному мифу о том, что «победа» над СССР представляла собой некую универсальную ценность, которую нельзя заменять на компромиссы с преемником советского государства в лице Российской Федерации.

Справедливости ради надо сказать, что и в российской мифологии также укоренилось мнение, что «Россия, по сути, великая держава, и, следовательно, не просто заслуживает уважения, но вправе на равных участвовать в управлении европейскими и мировыми делами, а главное – обладать привилегированным статусом крупнейшей державы на континенте» [191].

Во-вторых, по мнению российских экспертов, любые инициативы и идеи о расширении сотрудничества, проявляемые со стороны России, воспринимались Вашингтоном как уступки более слабого партнера. Такой подход привёл к тому, что прежние механизмы взаимодействия, показавшие свою эффективность в кризисные моменты во времена США – СССР, как это

было в Карибский кризис 1962 года или в период горбачевской перестройки и потепления отношений, в постсоветское время были разрушены.

В-третьих, выдвигаемые с самого начала независимости требования о необходимости учета интересов России так и остались, в целом, нереализованными. Среди таких императивов российской внешней политики значились: «... 1) добиваться, чтобы ни одно крупное международное решение не принималось без участия России; 2) получить гарантии того, что НАТО не будет расширяться на Восток, а Евросоюз не станет включать в свой состав государства бывшего СССР; 3) сдерживать и отбрасывать назад все попытки продвигать в России и соседних с ней государствах демократию западного типа, сводя к минимуму возможность смены режима или нестабильность в каком-либо из государств ближнего зарубежья» [192].

В-четвертых, и это, на мой взгляд, самое главное – в Вашингтоне долго не могли определиться, а какая Россия им нужна? Исходя из этой неопределенности, не могло быть и речи о стратегии и правильной политике в отношении вчерашнего геополитического противника. С одной стороны, США жизненно не были заинтересованы в политической и экономической дестабилизации России, крупнейшей в мире, по данным Стокгольмского института исследований проблем мира, по количеству ядерного оружия, страны – 7400 ядерных боеголовок. Дестабилизация и потеря контроля в России могла означать угрозу всему миру и, прежде всего, США.

Но и в российском «плане Маршалла», предполагающем масштабную экономическую помощь в модернизации России, и, соответственно, в экономическом и вслед за этим – геополитическом

тическом и военно-стратегическом подъеме своего экс-главного оппонента, Вашингтон не был заинтересован или, по крайней мере, не готов.

Возникла тупиковая ситуация, когда шаги в ту или другую сторону вели к нежелательным для США результатам, поэтому Вашингтон с самого начала ограничился политикой полумер. С одной стороны, России оказывалась дозированная экономическая помощь, в том числе через МВФ, велось сотрудничество в области разоружений и по ряду вопросов международной безопасности. С другой же, для Вашингтона главной целью российской политики стало недопущение создания некоего аналога Советского Союза, путем реинтеграции бывших советских республик под главенством России, и появления на постсоветском пространстве влиятельного геополитического актора.

В этом русле политика США была направлена на максимальное геополитическое ослабление России – через продвижение НАТО на Восток, присоединение стран: сначала – Центральной и Восточной Европы, а потом и постсоветских республик Балтии. Справедливости ради, надо сказать, что в деле присоединения бывших стран соцлагеря Вашингтон долгие годы занимал прохладную позицию, не видя никакого геополитического смысла ссориться с Россией из-за сомнительного, по мнению американцев, проекта продвижения НАТО на Восток. Настойчивость восточноевропейских стран, а также «ошибки» Москвы в европейском направлении, в том числе, и в конфликте вокруг Югославии, политику США изменили.

Также заметную активность Вашингтон проявил в продвижении демократических идей и ценностей на всем постсоветском пространстве, оказании поддержки странам СНГ в обо-

ронной сфере, а также инициативах, связанных со строительством энергетических маршрутов в обход России.

Естественно, что такая политика США не могла не вызывать ответную, порой – жесткую реакцию со стороны России, как это было в отношении планов размещения ПРО, и отношения Москвы и Вашингтона на протяжении 25 лет были похожи на американские горки, где периоды похолоданий чередовались с заметными оттепелями

Специалисты, занимающиеся вопросами американо-российских отношений, выделяют «четыре попытки перезагрузки» отношений России и США: 1) последний год президентства Джорджа Буша-старшего; 2) российско-американские отношения при администрации Билла Клинтона; 3) инициатива Владимира Путина, предложившего после терактов 11 сентября 2001 года поддержку в антитеррористической кампании; 4) обещание Барака Обамы реконструировать отношения с Россией после российско-грузинской войны 2008 года» [193].

Вполне возможно, по крайней мере, так было заявлено в предвыборной кампании Трампа, он может попробовать перезагрузить отношения с Москвой в пятый раз. Хотя сделать это ему будет чрезвычайно трудно – Конгресс настроен антироссийски, и с этим Трампу приходится считаться. Этим объясняется его осторожность в выстраивании отношений с Москвой. Как сапер не ошибается дважды, так и Трамп не может допустить ошибки с Кремлем: ведь, если президент США пойдет навстречу Москве и Россия после этого не сможет или не захочет соблюсти ранее взятые на себя обязательства по Украине, то Трампу под давлением Конгресса, СМИ и общественности придется пойти на очень жесткие меры в отношении России.

Вообще в России стало уже традицией, когда периоды благоговения перед Америкой тесно переплетаются с ее демонизацией. «...Советские и российские лидеры знали, что Америка, идеалы этой страны всегда вдохновляли российских революционеров и идеалистов. Американская Декларация независимости дала вдохновение декабристам 1825 года, восставшим против царя Николая I. Некоторые революционеры 1917 года видели Америку как путеводную звезду: Россия должна была стать новой Америкой, только еще лучше и справедливей» [194].

И, наоборот, сегодня никакая страна не служит для Москвы лучшей мишенью для «битья», чем США. К примеру, в 2016 году социологи из американского Гамильтон-колледжа провели исследование под названием «Российская элита-2016», в котором приняли участие 243 представителя российской элиты – главным образом, это высший эшелон федеральных чиновников, парламентарии, представители бизнес-элиты, руководители СМИ и ученые. В ходе исследования выяснилось, что «80,8% опрошенных респондентов полагают, что США представляют угрозу для национальной безопасности России, а 88% назвали отношение США к России враждебным. Подобные взгляды среди правящей элиты возникли не на пустом месте. Унижение, связанное с распадом СССР, расширение зоны влияния Запада на Восток, вопреки интересам России, провал «западного проекта» Путина, в результате которого Россия потеряла надежду стать полноправным членом международного сообщества, повлияли на развитие антиамериканизма, экспансионизма и милитаризма» [195].

Американские эксперты отмечают, что внешняя политика

России построена на престиже, и Москва стремится его повысить, в том числе, путем противостояния с США и постоянного поддержания среди населения образа Америки как основного внешнего врага. Многие американские политологи склонны объяснять подобное поведение России на международной арене постимперским синдромом.

Путин также пытался построить качественно новые отношения с администрациями и Буша, и Обамы. Но сначала, после вторжения США в Ирак в 2003 году и последовавшими в дальнейшем цветными революциями в Грузии, Украине и Кыргызстане, отношения сменились на более чем прохладные. Самой нижней точки американо-российские отношения достигли, по понятным причинам, после присоединения Крыма к России и введения взаимных санкций.

По мнению российских стратегов (например, Сергея Глазьева), «... украинский кризис 2013 года предоставил Соединенным Штатам возможность, отодвинув в сторону более осторожных европейцев, завершить «незавершенную оранжевую революцию» 2004 года и укрепить американскую гегемонию («лидерство»). Кроме того, в России считали, что США стремились наказать ее за перехват инициативы в урегулировании проблемы химического оружия в Сирии в середине 2013 года, а также в целом за нежелание «склонить голову». Америка бросила вызов России в Украине, предостерегая тем самым Китай от возможных посягательств в Южно-Китайском море и на Тайване» [196].

В целом, российская стратегия Вашингтона подвергается острой критике и в самих Соединенных Штатах. Многие эксперты говорят о неэффективности российской политики США,

так называемой политики «среднего пути», когда, с одной стороны, «...предполагается тесное сотрудничество с Москвой по ключевым вопросам глобальной безопасности, в решении которых требуется участие РФ, к примеру, по ядерной программе Ирана. В то же время, США намереваются и дальше продвигать политику продвижения НАТО на Восток, сохранить активность в Украине, на Кавказе, в меньшей степени – в Центральной Азии. Средний путь базируется на предположении, что новой «холодной войны» можно избежать, не вступая в переговоры с Россией по региональному порядку на окружающем ее пространстве» [197].

Хотя очевидно и другое – что, с точки зрения национальных интересов независимых государств СНГ, сохранение и развитие их полноценных отношений с Соединенными Штатами являлось в некоторых случаях чуть ли не единственной гарантией обеспечения безопасности и суверенитета. США прекрасно понимают потребность постсоветских стран в своем политическом присутствии в качестве баланса интересов больших игроков и заинтересованы в сохранении и развитии отношений с ними даже вопреки воле Москвы.

Стивен Уолт, один из самых авторитетных американских международных школы реализма, у которого мне довелось взять предмет по внешней политике США, уверен, что в американской политике существует фундаментальное непонимание интересов России, что, в конечном итоге, и ведет к эскалации напряженности в двусторонних отношениях. Уолт говорит, что «...пространство СНГ – зона стратегических интересов России, и попытки Запада произвести переориентацию этих стран, даже с полного согласия и желания их национальных элит, жиз-

ненно противоречит интересам России. Лишившись влияния на пространстве, Россия не просто лишается любого шанса на геополитическое возрождение в качестве сверхдержавы, но и имеет все шансы на распад как государства. Украина же в этом списке занимает особое место, и уход Киева из-под контроля России воспринимается Москвой как угроза собственной национальной безопасности. Поэтому реакцию Москвы на события в Украине, в том числе и присоединение Крыма, надо воспринимать как оборонительную, а не наступательную» [198].

На лекциях Стивет Уолт часто риторически вопрошал: разве США не повели бы себя подобным образом, что и Россия в Украине, если бы другая держава проводила подобные акции у границ Соединенных Штатов, к примеру, Китай проводил бы военные учения в Мексиканском заливе! Конечно, с мнением американского профессора можно не соглашаться, но для понимания мотивов и практики внешней политики России с точки зрения школы реализма, аргументы Стивена Уолта заслуживают внимания.

Вместе с тем, Россия была и остается европейской державой, с преимущественно европейским населением, христианской религией, цивилизационными ценностями. Поэтому Россия, ее элита и население стратегически всегда будут тяготеть к Западу, его образу жизни. Это дает повод и оптимизм для улучшения отношений России и США в долгосрочной перспективе. Пока же Россия, в условиях острого противостояния с Западом, пытается найти точки опоры в Азии, будь то на двусторонней основе с Китаем, или через многосторонние институты – БРИКС или ШОС.

Думаю, надо согласиться с теми исследователями америка-

но-российских отношений, которые говорят, что перспективы этих отношений туманны и непредсказуемы. Слишком разные политические системы и ценности у двух этих держав. Для США Россия вряд ли в обозримой перспективе станет таким же важным и близким партнером и союзником, как европейские страны, такие, как Великобритания или Германия. Россия для США сегодня, впрочем, как и в прошлом, в основном рассматривается в негативном контексте, как угроза, как непредсказуемое государство с ядерным оружием. Россия не рассматривается США в категории «возможностей XXI века», и это напрямую затрагивает и другие постсоветские страны. Россия не представляет большого интереса ни с точки зрения экономического, ни технологического, ни инвестиционного сотрудничества, как это происходит с европейскими странами, Японией, Китаем и Индией. Тем не менее, Россия представляет жизненно важный геополитический интерес. Вопрос – в том, с кем будет Россия в XXI веке, на фоне усиливающегося китайского фактора в международной политике, роста международных проблем, и это не может не волновать США.

Сегодня очевидно, что главными проблемами между Москвой и Вашингтоном остаются хронический дефицит доверия и непонимание интересов друг друга. Как показывает исторический опыт, «... содержание, характер, масштабы, низкий уровень позитивных или негативных начал во взаимоотношениях между государствами во многом зависят от того, как они видят и воспринимают друг друга, в какой мере они доверяют друг другу» [199].

Говорить, кто сыграл большую роль в этом – контрпродуктивно. Более важным является недопущение эскалации этих

отношений в будущем, тем более, что такие опасения нельзя назвать абсолютно безосновательными. Чтобы избежать новой «холодной войны», придется пойти на уступки: «...США и их союзникам – в отношении дальнейшего расширения евроатлантических структур, а России – в том, что касается вмешательства в дела соседей и угрожающего поведения в военной сфере» [200].

Как результат, для перехода отношений на новый уровень необходимо воссоздать минимальный уровень доверительных отношений, нужна политическая воля двух стран. Тем более, что у обеих стран существует объективный круг вопросов и вызовов, затрагивающих национальные интересы как Москвы, так и Вашингтона. Главные из них – контроль над ядерными вооружениями и нераспространение оружия массового поражения и, в этом контексте, Иранский вопрос и Северная Корея, европейская безопасность в контексте расширения НАТО, вопросы освоения Арктики, глобального потепления, ну и, конечно, проблемы безопасности Ближнего Востока и Афганистана, где оба государства пока что, скорее, играют друг против друга.

4.5 Завершается ли век Америки? – заочный разговор с Джозефом Наем

Споры о том, завершается ли время глобального доминирования Америки, начались практически сразу после распада СССР, когда США в одночасье оказались в роли единственной мировой сверхдержавы. Условно «спорщиков» можно разделить на две большие неоднородные категории. Первые говорят о том, что «в XXI веке мощь США в экономической, техноло-

гической и культурной сферах будет столь подавляющей, что страна будет доминировать на протяжении всего наступившего века, несмотря на то, что он будет сопряжён с войнами и кризисами» [201].

Если же США не справятся с ролью мирового лидера, а на их месте не окажется равносильного игрока, то итогом станет длительный период мирового беспорядка. Как прогнозирует Збигнев Бжежинский, «...внезапный и широкий кризис американской системы вызовет быстро растущую цепную реакцию, ведущую к глобальному политическому и экономическому хаосу, постепенному и длительному упадку Америки, а бесконечная война с исламским миром едва ли позволит даже к 2025 году появиться новому глобальному преемнику» [202].

Национальный Совет по разведке США между тем предполагает, что «мир уже становится многополярным, а это ограничивает возможности страны выступать в роли центра «однополярной» системы. В следующие 15–20 лет Соединённые Штаты будут оказывать большее влияние на развитие системы международных отношений, чем любой другой актор, но в многополярном мире утратят ту власть, которой обладали на протяжении последних десятилетий. Заинтересованность и готовность США играть лидирующую роль также могут снизиться, поскольку американские избиратели пересмотрят свое отношение к экономическим, военным и вероятным издержкам американского лидерства» [203].

Этот прогноз, сделанный в 2009 году, формально легитимировался в 2016 году, когда избиратели сделали свой выбор в сторону сокращения роли США в мировых процессах и сосредоточивания на делах внутренних. Хотя, фактически, сокраще-

ние американского военно-политического присутствия началось еще в эпоху правления Барака Обамы, когда «...уходом из Афганистана и Ирака, смягчением позиций в отношении Ирана Вашингтон признал факт «имперского перенапряжения», возвращения на более умеренные позиции и приведения политической оболочки, риторики в соответствие с экономическими тенденциями» [204].

На этом фоне, сегодня появляется все больше оценок, подтверждающих тот факт, что век единоличного 25-летнего лидерства США завершается. Многие эксперты говорят о формировании многополярного мира с несколькими глобальными игроками: Объединенной Европой (ЕС), Китаем, Индией, Бразилией и Россией. США, сохраняя свои лидерские позиции, тем не менее, станут всего лишь первыми среди равных.

Существуют и другие оценки ближайшего будущего. Они базируются на предположении, что мир поменяется с американо-центричного на сино-центричный. На смену веку США придет век Китая. Прогнозируется, что очень скоро, в перспективе 5–10 лет Китай догонит США и займет их лидирующее место в качестве мировой сверхдержавы.

Мнения – полярны, и все они имеют свои аргументы, сильные и слабые стороны. С фактом, что мир меняется, и роль и место США уже не будут прежними, вряд ли кто будет спорить. Однако я все-таки склоняюсь к мнению тех авторитетных экспертов, которые выражают серьезный пессимизм относительно прогнозов о скором закате лидерства США и возвышении Китая, либо формировании некоего многополярного мира. Одним из таких мировых экспертов является ни кто иной, как Джозеф Най, автор концепции «мягкой силы» (Soft Power),

профессор Гарвардской Кеннеди школы, признанный одним из самых влиятельных в мире и самым влиятельным в США экспертом в сфере международных отношений.

Мне представилась уникальная возможность лично познакомиться с живой легендой, побеседовать с ним, в том числе, и о внешней политике США. Несмотря на солидный возраст, он очень живо интересуется всеми событиями, происходящими на мировой авансцене, в том числе, и на постсоветском пространстве. Знакомые ребята, бравшие у него лекции по этике внешней политики США, рассказали курьезный случай, случившийся в самом начале его курса. На первой ознакомительной лекции аудитория, по понятной причине, была набита студентами под завязку, набралось где-то 60–70 студентов, в то время как лимит курса был не более, чем 30 человек. Джозеф Най, не раз, видимо, сталкивавшийся с подобным аншлагом, сразу сделал ход конем и выдвинул свои требования, в частности, о необходимости перед каждой его лекцией прочитывать более 100–150 страниц текста из различных источников и быть готовым к ответу по любым вопросам. На втором занятии больше половины студентов сдуло, как ветром. Я также думал взять его предмет, но из-за огромного выбора важных и исключительно интересных для меня лекций, я трезво оценил возможности распределения драгоценного времени и ограничился лишь личным знакомством с ним, о чем, кстати, впоследствии не раз сожалел. Прочтение одной из последних работ Джозефа Ная – «Завершается ли век Америки?», возможно, и не было полной компенсацией «пропущенных лекций», но стало для меня отправной точкой для понимания будущего США и места этой страны в меняющемся мире.

Начиная этот заочный разговор, профессор Най мог бы сказать, что для начала было бы нелишне понять: а что означает быть единственной сверхдержавой, в чем именно заключаются державные параметры?

По его мнению, «...если взять за основу критерии определения глобальной сверхдержавы, то сегодня в мире только США обладают всеми характеристиками сверхдержавы: достаточной экономической, военной, научной, демографической, а также культурной мощью. Другие реальные государства-претенденты на эту роль, а именно: Китай, Индия, Германия, Великобритания, Япония и Россия – сильно уступают США по тем или иным параметрам. Так, Китай, Индия, Япония и европейские страны уступают в научной и военной областях. Россия серьезно отстает в экономическом, научном и демографическом потенциале. Только США обладают всеми вышеперечисленными характеристиками сверхдержавы в полной мере» [205].

По мнению Джозефа Ная, нет никаких оснований говорить, что какая-либо из других стран сегодня готова бросить вызов и занять место США в качестве единственной сверхдержавы в среднесрочной перспективе. Но в стратегическом горизонте единственной страной, которая может стать системным конкурентом американскому лидерству, по мнению Ная и многих других исследователей, является именно Китай.

Действительно, в пользу Китая говорят многие факты. Темпы развития КНР – впечатляющие, и сегодня по ряду ключевых параметров Китай является единственной страной, способной стать системным оппонентом США в мировом лидерстве. В 2014 году Китай уже опередил США по ВВП, рассчитываемому по паритету покупательной способности валют. Ожидается,

что до 2026 года КНР обойдет США и по номинальному ВВП, и что к 2025 году доля США в мировой экономике упадет до 14,9%, в то время, как вклад Китая прогнозируется на уровне 17,2%. К 2050 году Китай увеличит свою экономику в 10 раз, до 105,9 триллиона долларов с нынешних 10,3 триллиона. Американская же экономика за тот же период вырастет всего в четыре раза – с 17,4 до 70,9 триллиона долларов. В этом случае произойдет первая за 140 лет смена глобального экономического лидера!

Но все ли так гладко и однозначно? Что реально скрывается за этими «громкими цифрами»? Действительно ли был прав историк Нэйл Фергюсон, заявивший, что «21 век принадлежит Китаю»?

Обобщая многочисленные исследования американских, российских, европейских экспертов [206], которые провели подробный сравнительный анализ различных параметров развития США, Китая, Японии, России и европейских стран, можно прийти к следующим 8 ключевым выводам:

Во-первых, в последние годы ВВП КНР замедляется – если в 2010 году экономический рост Китая составлял 10,4%, то в 2011 году он снизился до 9,2%, в 2012 – до 7,8 %, а в прошлом году – до 7,7%. Опасения экономистов вызывает госдолг КНР, в настоящее время составляющий 23 триллиона долларов. Для сравнения, госдолг США – 17,6 триллиона долларов. Стремительно растущая задолженность Китая – это расплата за ускоренный экономический рост, который совсем недавно выражался двузначными цифрами, а сейчас идет на спад, и эксперты не исключают, что рост ВВП в 7,5%, на который надеются китайские власти, получен не будет.

Во-вторых, даже если Китай превзойдет США по номинальному ВВП, то в расчете ВВП на душу населения Китаю (11 868 долларов) придется догонять Соединённые Штаты (54 000 долларов на 2014 год) ещё не одно десятилетие.

Новая статистика, разработанная ООН, позволяет выявить, насколько ВВП отражает реальную мощь Китая. Индекс «инклюзивного богатства» оценивает активы в трех сферах: 1) производственный капитал (дороги, здания, станки и оборудование); 2) человеческий капитал (навыки, образование, здравоохранение); 3) природный капитал (полезные ископаемые, экосистема, атмосфера). В сумме инклюзивное богатство США оценивается в 144 триллиона долларов – в 4,5 раза выше, чем показатель КНР – 32 триллиона долларов.

Для характеристики экономической роли Америки в мире недостаточно привести данные, свидетельствующие о том, что США являются лидером по размеру номинального валового внутреннего продукта (ВВП), составляющего 17,4 триллиона долларов, или 22,3% мирового ВВП. К этому показателю следует добавить, что американские транснациональные корпорации производят на своих зарубежных предприятиях объем продукции, составляющий около 1/3 ВВП США. Поэтому, если считать не ВВП, а валовой национальный продукт (ВНП), который включает и зарубежное производство национальных компаний, то доля США в мировом ВНП составляет около 28%. По темпам экономического роста американская экономика значительно опережает другие крупные развитые страны и в течение последних пятнадцати лет увеличивается в среднем на 2% в год, тогда как экономики ЕС и Японии регулярно переживают сильные рецессии.

В-третьих, настоящей «ахиллесовой пятой» экономики Китая является его технологическое отставание от США.

Китай стал «мировой фабрикой», но пока не стал «фабрикой инноваций и новых технологий».

США лидируют в мире по инновациям, которые в 2013 году обеспечили им 128 миллиардов долларов, в то время как Китай получил только 1 миллиард долларов. ,

Сегодня более 50% от китайского экспорта приходится на так называемую «давальческую экономику», т. е. когда компоненты сначала импортируются для сборки, а потом идут на экспорт. С одной стороны, это – один момент, который пугает всех американцев и жителей других высокоразвитых стран, откуда производство «утекло» в развивающиеся страны.

Американцы, особенно те, кто был занят на производстве, негодуют по поводу безработицы и «утечки денег». Но, объективный анализ говорит, что безработица, связанная с уходом производства, легко перекрывается другими высокотехнологичными сервисными отраслями экономики, а что касается доходов от производства, то всем давно уже ясно, что в цепочке производства товаров и услуг главную прибыль получают те, кто стоит в самом начале процесса, продает идею и инновации. Азиатское производство следует рассматривать в контексте глобальной экономики, в которой страны, подобные Китаю, стали важной частью сети поставщиков – но все-таки только частью.

Отличный пример – это iPod: он производится, главным образом, за пределами Соединенных Штатов, но большую часть добавленной стоимости забирает Apple Inc. в Калифорнии.

Брутто-прибыль компании от продажи 30-гигабайтового iPod по розничной цене в 299 долларов (в конце 2007 года) составила 80 долларов. Ее прибыль от расчетной оптовой цены в 224 доллара составила 36 процентов. (Добавьте сюда розничную прибыль, если товар продавался в фирменном магазине компании Apple Inc.) Общая стоимость компонентов изделия составляла 144 доллара. Китайские же производители получают только маржу в размере нескольких процентов от стоимости своих изделий.

США сохраняют мировое технологическое лидерство и не только контролируют около половины так называемых критических технологий, но и, как ожидается, первыми перейдут на новый, шестой технологический уклад. На эту страну приходится 27% всех мировых расходов на НИОКР, тогда как суммарно на все европейские страны – только 22%.

Кроме того, США – на пороге четвертой промышленной революции, в основе которой – продвинутая роботизация производства и массовое применение 3Д-технологий, что повысит продуктивность производств на 30%. Это приведет к кардинальной перестройке химической, стальной, аэрокосмической и других отраслей промышленности. Четвертая промышленная революция не только изменит типы производства, которые станут меньше, будут подстроены под индивидуальные вкусы потребителей, но и критически повлияет на глобальные торговые потоки.

Произойдут локализация и регионализация промышленного уклада. Запад будет больше торговать с Западом, а Восток – с Востоком.

В этой связи, США уже начали активное возвращение про-

мышленных производств из стран третьего мира, в частности, из Китая. Одной из причин является выравнивание стоимости производства – ожидается, что в 2018 году себестоимость продукции в США и Китае сравняются во многих областях промышленности. Девизом в США является поворот к бренду «Сделано в США» (Made in USA).

В-четвертых, если у Китая с Россией разрыв в технологическом отставании от США значителен, то, к примеру, у стран Европы, таких, как Германия и Великобритания, это отставание или минимально, или вовсе отсутствует.

Однако перед Европой США имеют другие важные преимущества, прежде всего, демографические. Николас Эберштадт, ученый из Американского института предпринимательства, прогнозирует, что «численность населения США к 2030 году вырастет на 65 миллионов, тогда как в Европе этот показатель останется «по сути неизменным». «В Европе, – отмечает Эберштадт, – к этому моменту пожилых людей старше 65 лет будет вдвое больше, чем детей моложе 15 лет. В будущем это приведет к катастрофическим последствиям. Это, прежде всего, сокращение трудовых ресурсов и огромное бремя пенсионных выплат на экономики стран Европы» [207].

Рост населения США произойдет в основном за счет иммиграции, в том числе, и за счет высококвалифицированной, т. е. иностранных студентов и научных работников со всех уголков мира, обучающихся в США. Преимущество Америки в области инноваций – это, в первую очередь, продукт иммиграции. К 2010 году более 50% докторских степеней во всех областях знания получают иностранцы, обучающиеся в США. В науке эта цифра приблизится к 75%. Половина новых компаний Силико-

новой долины имеет одного основателя-иммигранта или американца в первом поколении, а 40% из топ-500 самых богатых компаний США были основаны иммигрантами или их детьми. Недавний скачок роста производительности труда в США, первенство в нанотехнологии и биотехнологии, способность страны изобретать свое собственное будущее – все это покоится на иммиграционной политике.

В-пятых, в то время, как Китай сохраняет серьезную энергетическую зависимость от стран Персидского залива, США за последнее десятилетие совершили так называемую «сланцевую революцию». Министерство энергетики США оценивает, что возобновляемые источники сланцевой энергии вместе с нефтью и газом обеспечивают США почти 2 столетия энергетической независимости. Кроме того, сейчас США из импортера становятся экспортером сжиженного газа в Северной Америке.

Дешевая энергетика дает американской экономике мощный импульс в промышленности, особенно в химической, алюминиевой, стальной и др.

В ближайшие десятилетия так называемая сланцевая революция окончательно избавит США от энергетической зависимости и поможет полностью выровнять перекошенный в пользу импорта торговый баланс. Новые технологии подорвут контроль ОПЕК над ценами на «черное золото», что может привести к падению нефтяных цен и сильнейшему негативному эффекту для экономик стран, зависящих от экспорта нефти и газа. Прогнозируется, что в 2029 году спрос на нефть достигнет своего пика, за которым произойдет спад, причем без восстановления. К этому времени доля электромобилей будет неу-

клонно возрастать. Нефть будет уже не нужна. Мощный сигнал всем странам – производителям нефти, что надо меняться.

В-шестых, с точки зрения глобального лидерства принципиальным вопросом является способность конвертировать экономический потенциал в военную мощь.

Если оценивать 14 категорий систем, обеспечивающих такую способность (от атомных ударных подлодок до спутников и транспортных самолетов), получится подавляющее превосходство США во всех сферах. Сегодня военные расходы США (607 миллиардов долларов) превышают суммарные военные расходы следующих топ-8 стран. Морские силы США равны по размерам следующим 17 странам в совокупности, американцы имеют преимущество в воздухе, космосе и киберпространстве. Китаю понадобятся многие десятилетия, чтобы приблизиться к подобной мощи на одном из фронтов, не говоря об общем превосходстве.

К примеру, Китай до сих пор не обладает современным противолодочным оружием. Только сейчас КНР стала производить ударные атомные подлодки, сопоставимые по уровню шума с американскими субмаринами образца 1950-х годов, в то время как США, потратив 60 лет и сотни миллиардов долларов, разработали современнейшие подлодки класса Virginia, достигнув абсолютной их бесшумности.

США создали мощнейшую научно-промышленную базу. Сегодня США ежегодно тратят на научные исследования и разработки около 80 миллиардов долларов, в 13 раз больше, чем Китай, поэтому даже быстрого продвижения недостаточно, чтобы сократить разрыв.

В-седьмых, в последние годы позиции США практически

во всех ключевых регионах планеты не ослабевают, а значительно усиливаются. США смогли противопоставить Китаю большинство соседних с ним государств Азии и в рамках провозглашенной в 2011 году «политики опор» укрепить свои отношения с ними, усилить свое присутствие в регионе. Такие страны и территории, как Филиппины, Вьетнам, Тайвань, Индонезия, Малайзия, Бруней, Южная Корея, Япония и Индия опасаются роста китайской мощи и китайского влияния в Восточной Азии, в связи с этим, партнерство с США носит для них стратегический характер. В то же время, возможностей Китая недостаточно, чтобы, по крайней мере, на данном этапе эффективно противодействовать политике США в Восточной Азии.

Не в пользу Китая и тот факт, что у США имеется глобальная сеть давно действующих альянсов. Вашингтону удается поддерживать глобальный военный потенциал при относительно небольших затратах (3% от ВВП) во многом благодаря военным базам на территориях союзников и совместной разработке высокотехнологичного оружия. Страны, находящиеся на третьем и четвертом местах в мире по уровню ВВП – Япония и Германия, находятся под прямым военным контролем со стороны США – в Японии размещены 113 американских баз, в Германии – 174.

Список союзников США включает самые развитые и большие экономики мира (ЕС, Япония, Австралия, Индия) и 240 тысяч военнослужащих в десятках стран мира, в то время как у Китая – единственный верный союзник – Северная Корея, приносящий больше проблем, чем помощи, и несколько тысяч китайских военных, в основном, занятых в миротворческих миссиях ООН. В последние годы Китай проигрывает США

конкуренцию в борьбе за влияние даже на соседние с ним страны Юго-Восточной Азии.

В-восьмых, глобальное лидерство предполагает привлекательность модели развития сверхдержавы в социокультурном плане. Китайская модель развития, при всем ее культурном богатстве и многовековой истории, заметно проигрывает американской модели.

Мягкая сила США по всем трем направлениям: 1) политических ценностей, основанных на свободе слова и правах человека, 2) американской поп-культуры, с Голливудом, престижными университетами (17 из 20 лучших университетов мира), глобальным доминированием английского языка, и 3) эффективной традиционной и общественной дипломатии, превосходит китайскую, которая только начинает развиваться. Потенциал китайской мягкой силы растет, в том числе при помощи популяризации китайского языка (институтов Конфуция), инвестиций, но он ограничен рядом стран Азии, Африки и Латинской Америки, в то время как охват мягкой силы США – весь мир.

Кстати, планы администрации Трампа по сокращению международной помощи и увеличению оборонного бюджета на 54 миллиарда долларов вызвали серьезную критику в политических и академических кругах США. Ухудшение мягкой силы за счет жесткой, по их мнению, позиции может не только привести к большим проблемам в финансировании здравоохранения, образования и гуманитарной помощи в самых бедных регионах мира. США в этом случае могут столкнуться с мощными имиджевыми потерями, сравнимыми в век информационных технологий с боевыми потерями на войне. Ведь сегодня

сила США заключается не только в обладании самой мощной армией мира, но, в большей степени, в ее мягкой силе, как ведущего государства, содействующего мировому развитию.

Таким образом, в целом можно согласиться с мнением Джозефа Ная и других экспертов относительно того, что век США не заканчивается. Главный кандидат на место нового мирового лидера – Китай – по ряду основных параметров, которые и определяют истинное лидерство – далеко позади США, в то время как Соединенные Штаты – на пути нового экономического и технологического подъема. Наблюдается отчетливая тенденция усиления позиций США в мире. Сегодня нет ни одной значимой проблемы мира, решение которой обошлось бы без участия США.

Вместе с тем, так же очевидно, что мир меняется, и в горизонте 15–20 лет произойдут существенные изменения, меняющие баланс сил на глобальной арене. По данным Национального совета по разведке США, к 2030 году ни одна страна, будь то США, Китай или любая другая, не сможет выступать в роли гегемона. США останутся первыми среди равных, но уже не будут однозначным лидером. Совокупное влияние азиатских стран станет весомее, чем мощь США и Европы вместе взятых.

Хотя Джозеф Най и говорит, что мир не входит в пост-американскую эру, но продолжение века Америки в XXI веке уже не будет таким, как в XX столетии. В целом, мир не движется ни к миру Китая, ни к миру Индии, ни к миру любой другой страны. Эксперты, по его мнению, должны перестать использовать клише об униполярном и многополярном мире, так как мы будем жить в обоих измерениях одновременно. В XXI веке Америка не является ни гегемоном, ни доминирующим

игроком. Роль США – быть лидером и слушать других – для того, чтобы, по выражению экс-госсекретаря Хиллари Клинтон, заручиться их поддержкой в «мульти-партнерском мире».

Экономический и технологический рост других стран означает, что США лишатся части своей доли мирового ВВП, но этот процесс не будет похожим на закат Британии в XX веке, когда страна потеряла ведущие позиции в инновациях, энергетике и предпринимательстве. Америка сохранит действенную и энергичную экономику, останется на переднем крае всех последующих революций в науке, технологиях и промышленности – пока сможет справляться с брошенными ей вызовами.

Соединенные Штаты не смогут помешать подъему Китая и других новых центров мировой силы, но они будут содействовать тому, чтобы их мощь применялась в рамках тех правил и институтов, которые США с партнерами выработали и создали за последнее столетие. Кроме того, США будут и далее выстраивать систему контрбалансов, поддерживая одни поднимающиеся мировые полюса против других (Индия против Китая и т. д.).

Таким образом, глобальное положение Соединенных Штатов может ослабеть, но международная система, лидером которой они являются, способна остаться доминирующей, по крайней мере, в первой половине XXI века.

В сохранении лидирующей роли США заинтересованы и другие государства, в том числе и Россия, и Китай. Страны-союзники заинтересованы в сохранении американских баз и военной помощи США, большинство стран мира заинтересованы в сильных позициях доллара, как мировой валюты, и почти все страны, безусловно, хотят иметь доступ к богатому амери-

канскому рынку. Бумаги казначейства США остаются самым надежным инвестиционным инструментом для всех стран, включая Россию и Китай. Поэтому можно сказать, что особая роль США в мировой экономике и системе международной безопасности определяется не только желанием Вашингтона, но и практическими интересами всех членов системы международных отношений.

4.6 Интересы Вашингтона в Казахстане

Во внешней политике Казахстана США занимают стратегически важное место, хотя и уступают российскому, китайскому и европейскому векторам, в основном, с точки зрения торгово-инвестиционного сотрудничества. Но с точки зрения большой геополитики, задачи многовекторности внешней политики Казахстана, поддержания безопасности в Центральной Азии и Афганистане, роль Вашингтона в регионе очень высока.

Надо сказать, что США являются одной из первых стран, признавших независимость Казахстана (25 декабря 1991 г.) и установивших с нашей страной дипломатические отношения (26 декабря 1991 г.). 25 лет отношений Казахстана и США прошли свои взлеты и периоды снижения интереса, но, что главное, уровень доверия всегда оставался на высоком уровне.

Отправной точкой двустороннего сотрудничества стал исключительно важный и непростой вопрос – доставшееся Казахстану от СССР ядерное наследство, как в виде ядерного оружия, так и в виде реабилитации Семипалатинского полигона. «...По состоянию на начало 1991 года, на территории

Казахстана находился огромный арсенал оружия массового поражения, который включал в себя 1216 ядерных боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет и ядерных зарядов для тяжелых бомбардировщиков. Комплекс ядерных стратегических сил на территории Казахстана включал все возможные и самые современные средства массового поражения и доставки ядерных зарядов» [208].

Этот фактор, по большому счету, и стал основой для дальнейшего плодотворного взаимодействия Астаны и Вашингтона по широкому кругу вопросов безопасности, экономического взаимодействия и инвестиций. А программа Нанна – Лугара (по фамилиям двух американских сенаторов), инициированная США, действовала целых 22 года, с 1991 по 2013 год, и была нацелена на окончательную ликвидацию оружия массового уничтожения и ядерных материалов. В целом, США ценят Казахстан за его вклад в области ядерного нераспространения и разоружения.

Разоруженческая история начала 90-х годов XX века была одним из пиковых моментов отношений двух стран. Для Вашингтона же, надо признать, Казахстан и вся Центральная Азия не входит в число ни первых, ни вторых приоритетов внешней политики, хотя с точки зрения большой геополитики, отношений США с Россией, Китаем и исламским миром, значение региона все возрастает. Если же Китай сумеет воплотить свой мега-проект «Один пояс – один путь», роль Центральной Азии в международных отношениях, как ключевого транзитного моста Азия – Европа, может вырасти кратно. Понимают это и в США, проявляя серьезный интерес к этому проекту и значению региона в нем.

В целом, можно вычленить ряд важных моментов, характеризующих состояние отношений Казахстан – США, и позволяющих понять подтекст и видение политики Вашингтона в Казахстане и регионе Центральной Азии в целом.

Во-первых, «...США остаются одним из главных инвесторов в экономику Казахстана: валовый приток прямых инвестиций в Казахстан из США по состоянию на 2015 год составил 35,4 миллиарда долларов США. В структуре валового притока прямых иностранных инвестиций за период с 1993 года на долю США приходится более 26 миллиардов долларов (из совокупных 195 миллиардов долларов). Объем торговли между Казахстаном и США составил в 2016 году 1,4 миллиарда долларов. Основные отрасли вложения американских инвестиций – горнодобывающая, недвижимое имущество, аренда и услуги предприятиям, финансовая деятельность, деятельность профессиональных организаций, ассоциаций и объединений» [209].

Во-вторых, как уже было отмечено, с точки зрения геополитики для Вашингтона отношения со странами региона и Казахстаном, в частности, важны, в том числе, с точки зрения сотрудничества и соперничества с Россией и Китаем, афганской проблемы, иранского вопроса. Именно в таком комплексе вопросов выстраивается внешнеполитическая стратегия Вашингтона в отношении региона Центральной Азии. Будут актуальными и важными эти вопросы для Вашингтона, будет важен и регион Центральной Азии, и наоборот, снижение актуальности и степени вовлеченности Соединенных Штатов, к примеру, в Афганистан, хотя и не линейно, ведут к меньшему интересу к региону.

В-третьих, другим очень важным моментом для политики США в Казахстане и регионе в целом стало противодействие любым формам воссоздания Советского Союза. В политическом и экономическом хаосе, царившем в 90-х годах XX века на постсоветском пространстве, никто не мог однозначно отрицать и подобный сценарий развития. Тем более, что в президентской гонке 1996 года к власти в России уверенно шли коммунистические силы, приход которых резко увеличивал бы шансы на реинкарнацию Советского Союза, ядром которого, вместе с Россией, Украиной и Беларусью, стал бы и Казахстан.

Естественно, что США не могли допустить возврата СССР. Одним из наиболее действенных инструментов противодействия этому стало продвижение демократии и идеи свободных выборов в странах бывшего Советского Союза, и смены прежних коммунистических элит на прозападные. Продвижение демократии на постсоветском пространстве естественным образом вписывалось в общую глобальную стратегию США – построения либерального миропорядка.

Американо-казахстанские отношения в 90-е годы и в Казахстане прошли под знаменем активного диалога с США в области демократии и прав человека. И хотя в оценках официального Вашингтона в отношении политического развития Казахстана сохранялся «классический» критический настрой, официальный Вашингтон всегда понимал необходимость транзитного периода для Казахстана, учитывая опасности искусственного ускорения политических реформ.

В качестве ответа на проекты Москвы (Евразийский экономический союз) и Пекина («Один пояс – один путь») Вашингтон предложил свой проект региональной интеграции

– «Большая Центральная Азия», идейным автором которого стал известный американский эксперт по Центральной Азии Фредерик Стар. Но Вашингтон, действуя в своих интересах, допустил серьезную ошибку, предложив к интеграционному проекту пяти стран Центральной Азии присоединить и Афганистан. В условиях длящейся в Афганистане войны и произошедшего в период СССР цивилизационного разрыва, для стран Центральной Азии было и остается крайне важным сохранить режим изоляции с этой страной.

Поняв бесперспективность этого проекта, США выдвинули новую, более успешную инициативу сотрудничества в рамках региона под названием «С5 + 1» – министры иностранных дел пяти государств региона и США. По мнению одного из немногих в Казахстане специалистов по США, профессора КазНУ Ф. Кушеевой, одним из возможных вариантов инициативы «С5 + 1» станет «оффшорная балансировка», предполагающая: смену страновых приоритетов; выбор в качестве главного партнера Казахстана; признание интересов и возможностей других внешних сил; поиск правильного баланса между безопасностью и демократическими ценностями; более эффективное использование существующих рычагов воздействия на ситуацию» [210]. Есть, конечно, и другие варианты развития этой важной инициативы – и с точки зрения выбора основного партнера, и с точки зрения повестки, и, в том числе, и с точки зрения возможного угасания интереса к ней самого Вашингтона.

В 2000-х годах демократическая риторика в отношениях Астаны и Вашингтона уступила место вопросам безопасности. Началась контртеррористическая операция США в Афганистане «Несокрушимая свобода», и Вашингтону срочно

понадобились новые союзники в борьбе с терроризмом. Война США в Афганистане резко повысила геостратегическую привлекательность Центральной Азии для Вашингтона. Казахстан стал важным элементом в транзите невоенных и военных грузов для антитеррористической войны сил НАТО, в том числе и США. Аэропорт Алматы стал запасным для экстренных посадок авиации стран НАТО. Закономерно, что кардинальное снижение военного присутствия США в Афганистане после 2014 года снизило и активность США в Центральной Азии.

Вообще, касаясь темы отношений разновеликих стран, которыми являются отношения с США, очень важно трезво оценивать наши приоритеты и не преувеличивать нашу ценность и масштабы сотрудничества. К примеру, в начале 90-х годов в развитии отношений новых стран региона с мировыми державами, прежде всего, с США, ставка делалась на энергетику. Центральная Азия называлась не иначе, как новая кладовая мира. По прошествии лет очевидно, что энергетическая значимость региона была сильно преувеличена. Ближний Восток играл и будет играть главную роль для Вашингтона в этом вопросе. Более того, произошла сланцевая революция в самих США, которая значительным образом повлияла на расстановку сил в мировом энергобалансе и, самое главное – обеспечила США энергетическую независимость.

И хотя для США Казахстан не входит в число приоритетов, для нашей страны отношения с США остаются в числе важнейших. Для этого имеется целый ряд причин.

Во-первых, США, как мировая супердержава, обеспечивают естественный геополитический баланс влияния в регионе других держав, прежде всего, России и Китая, и это полностью от-

вечает концепции многовекторной внешней политики Астаны. Видение Вашингтона, что ни одна из держав не может иметь монопольного влияния в Центральной Азии, а судьба региона должна решаться в Астане, Ашхабаде, Бишкеке, Душанбе и Ташкенте, полностью отвечает интересам Казахстана.

Во-вторых, Казахстан, как развивающаяся страна, остро нуждается в инвестициях и высоких технологиях, которыми обладают Соединённые Штаты. США – еще и огромный, высоко конкурентный рынок сбыта, и важно найти нашу нишу в 320-миллионной стране. Одним из перспективных направлений может стать экологическая сельскохозяйственная продукция, по типу производимой Новой Зеландией, Австралией и Аргентиной. Все больше американцев, да и не только граждан США, несмотря на высокие цены, отдают предпочтение натуральной продукции без ГМО. Казахстану следует со всей серьезностью подойти к идее развития сельскохозяйственной индустрии, страны, производящей натуральные продукты питания – это станет мощным драйвером развития в XXI веке, когда спрос на качественную продукцию питания с каждым годом будет возрастать.

В-третьих, укрепление политических, культурных, образовательных, научных контактов с США непременно окажет долгосрочный положительный эффект на экономическое и политическое развитие Казахстана, как транзитного государства. Десятки тысяч казахстанцев обучились, ведут бизнес, научные и культурные проекты с Америкой, осознали важность и силу гражданского общества, необходимость соблюдения закона и частной собственности. Для устойчивого и успешного демократического развития, как уже неоднократно отмечалось ра-

нее, мало иметь формальные институты, важно наращивать нужные социальные нормы, культурную компоненту модернизации. Тысячи казахстанцев – это, конечно, капля в море для многомиллионного Казахстана, но процесс уже пошел, и рано или поздно даже малое количество непременно перейдет в качество.

Сегодня, в век высоких технологий и сверхскоростей, когда весь мир сжался до одной большой деревни, уже непростительно кивать на «плохую» географию и нашу отдаленность от центров развития XXI века, в том числе, и от США. Современные коммуникации постепенно устраняют этот «дефект». Здесь важно для самого Казахстана, наряду с переформатированием и усилением прежних конструкций, начать строительство новых мостов сотрудничества с Соединенными Штатами. Можно выделить, по меньшей мере, три основных магистрали развития отношений Казахстана и США.

Межгосударственные политические отношения, безусловно, являются основным треком. Как известно, политические контакты практически любого государства выстраиваются на «...четырех условных уровнях. Первый уровень – это политические контакты и неотделимая от них политическая риторика высшего уровня: обозначаются приоритеты и рамки взаимодействия, анонсируются стратегические решения. Второй – уровень дипломатических коммуникаций, касающихся текущей политики и воплощения решений, принятых на высшем уровне. Третий – взаимодействие в рамках глобальных политических институтов, формирующее общий вектор по вопросам, выходящим за пределы двусторонних отношений. И чет-

вертый уровень – неформальные доверительные политические коммуникации и взаимодействие, когда зондируются позиции друг друга и говорится то, что не может быть сказано официально» [211].

Три первых уровня контактов: политический, дипломатический и международный – пока не нуждаются в особой корректировке и характеризуются высоким уровнем взаимодействия. Но последний, четвертый уровень, на мой взгляд, нуждается в особом внимании для развития отношений Астаны с Вашингтоном. Нам остро не хватает политических фигур-тяжеловесов, могущих развивать отношения Казахстана с США на доверительном уровне. Если взять историю создания неформальных доверительных контактов, то в США такими тяжеловесами были Генри Киссинджер, который сумел перезагрузить отношения с Китаем, или Струоб Тэлбот, заместитель госсекретаря в 1994–2001 годах, много сделавший для улучшения отношений с Россией. В самой России таковыми были премьер-министр и министр иностранных дел Евгений Примаков и Георгий Арбатов, создававшие в свое время доверительные отношения с США.

Причем такие люди – это не просто лоббисты интересов двух стран, которые часто имеют конъюнктурный характер, а политические фигуры, выстраивающие долгосрочные отношения двух государств. Естественно, что такие люди – большой дефицит, но они есть, в том числе и среди действующей политической элиты Казахстана. Такие фигуры могут вывести уровень отношений и политических контактов с мировой супердержавой на новый уровень.

Строительство экономического моста между Казахстаном и

США является вторым ключевым направлением. Это, на мой взгляд, и самое проблемное и, одновременно, самое перспективное направление сотрудничества между двумя странами. Проблемное – потому, что американский бизнес пока не видит большого интереса в инвестициях в несырьевые отрасли экономики Казахстана, традиционно ограничиваясь нефтегазовым бизнесом. И вряд ли стоит ожидать крупных инвестиций в нашу экономику, пока не будут проведены структурные реформы по ее диверсификации. Вряд ли также стоит надеяться на американские инвестиции в Казахстан, пока будут оставаться замороженными отношения между США и Россией, с которой мы состоим в едином интеграционном проекте под названием Евразийский союз. Пока не произойдет прорыва в отношениях между Россией и Западом во главе с США и не придут высокие технологии в экономику нашего северного соседа, в наших политических реалиях и связях Астаны с Москвой, шансы на экономический прорыв в отношениях РК и США выглядят скромными. Буду только рад ошибиться в этом вопросе.

В то же время, развитие экономического сотрудничества с США открывает огромные потенциальные возможности и шансы для реальной диверсификации экономики Казахстана, ухода от нефтяной зависимости. Причем основную надежду на американские инвестиции, приход высоких технологий в Казахстан я возлагаю не только и даже не столько на традиционные контакты большого бизнеса, который как раз-таки и не видит никакого интереса в приходе высоких технологий в казахстанскую экономику. Главная надежда, на мой взгляд, кроется в казахстанской молодёжи, обучившейся в США и других западных и в целом в вузах развитых стран – и Япо-

нии, и Кореи, и Сингапура. Пройдя качественное обучение, обкатавшись в бизнесе, связанном с высокими технологиями и идеями, пропитавшись этикой и культурой ведения бизнеса XXI века, именно они могут стать строителями нового моста экономического сотрудничества между Казахстаном и США, и другими передовыми странами в целом.

Третьим направлением и, одновременно, драйвером сотрудничества Казахстана с США может стать растущая казахская диаспора в США, потенциал которой еще мало задействован и вообще оценен. Возможно, это происходит по причине периода начальной фазы формирования и становления диаспоры на новом месте.

В отличие от многих других известных диаспор, той же русской или украинской, число представителей которых в США идет на миллионы, казахская диаспора сравнительно малочисленна и исторически нова. По некоторым данным, на конец 2015 года насчитывалось около 50 тысяч американских казахов, и диаспора продолжает расти. Расселены казахи по всей территории США, в основном, в крупных городах, таких, как Нью-Йорк, Вашингтон, Хьюстон и т. д. Относительно большое количество казахов постоянно живет в таких штатах, как Вирджиния, Нью-Джерси, Техас, Калифорния и т. д., то есть в основном на обоих побережьях Соединённых Штатов, что в целом характерно для новых мигрантов со всего мира.

До распада Советского Союза казахи попадали в США окольными путями – через Европу, Турцию, Китай, и были это в основном малочисленные группы. Основная волна иммиграции казахов в США возникла уже после распада Советского Союза, когда миграционное законодательство

стало более либеральным и границы открылись. В США устремились и студенты, и предприниматели, и ученые, и нувориши, сделавшие себе состояния на коррупции, и т. д. Много было и заключивших межэтнические браки или взявших детей из детских домов Казахстана.

Все знают про программу «Болашак», по которой каждый год на учебу в США едут тысячи казахстанцев, но еще больше молодых людей едут за свой счет, и, не имея никаких финансовых обязательств перед страной, они в большом количестве остаются работать и строить свою жизнь на новой родине. Если отбросить квасной патриотизм, то в этом можно увидеть большой стратегический ресурс для Казахстана, который обязательно вернется в нашу страну в виде инвестиций и бесценного человеческого капитала.

Надо сказать, что казахская диаспора в США, как и практически все, кто вышел из постсоветских стран, отличается своей образованностью и предпринимательской жилкой. Если следовать данным статистики, «...эмигранты из бывшего СССР имеют в среднем 14,1 года образования против 12,6 в среднем по стране, активнее занимаются предпринимательством и зарабатывают на 39% больше среднестатистического американца» [212].

Именно поэтому я полностью уверен, что уже в обозримой перспективе, по мере своего становления, казахская диаспора станет тем эффективным мостом отношений между Казахстаном и США, какой есть у многих других государств.

В 1980-е годы, когда в Китае начались осторожные рыночные реформы, они вряд ли оказались бы успешными, если бы их не поддержали жившие в более развитых странах Азии и

в США этнические китайцы: на первом этапе экономических преобразований до 70% иностранных инвестиций в КНР приходило от хуацяо (столько же приходит в Армению от живущих за рубежом армян в наши дни).

Не менее значима роль выходцев из Индии в экономическом развитии их страны. Правительство Индии систематически работает со своей 3,5 миллионной диаспорой и всячески помогает гражданам индийского происхождения в их карьерных устремлениях. К примеру, в правительстве Обамы было немало выходцев из Индии, в том числе, и на высоких правительственных постах. Индийское правительство знает, что все инвестиции в индийскую диаспору в США рано или поздно вернутся сторицей.

Возможно, что при грамотной диаспоральной политике Астаны, по той же колее будущие инвестиции в экономику Казахстана будут идти, прежде всего, от американских казахов, в том числе, и в сфере высоких технологий. Однако, помимо чисто экономического аспекта, важно говорить еще и о постоянном культурном обмене между диаспорой и коренным населением, что представляет собой крайне важный компонент модернизации, предполагающей включенность того или иного народа в глобальный цивилизационный контекст.

Литература

1. First Americans. National Geographic. January 2015. P. 127–132.
2. Ibid. P. 130
3. Keneth Davis. Don't know much about history. Everything you need to know about American history but never learned. HarperCollins Publishers. New York. 2012. P. 12–13.
4. Ibid. P.14.
5. Ричард Диннон/Richard Drinnon, «Американский Индеец: Первая Жертва»/The American Indian: The First Victim // http://www.pravda.ru/world/2005/5/82/337/19724_GENOCID.html.
6. Isenberg A. The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750–1920. New York: Cambridge University Press, 2000.
7. Keneth Davis. Don't know much about history. P. 40.
8. Unfinished business. The Economist, July1-7th, 2017. P. 39.
9. Derounian-Stodola, Kathryn Zabelle. Women's Indian Captivity Narratives. New York: Penguin Classics. 1998. P. 55.
10. Названия штатов США на английском (перевод, транскрипция, сокращения, этимология // <http://englishonline.ru/nasvaniya-americanskih-shtatov.html>.
11. Julie Turkewitz. The New York Times. Navajos to Get \$554 Million to Settle Suit Against U.S. September 24, 2014.
12. Keneth Davis. Don't know much about history. P. 45–46.
13. Kathleen Sears. American Government 101. Avon, Massachusetts: Adams Media. 2016. P. 10.
14. Ibid. P. 11.

15. Keneth Davis. Ibid. P. 66–68.
16. Boston Magazine. July 24, 2012 // <http://www.bostonmagazine.com/news/blog/2012/07/24/boston-gdp-bigger-countries/>.
17. «State & County QuickFacts – Boston (city), Massachusetts». United States Census Bureau. January 10, 2013. Retrieved February 5, 2013.
18. Max Roser and Esteban Ortiz-Ospina. World Population Growth. <https://ourworldindata.org/world-population-growth/>.
19. An Essay on the Principle of Population As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin, M. Condorcet and Other Writers (1 ed.). London: J. Johnson in St Paul's Church-yard. 1798. Retrieved 20 June 2015. via Internet Archive.
20. Hickey, D.J.; J. E. Doherty. A dictionary of Irish history since 1800. Barnes & Noble. 1980. P. 80.
21. Эмигранты. Три иммиграции: старая, новая, новейшая ... – igornasa.livejournal.com/25173.html.
22. Крылов А. Мир забыл об антикитайских погромах в Америке // Деловая газета Взгляд. – 2015, 3 сентября.
23. Encyclopedia Britannica. Chinese Exclusion Act 1882. <https://www.britannica.com/topic/Chinese-Exclusion-Act>.
24. Immigration Act of 1891. <http://immigrationtounitedstates.org/585-immigration-act-of-1891.html>.
25. «The Immigration Act of 1924 (The Johnson-Reed Act)». U.S Department of State Office of the Historian. Retrieved 2012-02-13.
26. Keneth Davis. Don't know much about history. P. 181.
27. Steven G. Koven, Frank Götzke, American Immigration Policy: Confronting the Nation's Challenges (Springer, 2010). P. 133.

28. Филиппенко А. А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2015. – С. 25. Режим доступа: <http://mgimo.ru/science/diss/filippenko-aa.php>.

29. U.S. Census Bureau. 2007 // <https://www.census.gov/did/www/saipe/data/statecounty/data/2007.html>.

30. Александр Ситников. 7 фактов об американском рабстве. 5 марта 2014 17:09 // <http://svpressa.ru/post/article/83326/>.

31. Как отменяли рабство в Америке. Комсомольская правда. – 2013, 17 декабря // <http://www.saratov.kp.ru/daily/26172/3061855/>.

32. Там же.

33. Detailed Hispanic Origin: 2007. Pew Hispanic Center.

34. Васильев А. Азиатская диаспора станет крупнейшей в США. // Российская газета. – 2015, 8 сентября.

35. Там же.

36. Филиппенко А. А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг. Там же.

37. Keneth Davis. Don't know much about history. P. 163–164.

38. Сергей Мануков. Купленные Штаты Америки. «Expert Online». 2014 // <http://expert.ru/2014/02/12/kuplennyye-shtatyi-ameriki/>.

39. http://www.americancities.ru/articles/usa_regions/.

40. Jeffrey D. Sachs. The shifting global landscape. Boston Globe. January 22, 2017.

41. Jeffrey D. Sachs. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. Penguin Books. February 28, 2006. P. 30.

42. Life 100 years ago in US. <http://www.naute.com/stories/100years.phtml>.

43. Коткин С. Вечная геополитика России // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 4. – С. 49–50.

44. Central Intelligence Agency. The World Fact Book // www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2111.html.

45. Обзор нефтяных месторождений США. 31 августа 2011 г. // <http://neftegaz.ru/analysis/view/7629-Obzor-neftyanyh-mestorozhdeniy>.

46. Jeffrey D. Sachs. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. Penguin Books. February 28, 2006. P. 58-59.

47. Robert D. Kaplan The Revenge of Geography. Random House Trade Paperbacks. 2013. 448 p.

48. Шакенов А. Состояние и особенности развития четвертой промышленной революции в странах-экспортерах сырья // Деловая неделя. – 2017, 30 июня.

49. Затраты на образование в США. 4 мая 2011 // <http://usedu.ru/role-place-education/26-zatraty-na-obrazovanie.html>.

50. «Утечка мозгов: причины и последствия». 17.02.2015. <https://www.zakon.kz/108351-utechki-mozgov-prichiny-i-posledstvija.htm>.

51. Шалманов С. Россия потеряла от «утечки мозгов» \$1 трлн. 29 апреля 2003 // <http://www.museum.ru>.

52. «Утечка мозгов» как глобальное явление. Причины и последствия // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 05.04.2008. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/1653>.

53. Simon Kuznets. Capital in the American Economy: Its Formation and Financing. Princeton University Press. 1961. 694 p.

54. Лебедева М., Харкевич М., Зиновьева Е., Копосова Е. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 27.

55. Daron Acemoglu, James Robinson. Why Nations Fail. Crown Publishing Group. New York. 2012. P. 7–9.

56. Енгибарян Р. Сравнительно-правовой анализ институтов президентства США и России // Международная жизнь, май 2017. – С. 116–118.

57. Hausmann, Ricardo. «Why Are Rich Countries Democratic?». Project Syndicate Commentary. March 26, 2014.

58. The Economist. Founding Vikings. June 18–24. 2016. P. 40.

59. Niall Ferguson. «The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die». Penguin Books; Reprint edition. June 24, 2014. P. 192.

60. Кроткина А. Коленопреклоненный аппарат // Независимая газета. – 2017, 27 июня.

61. Hart-Teeter Poll for the Council of Excellence in Government, reported in the Washington Post, March 24, 1997. And Harris Poll, 1966-2011, “Confidence in Congress and Supreme Court drops to lowest level in many years”, May 18, 2011.

62. Аммосов Ю. «Why Nations Fail: в чем ошибается ставшая культовой теория развития». 2 августа 2016 // <https://republic.ru/posts/71581>.

63. Мельвиль А., Ефимов Д. «Демократический Леви-фиан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблемы взаимосвязи // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 63–64.

64. Lawrence E. Harrison . Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham, Maryland U.S.A.

65. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т.1. 1993, выпуск 2. – С.79.

66. Савичева Е., Шикин В. Хиндутва во внешней политике Индии // Азия и Африка. – 2017. – № 1. – С. 22.

67. Hedrick Smith. Who stole the American dream? Random House Trade Paperbacks. New York. 2013. P. 76.

68. A Culture of Growth: The origin of the Modern Economy. By Joel Mokyr. Princeton University Press; 2016. 403 p.

69. Samuel Huntington, Who Are We? The Challenges to America's National Identity (New York: Simon and Schuster, 2004). P. 59.

70. Ibid. Pp. 68–69.

71. Samuel Huntington. Ibid. P. 79.

72. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ Москва, 2008. – С. 23.

73. Thomas Sowell. The Economics and Politics of Race. New York: Quill, 1983. P. 128.

74. Линецкий А. Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? // Полис. – 2017. – № 4. – С. 127.

75. Niall Ferguson. Civilization: The West and the Rest. N.Y. October, 2012. P. 432.

76. Гуриев С. Уроки экономики: лечение хронической коррупции // <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2005/01/27>.

77. Hausmann, Ricardo. «Fighting Corruption Won't End Poverty». Project Syndicate Commentary. July 24, 2015.

78. Спартак А. Модернизация экспортной специализации России // Международная экономика. – 2016. – № 9. – С. 8.

79. Соломонова И. Рикардо Хаусманн: почему экономическое развитие похоже на игру в «Эрудит». World Press 5 064 21.08.2014.

80. Рамазанов Н. Долларовая рецессия отразилась на рейтинге Казахстана // Деловая неделя. – 2017, 6 июля.

81. Ахметбеков А. Время конкурировать // Эксперт-Казахстан. 14–27 ноября 2016. – С.20.

82. Ткаченко А. Влияние различий в демографическом производстве на возможности экономической интеграции стран ЕАЭС // Власть. – 2016. – № 11. – С.11.

83. Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Высшая Школа Экономики (Государственный Университет). 2011. 384 с.

84. Трамп Д. Укрепить силу Америки // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 5. – С. 34.

85. Из 40 стран по уровню коррупции Казахстан занял 18 место // Литер. – 2016, 16 ноября.

86. Марк Крымский. Один день в Стране амишей. 28.12.2011 // <https://www.gazeta.ru>.

87. Bernard-Henry Levy. American Vertigo. Pp. 54–55.

88. Акимбеков С. Трамп и его победа для США и всего мира // Центр Азии. – 2016. – № 6. – С. 42.

89. Игорь Дмитриевски. Чем были недовольны американцы в 2014 году. 3 января 2015 // <http://stop-news.com/sobytiya-i-fakty/chem-byli-nedovolny-amerikancy-v-2014-godu>.

90. Unemployment rate falls to nine-year low. 2 December 2016 // <http://www.bbc.com/news/business-38181041>.

91. Там же.

92. Безработица в США: статистика и реальная жизнь. Часть первая: Краткий анализ показателей безработицы. Александр Шабсис, Интернет-газета Континент // <http://kontinentusa.com/bezrabotica-v-ssha-statistika-i-realnaya-zhizn-chast-pervaya-kratkiy-analiz-pokazatelej-bezraboticy/> 15.12.2014.

93. Брукс А. Дефицит достоинства // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 3. – С. 74.

94. Луиджи Кампо. Безработица в США в цифрах. Июль 8, 2016 // http://www.newforex.com/ru/learn_forex/news/details.

95. Система социального обеспечения в Америке // <http://www.bigpi.biysk.ru/aaa/VCE/society/socialsec.htm>.

96. A giant problem. The Economist. September 17-23th. 2016. P.11.

97. Шеховцев М. Что сулит миру мир интернет-вещей? // Эксперт. – 2016. – № 48. – С. 22.

98. Шакенов А. Состояние и особенности развития четвертой промышленной революции в странах-экспортерах сырья // Деловая неделя. – 2017, 30 июня.

99. Юлия Сапронова, Алексей Гаврилко-Алексеев. Как Трамп будет строить стену на границе с Мексикой. 26.01.2017. <http://www.rbc.ru/politics>.

100. Никольская Г. США: проблемы иммиграционной политики // Международная экономика. – 2016. – № 4. – С. 38.

101. Там же. – С. 34.

102. The Economist. June 18th-24th. 2016. P. 39.

103. Добаев И., Гаджиев Р. Радикальные религиозно-политические группировки исламистского толка в США: этапы появления и развития // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 5. – С. 100.

104. <https://www.stormfront.org/forum/t596873/>.

105. Никольская Г. Президент США отложил принятие мер по осуществлению иммиграционной реформы. 10.09.2014. // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1219&ret=640.

106. FACT SHEET: Immigration Accountability Executive Action. The White House Office of the Press Secretary. obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/20/fact-sheet-immigration-accountability-executive-action.

107. Pocket World in Figures. 2016 Edition. London. Economist Books, 2015. P. 31.

108. Гоффе Н. Социальные проблемы в экономическом пространстве мегаполиса // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 10. – С. 68.

109. Hedrick Smith. Who stole the American dream? Ibid. Pp. 69–73.

110. The American Middle Class Is Losing Ground. December 9, 2015 // <http://www.pewsocialtrends.org/2015/12/09/the-american-middle-class-is-losing-ground>.

111. Милена Бахвалова. Почему в России и мире растет разрыв между богатыми и бедными // <http://www.banki.ru/news/daytheme>.

112. <http://www.npr.org/sections/thetwo-way/2015/12/09/459087477/the-tipping-point-most-americans-no-longer-are-middle-class>.

113. The happy few. The Economist. July 1-7th, 2017. P.72.

114. Френсис Фукуяма. Политический закат или обновление Америки? // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 5. – С. 61–68.

115. Joseph Stiglitz. How Trump Happened. MONDAY, NOVEMBER 28, 2016 // <https://www.project-syndicate.org>.

116. Christian Elger and Armin Falk – University of Bonn.

117. <http://www.americaru.com/news/66877>.

118. Дмитрий Злодоров. Межрасовые отношения в США складываются плохо // РИА Новости. – 2016, 17 июля.

119. The Counted: people killed by police in the US in 2015 // <http://www.theguardian.com>.

120. Wall Street Journal. Heather Mac Donald, July 9, 2016. <http://www.wsj.com/articles/the-myths-of-black-lives-matter-1468087453>.

121. Георгий Илющенко. Чёрный расизм // История США. Материалы к курсу. 15.12.2010 г.

122. Hate Crimes. The Economist. December 10th.2016.P.39.

123. Who is the smartest race? <https://prepexpert.com/tag/sat-scores/>

124. Emma Cueto. What Do Americans Worry About The Most? Gallup Poll Reveals The Nation's Top Concerns. <https://www.bustle.com/articles/70778-what-do-americans-worry-about-the-most-gallup-poll-reveals-the-nations-top-concerns>.

125. Екатерина Добрынина «Составлен рейтинг стран по уровню терроризма» // Российская газета. – 2012, 5 декабря.

126. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – Ростов н/Д.: Ростиздат, 2005. – С. 128–129.

127. Мусульмане и ислам в США и мире: основные факты. 17.03.2017 // <http://islamoved.ru/2017/musulmane-i-islam-v-ssha-i-mire-osnovnye-fakty>.

128. Добаев И., Гаджиев Р. Радикальные религиозно-политические группировки исламистского толка в США: этапы появления и развития // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 5. – С. 101–102.

129. Фатима Тлисова. США: 60 терактов после 11 сентября // <http://www.golos-ameriki.ru/a/ft-heritage-terror/1712406.html>.

130. <http://federal-budget.insidegov.com/l/119/2016-Estimate>.

131. Jeffrey D. Sachs. Disparities and high costs fuel the health care crisis. Boston Globe. OCTOBER 24, 2016.

132. 2009 US Census Report: «Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2009» pp 22-28 // <http://www.census.gov/prod/2010pubs/p60-238.pdf>.

133. Jeffrey D. Sachs. Disparities and high costs fuel the health care crisis. Ibid.

134. Laura Carstensen The new age of much older age. The Time. P.70. February 23/March 2, 2015.

135. <https://utro.ru/articles/2013/07/18/1132129.shtml>.

136. Уровень преступности США: самые безопасные и опасные штаты // <http://rodivusa.com/podgotovka-k-poezdke/81-uroven-prestupnosti-ssha-samy-e-bezopasnye-i-opasnye-shtaty.html>.

137. FBI Releases 2014 Crime Statistics // <https://www.fbi.gov/news/pressrel/press-releases/fbi-releases-2014-crime-statistics>.

138. Джим Малоун. На долю США приходится четверть заключенных всего мира. 13 августа, 2013 // <https://www.golos-ameriki.ru/author/5532.html>.

139. Закон Лейси, США // <https://ru.fsc.org/ru-ru/ld/zl>.

140. Jail Break. The Economist. May 27th, 2017. P. 13.

141. Lois Beckett. The changing portrait of gun ownership in America. <https://www.theguardian.com/us-news/2016/sep/19/us-gun-ownership-survey>.

142. Уилл Оремус. Австралия: жесткие законы привели к исчезновению массовой стрельбы. 23.12.2012 // <http://inosmi.ru/australia/20121223/203673802.html>.

143. Алина Располова. Россия застряла между Африкой и Европой. 24.02.2014 // https://www.gazeta.ru/auto/2014/02/21_a_5920689.shtml.

144. A horrible MS. The Economist. August 5th, 2017. P. 33.

145. Мошенничество с банковскими картами в США достигло пика за 20 лет // https://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/10/n_7576043.shtml.

146. Владимир Ващенко. В США озаботились героиновой эпидемией // <https://www.gazeta.ru/social/2015/08/21/7710557.shtml>.

147. Youth risk and resiliency survey. – Mode of access: <http://www.youthrisk.org/>

148. Евстафьев Д. Два лица американского капитализма // Эксперт. – 2016, 14–20 ноября.

149. Касаткин П., Ивкина Н. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 125–126.

150. Kathleen Sears. American Government 101. Avon, Massachusetts: Adams Media. 2016. P. 103.

151. Ibid. P. 93–94.

152. Стент А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. Манн, Иванов и Фербер, 2015. – С. 40.

153. Kathleen Sears. Ibid. P. 130.

154. Alexander Hamilton, *The Federalist Papers*, Essay No. 75, «The Treaty-Making Power of the Executive».

155. Zbigniew Brzezinski. «The Choice: Global Domination or Global Leadership». 2004. Basic Books, New York. P. 686.

156. Галстян А. С. Армянское лобби в США: формирование и основные направления деятельности (1915–2014 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 2015. – С. 29.

157. Журавлев В. Россия и США: размышляя над конфликтом // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – № 5. С. 8–9.

158. Terra America. Как осуществляется лоббизм в США. Фонд ИСЭПИ. – М., 2013. – С. 6–11.

159. Ерофеева П. Принципы против интересов: участие правозащитных организаций в принятии внешнеполитических решений в США. // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 1. – С.148.

160. James Lindsay, “Getting Uncle Sam’s Ear”, Council on Foreign Relations (Winter 2002).

161. Ровинская Т. Американские «пираты» против крупных корпораций и государственных ведомств // *МЭМО*. – 2016. – № 10. – С. 80.

162. Белень С. НАТО в мире переоценки // *Россия в глобальной политике*. – 2017. – № 3. – С. 141–143.

163. Лукьянов Ф. Президент нашей мечты // *Россия в глобальной политике*. – 2017. – № 1. – С. 5.

164. Суслов Д. Гудбай, прежняя Америка? // *Россия в глобальной политике*. – 2016. – № 5. – С. 1 – 14, 18.

165. Homskiy Noam. *The World of Our Grandchildren* // *Jacobin*. 2015. February, 13.

166. Суслов Д. Гудбай, прежняя Америка? Там же. – С. 18.

167. Иванов И. Перезагрузка в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? // *Международная жизнь*. – 2012, сентябрь. – С. 23.

168. <http://www.rbc.ru/economics/14/03/2013/570404ed9a7947fcbd446b30>.

169. Hedrick Smith. Who stole the American dream? Ibid. Pp. 357–358.

170. James William Fulbright. *The Arrogance of Power*. New York: Random House, 1966. 284 p.

171. James William Fulbright. *The Crippled Giant: American Foreign Policy and Its Domestic Consequences*. Random House, 1972 - Political Science. 292 p.

172. Мирзаян Г. Кто починит империю? // *Эксперт*. – 2016. – № 28–29. – С. 14.

173. Patrick Gillespie. Latin America: China's power play right under the U.S. February 11, 2016 // <http://money.cnn.com/2016/02/11>.

174. Allies and interests. *The Economist*. December 17th. 2016. P. 52.

175. Country Analysis Brief: Saudi Arabia // www.iea.gov/beta/international/analysis_includes/countries_long/Saudi_Arabia.

176. Полякова А. Роль Израиля в политике США на Ближнем Востоке в президентство Барака Обамы // *Международная жизнь*. – 2016, октябрь. – С. 94.

177. США предоставят Израилю военную помощь на 38 миллиардов долларов. 13 сентября 2016 // https://lenta.ru/news/2016/09/13/military_aid/.

178. Военно-промышленный курьер. Военная помощь США стоит миллиарды. 16 декабря, 2011 // <http://vpk-news.ru/news/76/>.

179. Сучков М. Старое вино в новые меха // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 5. – С. 29.

180. Сучков М. Там же. – С. 28.

181. Захаров А. США и Индия: эволюция политики администрации Обамы // Свободная мысль. – 2017. – № 2.

182. Cha V. Powerplay: the origins of the American Alliance System in Asia. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2016. 352.

183. Блеквил Р., Кемпбел К. Внешнеполитический курс Си Цзиньпина // Востоковедение и Африканистика. – 2016. – № 4. – С. 113.

184. The Military Balance 2017 // <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military>.

185. Блеквил Р., Кемпбел К. Внешнеполитический курс Си Цзиньпина. – С. 108–109.

186. Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000/ - N.Y.: Vintage Books, 1987. – 535 p.

187. Блеквил Р., Кемпбел К. – С. 106.

188. Анатолий Комраков. США готовятся к торговой войне с КНР // НГ. – 2016, 6 декабря.

189. Blackwill R. Campbell K. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. – N.Y.: Council on foreign relations inc., 2016. P. 29.

190. Кислицын С. Непреодолимый фактор силы // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 9. – С.113.

191. Саква Р. Кризис мирового порядка: Россия в поисках выхода из тупика // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 57.
192. Стент А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? – С. 316–317.
193. Стент А. – Там же. С. 318.
194. Champions of the World. The Economist. February 11-17th. 2017. P. 16.
195. Эппле Р., Железнякова М. Элитный антиамериканизм // Ведомости. – 2016. – № 4078, 20 мая.
196. Саква Р. Кризис мирового порядка: Россия в поисках выхода из тупика. – С. 60–61.
197. Чарап С., Шапиро Дж. Среднего не дано // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 5. – С. 50.
198. Stephen Walt. The Secret to America's Foreign Policy Success (and Failure)/ Foreign Affairs. July 27. 2015.
199. Гаджиев К. Большие трещины на «Великой шахматной доске» // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – №1 (61). – С. 38.
200. Чарап С., Шапиро Дж. Среднего не дано. – С. 59.
201. Friedman G. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. New York, Sydney, Auckland, Doubleday. 2009. P. 28.
202. Brzezinski. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. New York, Basic Books, 2012. P.75.
203. 2025 год. Мир после кризиса. Доклад Национального разведывательного совета США. Москва, Европа, 2009. С.171.
204. Лукьянов Ф. Разворот через сплошную // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 6. – С. 6.
205. Joseph S.Nye, JR. Is the American Century Over? Polity Press, Cambridge UK, 2015. 146 p.

206. Брукс С., Уолфорт У. Супердержава в прошлом и будущем // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 4. – С. 58–72; Сафранчук И. Миф о Сизифе. Эссе об исключительности // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 5. – С. 8–12.; Nail Ferguson. Will China Dominate the 21st Century? Cambridge: Polity, 2014. P. 13.; Joseph S.Nye, JR. As China rises, must others bow? The Economist, June 27. 1998. P. 23.; Evan Braden Montgomery, “Contested primacy in the Western Pacific”, International Security 38, Spring 2014. Pp.115–149.; «The jobs machine». The Economist. April 13th. 2013; Лукашин Ю., Рахлина Л. Глобальный прогноз национального совета по разведке США // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 11. – С. 9.

207. Николас Эбештадт. Секретное оружие Америки // <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/sekretnoe-orujie-ameriki-24794.html>.

208. <http://www.inform.kz/ru/istoriya-nezavisimosti-kazahstana>.

209. Материалы конференции «США – Казахстан». Библиотека первого Президента Казахстана. Июнь 2017 года. Астана.

210. Домнин С., Машаев А. Любовь к дальнему // Эксперт-Казахстан. – 2017. – № 1 (569). – С. 13.

211. Естафьев Д. Мы возвращаемся в пятидесятые // Эксперт. – 2016. – № 44. – С. 52.

212. Иноземцев В. Почему российская диаспора – исключение из общего правила // Независимая газета. – 2017, 12 марта.

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған. 2014 жылдың сәуір айында ҚР Президентінің Жарлығымен ҚСЗИ Астана қаласына көшірілді.

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты – Қазақстан Республикасының ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық аспектілерін аналитикалық қамтамасыз ету.

ҚСЗИ кәсіби ғылыми-талдау орталығы болып табылады. Дүниежүзілік талдау орталықтарының индекс-рейтингінің 2016 жылғы қорытындысы бойынша ҚСЗИ қауіпсіздік, қорғаныс және сыртқы саясат салалары бойынша үздік 100 зерттеу орталықтарының қатарына енді. Институт ең үздік мемлекеттік «ақыл» орталықтарының қатарына қосылып, әлем бойынша 56-ші орынды иемденді (http://repository.upenn.edu/think_tanks/10/).

Қазіргі таңда институтта саясаттану, әлеуметтану, мемлекеттік басқару, тарих және экономика секілді салалардың танымал мамандары – ҚР ҰҒА екі корреспондент-мүшесі, бір Әскери ғылымдар академиясының корреспондент-мүшесі, тоғыз ғылым докторы, бес ғылым кандидаты, үш Ph.D мен он екі ғылым магистрлері қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 24 жылдық қызметі барысында институт халықаралық қатынастар, жаһандық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарды. Институтта үш журнал басылып шығарылады: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Үш тілде жүргізіліп отыратын сайты және Facebook әлеуметтік желісінде өз парақшасы бар.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, халықаралық форумдар

өткізіп отыр. 2003 жылдан бері институт Орталық Азия аймағының қауіпсіздігіне арналған ҚСЗИ-дың жылсайынғы 15 конференциясын өткізді.

ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстан өңірлерінің және Орталық Азия елдерінің сарапшылары, сонымен қатар, АҚШ, Ауғанстан, Әзербайжан, Германия, Грузия, Жапония, Иран, Корея, Қытай, Монғолия, Пәкістан, Ресей, Түркия, Үндістан, Ұлыбритания, Франция, Швеция және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысады.

ҚСЗИ көп жылдардан бері Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері, магистранттары мен докторанттары ғылыми-зерттеу, кәсіби және дипломалды тәжірибелер мен тағылымдамалардан өтетін алаң болып келеді.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. 2017 жылы Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі ҚСЗИ үшін Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті мен әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінде Ph.D докторантура («әлеуметтану», «саясаттану» және «экономика» мамандықтары бойынша үш грант) мен магистратураға («саясаттану» мамандығы бойынша бір грант) мақсаттық гранттар бөлді.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,
Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz,

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. В апреле 2014 года Указом Президента Республики Казахстан КИСИ был передислоцирован в город Астану.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан.

КИСИ является профессиональным научно-аналитическим центром. По итогам 2016 года Всемирного индекса-рейтинга аналитических центров КИСИ вошел в топ-100 лучших исследовательских центров в сфере безопасности, обороны и внешней политики. Институт вошел в список лучших государственных «мозговых» центров, заняв 56-е место в мире (http://repository.upenn.edu/think_tanks/10/).

В настоящее время в институте работают два члена-корреспондента НАН РК, один член-корреспондент Академии военных наук РК, девять докторов наук, пять кандидатов наук, три доктора Ph.D, двенадцать магистров – специалисты в области политологии, социологии, государственного управления, истории и экономики.

За 24 года деятельности институтом было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальной сети Facebook.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов. С 2003 года институт провел 15 ежегодных конференций КИСИ по вопросам безопасности и стабильности в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, а также ученые из Азербайджана, Афганистана, Великобритании, Германии, Грузии, Индии, Ирана, Китая, Республики Корея, Монголии, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Швеции, Японии и др.

КИСИ является многолетней базой для прохождения научно-исследовательских, профессиональных, преддипломных практик и стажировок для студентов, магистрантов и докторантов высших учебных заведений страны.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. В 2017 году Министерство образования и науки Республики Казахстан выделило для КИСИ целевые гранты в Ph.D. докторантуру (три гранта по специальностям «социология», «политология» и «экономика») и магистратуру (один грант по специальности «политология») в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилёва и Казахском национальном университете им. аль-Фараби.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,

ул. Бейбитшилик, 4

Тел.: +7 (7172) 75-20-20

Факс: +7 (7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.

www.kisi.kz, www.kaziss.kz

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993, by the Decree of the President of Kazakhstan. In April 2014, the President of Kazakhstan issued the Executive Order to relocate the KazISS to Astana.

Since its foundation, the mission of the KazISS has been to provide prognostic and analytical support of strategic development of the domestic and foreign policies of Kazakhstan.

The KazISS is a professional think tank. According to 2016 Global Go To Think Tank Index, the KazISS was listed among the 100 best Defense and National Security Think Tanks and was ranked the 56th among the Best Government Affiliated Think Tanks (https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=think_tanks)

The KazISS employs a highly professional pool of experts; at present it includes two Corresponding Members of the National Academy of Science, one Corresponding Member of the Military Academy of Kazakhstan, nine Doctors of Science, five Candidates of Science, three PhDs and twelve Masters who specialize in political science, sociology, public administration, history, and economics.

For the twenty-four years since its establishment, the KazISS have published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute issues three journals: the *Kogam zhane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website in Kazakh, Russian, and English and a Facebook account.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round-table discussions. Since 2003, the KazISS has held fifteen Annual Conferences on Security and Stability in Central Asia. The KazISS fora are participated by reputable experts from Kazakhstan and Central Asia as well as from Azerbaijan, Afghanistan, China, France, Georgia, Germany, India, Iran, Korea, Mongolia, Pakistan, Russia, Sweden, Turkey, Japan, the UK, the USA and others.

The KazISS provides an opportunity for internship the graduate and

post-graduate students of Kazakhstan universities and the basis for research fellowships.

The Institute is striving to provide for professional development of its experts. In 2017, the Ministry of Education and Science of Kazakhstan allocated three grants for PhD degree in social science, political science and economics and one grant for Master's degree in political science at Al-Farabi Kazakh National University and Gumilev National University.

For any further information, contact us:

4, Beybitshilik St.
Astana, 010000
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (717) 75-20-20
Fax.: +7 (717) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz, www.kaziss.kz

Монография
Еркин Тукумов

Открывая Америку: взгляд из Казахстана
История развития сверхдержавы
Pro & Contra

Редактор: Елена Дремкова
Дизайн обложки: Валерий Глухов
Верстка: Валерий Глухов

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 23,25.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, Астана, ул. Бейбітшілік, 4

Отпечатано в типографии КФ «Буланды» ОО «КОС»
г. Макинск, ул. Громова, 73/2, тел.: 2-32-27